ГК540
Н 228

К. П. Новицкий (К. Петровин).

ОТ САМОДЕРЖАВИЯ

К ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА.

(1917 г.—Февраль—Октябрь.—1919 г.).

КРАТКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА.—1920.

К. П. Новицкий (К. Петровин).

ОТ САМОДЕРЖАВИЯ
К ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА.

(1917 г.—Февраль—октябрь.—1919 г.).

КРАТКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА.—1920.

ГКS40 Р
Н 898 Рев
31/49
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008
Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. Р. К. П. (б.)
185463 № 5017 1920 185463
К.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие ко второму изданию 3

ГЛАВА I. Первые раскаты грома.—Выступление революционных войск.—Полицейские засады.—Бои.—Заботы М. В. Родзянко.—Временный комитет Государственной Думы.—Монархия или демократическая республика 5

ГЛАВА II. Организация сил революционной демократии.—Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.—Победа революции.—Отречение Николая II.—Временное революционное правительство.—Буржуазия и 8-часовой рабочий день.—„Просветители" темных масс.—Глас вопиющего в пустыне.—Борьба демократии за мир.—Воззвание к народам всего мира.—Буржуазия и демократия 13

ГЛАВА III. Противоречие интересов новой власти и революционной демократии.—Политические и социальные задачи великой русской революции.—Позиция большинства С. Р. и С. Д.—Организация антидемократических сил.—Милюков.—Родзянко.—Уроки прошлого 34

ГЛАВА IV. „Сотрудничество классов".—Иллюзии гибнут, а факты остаются.—Контр-революционеры с открытым забралом.—Большевики и массы.—Мир, хлеб и свобода!—Вся власть советам!—Успех большевистских лозунгов 42

ГЛАВА V. „Правительство спасения революции".—Московское совещание.—Враги.—Декларация революционной демократии.—Декларация большевиков.—Политические „предсказания" сбылись.—Ответ буржуазии.—Корниловский мятеж 54

ГЛАВА VI. Демократическое совещание.—Падение меньшевистско-эсеровского блока.—А. Ф. Керенский.—На рубеже новой всемирной истории 90

ГЛАВА VII. Гражданская война.—Измена правых социалистов.—Победа пролетариата.—Власть Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.—Бунт интеллигенции.—Учредительное Собрание.—Последняя страница буржуазной истории России 108

ГЛАВА VIII. Борьба за мир.—Германские генералы и роли мировых жандармов.—Брестский мир.—Восстание левых эсеров.—„Передышка" 125

ГЛАВА IX. Советская конституция. От рабочего контроля к организации и управлению производством.—Национализация торговли.—Кодекс законов о труде.—Реформа школ.—III Коммунистический интернационал 137

Предисловие ко 2-му изданию.

Первое издание настоящей книги, вышедшее весной 1918 года под названием „Год революции", имело целью дать краткий очерк развития великой русской революции от февральско-мартовского переворота до октябрьской победы рабочего класса. В основу книги были положены лекции об этапах русской революции, читанные автором в 1917 году в культурно-просветительной комиссии „Московского Профессионального Союза торгово-промышленных служащих всех отраслей торговли" и в других пролетарских организациях, дополненные фактическим материалом. Условия боевого времени не позволили автору, занятому непрерывной журнальной и политической работой, дать собранному материалу исчерпывающий анализ и надлежащую литературную отделку. Книга заключает в себе лишь сырой материал. Но и в этом „сыром виде" краткий очерк борьбы классов и партий в русской революции при всех его недостатках, сознаваемых автором, будет прочитан читателем-рабочим не без пользы.

Во втором издании значительно дополнены II и VI главы и написаны две новые главы VIII и XIX, заключающие в себе обзор событий от октябрьской революции до созыва первого конгресса III Интернационала.

Старое название очерка автор сего признал необходимым заменить новым, более отвечающим расширенному содержанию книги.

Автор.

ГЛАВА I.

Первые раскаты грома.—Выступление революционных войск.—Полицейские засады. — Бои. — Заботы М. В. Родзянко. — Временный комитет Государственной Думы. — Монархия или демократическая республика.

1.

23 февраля 1917 года раздались в России первые раскаты грома. Мрачный горизонт нашего кошмарного „бытия" озарили первые зарницы великой революционной грозы, разрушившей до основания трон российских самодержцев. Измученные войной и голодом рабочие Петрограда вышли на улицы с требованиями — „Хлеба!... Хлеба!"... Выдвигая это требование, рабочие „совершенно ясно представляли себе, что голод и продовольственная разруха находятся в неразрывной связи со всеми царскими порядками; поэтому с первого же дня петроградское движение направилось против царизма—оно приняло ярко выраженный политический и революционный характер". 23 февраля 1917 г. Петроград напоминал славные октябрьские дни первой русской революции. На улицах и площадях—толпы народа. В фабричных кварталах—рабочие митинги. Рабочие массы с пением революционных песен направились к Невскому проспекту. Появились красные знамена—провозвестники великой революции.

Рабочее движение в первый же день приняло „угрожающий" характер. Царские слуги и представители так называемой „оппозиции его величества" не на шутку переполошились. По инициативе М. Родзянко 23-го февраля, вечером, в Мариинском дворце было созвано „экстренное совещание о мероприятиях для столицы" с целью создать организацию для „удовлетворения продовольственной нужды и в первую очередь удовлетворения рабочих в предприятиях, работающих на оборону".

В совещании приняли участие президиум Государственной Думы, все министры, кроме А. Д. Протопопова, петроградский городской голова и председатель петроградской губернской земской управы.

Открыв заседание, председатель совета министров кн. Н. Д. Голицын предложил обсудить „волнующий всех вопрос“ и предоставил слово, как инициатору совещания, председателю Государственной Думы.

М. В. Родзянко в своей речи остановился на отдельных мероприятиях, которые должны быть приняты для смягчения создавшегося положения. „Прежде всего,—заявил Родзянко,—необходимо немедленно же передать дело продовольствия в руки городских самоуправлений, как организаций, которые могут вызвать к себе доверие широких слоев населения. Само же правительство должно изменить направление внутренней политики и ослабить те цензурные стеснения, в которых находится печать, лишенная вследствие этого возможности дать надлежащее освещение событий и тем внести успокоение в умы населения“.

Министр земледелия А. А. Риттих и другие министры присоединились к мысли о необходимости передачи дела продовольствия в руки городов. А. А. Риттих признал, что „в настоящий острый момент несомненную роль играет доверие населения к тем органам, которые ведают дело распределения хлеба“ [1]).

Революционное движение между тем росло. Продовольственный вопрос, над разрешением которого „усердно ломали головы“ министры, уступил место политике. Кроме „хлеба“ рабочие потребовали свободы и мира.

„В пятницу, 24-го февраля, уличное движение приняло широкие, можно даже сказать всенародные размеры. Как и накануне, движение началось на окраинах, в рабочих кварталах, откуда с быстротой молнии перекинулось на центральные улицы. Около полудня у Литейного проспекта, где особенно много скопилось людей, полиция впервые пу-

---

[1]) „Русс. Ведомости“. 26 фев. 17 г.

стила в ход против народа холодное оружие, а затем раздались первые выстрелы" [2])... .

Камни мостовой обагрились мученической кровью борцов за свободу. Это были первые жертвы великой русской революции. Рабочие в этой схватке с полицией потеряли несколько десятков товарищей. Разсеянные полицейским огнем, они вновь собрались и многотысячной толпой направились к Казанской площади. Невский проспект был запружен народом. Над головами участников грандиозной демонстрации взвились красные знамена. Раздались революционные песни. Толпа, как один человек, обнажила головы. В это время вдали показались казаки. Демонстранты встретили их криками:

— Да здравствуют казаки!.. Ура!..

На этот раз не поднялась на народ казацкая нагайка — оплот царской власти. „Казаки, подъехав вплотую к толпе и видя ее настроение, не предпринимали никаких решительных мер".

На окраинах, в рабочих кварталах движение приняло боевой характер. Рабочие вступили в бой с полицией, которой отдан был приказ подавить „восстание хулиганья". Последний царский министр внутренных дел—политический проходимец—старался успокоить камарилью. Он уверял, что „революции нет", „взбунтовалось хулиганье, с которым полиция, благодаря уже принятым мерам, легко справится". Победоносное революционное движение пролетариата царский лакей называл бунтом „хулиганья", для подавления которого „уже приняты меры". В чем заключались эти „меры" стало известно на следующий день, когда в революционную толпу с домовых крыш посыпался град полицейских пуль. Протопопов устроил на крышах домов полицейские пулеметные засады. Это была сеть „засад", представлявших собою целую систему „усовершенствованного подавления революции". Царский опричник и лакей мечтал при помощи этой „усовершенствованной системы" потопить в крови народное восстание. Но, несмотря на принятые „меры", события развива-

---

[2]) М. В Михайлов. Первая неделя свободы в России. М. 17 г.

лись с молниеносной быстротой. Министерское спокойствие и уверенность в победе уступили место тревоге. „Утро субботы, 25-го февраля, застало петроградцев на улицах. Все почувствовали, что приближается что-то великое и решающее". В этот день рабочие вышли на улицу организованными массами. Социал-демократические организации, рабочие профессиональные союзы несли большие красные знамена, на которых красовались революционные требования восставшего народа: „Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!"... Протопоповские засады открыли по рабочим пулеметный огонь.

Начался бой.

Первое крупное столкновение народа с вооруженной силой старого порядка произошло на Казанской площади, где большая толпа манифестантов была остановлена отрядом солдат, которые после первого залпа в воздух начали расстреливать ложившуюся на землю толпу боевыми патронами.

Этот бой вывел из строя защитников русской свободы более 100 человек, которые были внесены в здание городской думы.

Второй „бой", данный правительством, произошел на Знаменской площади, которая была обильно орошена кровью борцов за „народную свободу" [1]).

Описание этого „боя" дано в книжке Н. Лукаша „Волынцы" [2]).

„С Невского к Знаменской площади двигалась, медленно колыхаясь, поющая толпа, а флаги метались над ней красными языками. Рота волынцев, с ружьем к ноге, выстроилась против памятника Александру III.

Толпа шла.

В стонущем гуле голосов слышались и приказания, и мольба:

— Не стреляйте! Неужели вы будете стрелять, братья?!

У многих солдат стояли слезы на глазах. А фельдфебель

---

[1]) М. В. Михайлов. Первая неделя свободы в России.

[2]) Цитирую по книге И. Розенталя „Вокруг переворота". П—д. 17 г. Стр. 112 и 113. Издательство „Книга".

Тимофей Кирпичников обходил сзади цепи солдат и к каждому наклонялся и каждого товарищески предостерегал:

— Ребята, больше думайте, главное, больше думайте... В кого вы будете стрелять!... Ведь наши, родные...

Откуда-то прискакали казаки. Щурят глаза, посмеиваются,—не стреляй, мол, братцы.

26-го февраля, в 8 час. утра, две роты волынцев снова повели на улицу. Первую роту спустили в подвал „Северной гостиницы", а вторая разместилась в домах по Николаевской улице. Был уже полдень, когда на Гончарной улице вдалеке опять заколыхалась толпа демонстрантов. И, казалось, эта толпа грознее тех толп, что были вчера. Гул голосов, нестройное пение марсельезы, глухие выкрики сливались в один долгий, неумолкаемый вопль. Толпа плыла и гудела, как темный кипящий поток.

Роту вывели.

— Залп!—послышалась короткая команда.

Не глядя в толпу, подняв только повыше винтовки, цепь дала первый залп в воздух, вверх. Но вдруг над головами затарахтали пулеметы и полилась первая кровь.

Стрельба поднялась со всех сторон.

Волынцы стреляли попрежнему вверх, но рассвирепевший командир выхватил винтовку и сам стрелял в толпу. Толпа разбегалась, катилась во все стороны, как черный горох. Жались к стенам домов редкие кучки людей. Тискались к запертым воротам. Падали в снег. Пробовали приподняться, встать, бежать и падали снова. В 3 ч. дня огонь был прекращен".

В этот же день казаки, вызванные на Знаменскую площадь расстреливать толпу, обратили свои ружья против врагов народа. В результате первой стычки казаков с полицейскими, последние потеряли несколько убитых и раненых. Весть о революционном выступлении казаков быстро облетела столицу. Вскоре стало известно, что воинские части, вызванные для подавления революции, примкнули к рабочим. На сторону революции перешли литовцы и преображенцы. 27 февраля, в 9 час. утра, волынцы заявили своему командиру:

— Мы больше стрелять не будем!

Спустя несколько часов во дворе, где собрались волынцы на тревожные звуки горнистов, слышалась уже команда:

— Правое плечо вперед, шагом марш—к литовцам, к преображенцам!..

Так один за другим присоединялись к революции петроградские полки.

М. В. Родзянко, встревоженный „широким размахом событий", грозивших „опасностью династии", отправил 26-го февраля царю телеграмму, в которой писал:

„Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Часть войск стреляет друг в друга. Необходимо поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Всякое промедление—смерти подобно. Молю Бога, чтобы часть ответственности не упала на венценосца".

На следующий день, 27-го февраля, указом „венценосца" была распущена Государственная Дума. Среди депутатов указ Николая вызвал двоякое отношение. П. Н. Милюков, боявшийся „развития революции и анархии", советовал подчиниться указу и разойтись. Однако, большинство депутатов стояло на противоположной точке зрения. Левые депутаты справедливо указывали, что указ „венценосца"—пустой звук. Подчиниться ему—значит подчиниться бессилью. Эта точка зрения восторжествовала,—Государственная Дума постановила не расходиться.

М. В. Родзянко, полный страха за судьбу династии, отправил 27-го февраля царю вторую телеграмму:

„Положение ухудшается, надо принять немедленно меры, ибо завтра будет уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии".

Судьба династии, собственно, была уже решена. Заботы Родзянко, его мольбы к Богу были напрасны. Никакие „меры" не могли уже спасти короны последнему русскому самодержцу.

Войска перешли на сторону восставшего народа. Сопротивление незначительных верных Николаю Романову вой-

сковых частей было сломлено. Рабочие и революционные солдаты взяли арсенал, главное артиллерийское управление и Петропавловскую крепость, где временно поместился штаб революционных войск.

Над крепостью развевался красный флаг революции.

Борцы за свободу, томившиеся в царских казематах, были освобождены рабочими и армией. Революция, разрушая на своем победоносном пути последние твердыни самодержавия, освобождала народ от политического рабства. Ее бурный поток захватил всех, даже тех, кто всегда враждебно относился к революционным требованиям народа. Все стали врагами старого строя.

2.

Государственная Дума, отброшенная событиями первых дней революции на задний план, сознав безнадежность обращений к „венценосцу", резко изменила свое отношение к революции. Члены Думы решили „использовать" революцию и, главное, вернуть себе прежнее значение в политической жизни. 27-го февраля Дума выделила из своего состава Временный Исполнительный Комитет, который принял на себя управление страной. В состав Комитета вошли: М. В. Родзянко, А. Ф. Керенский, Н. С. Чхеидзе, П. Н. Милюков, В. В. Шульгин, М. А. Караулов, А. И. Коновалов, И. И. Дмитрюков, В. А. Ржевский, С. И. Шидловский, В. Н. Некрасов, В. Н. Львов и полк. Энгельгард. Первым распоряжением Исполнит. Комитета было назначение особых комиссаров по управлению министерствами. В состав комиссаров вошли по министерству внутренних дел—гр. Д. Н. Капнист, А. М. Масленников, И. Н. Ефремов, М. И. Арефьев; по министерству почт и телеграфов—А. А. Барышников, К. К. Черносвитов, П. П. Гронский и М. Д. Калугин; по военному и морскому министерству—Н. В. Савич, А. Н. Саватеев; по министерству иностранных дел—Н. К. Волков, И. Н. Демидов, кн. Васильчиков, гр. Капнист 1-й; по министерству юстиции—В. А. Маклаков, М. С. Аджемов и В. Н. Басаков; по министерству торговли и промышленности—С. Н. Родзянко и Н. А. Ростовцев; по министерству финансов—В. А. Виноградов и И. В. Титов.

Исполнительный Комитет обратился к населению со следующим воззванием:

„Временный Комитет членов Государственной Думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознавая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием".

В воззвании ни слова не говорится о завоеваниях революции, об отношении Временного Комитета к династии. Большинство членов Комитета, очевидно, еще верило в возможность спасения монархии. Гучков и Шульгин предусмотрительно высказывались за „воздержание от всех действий, предрешающих форму будущего правления". Милюков же „настаивал на необходимости провозгласить императором наследника Алексея и регентом великого князя Михаила Александровича" [1]).

Буржуазия устами Милюкова и Гучкова говорила, что она вполне удовлетворится „переменой, ограничивающейся,—по меткому выражению Жоржа Ренара,—переложением короны с одной головы на другую" [2]).

Представители революционной демократии напомнили Милюковым и Гучковым, что кроме монархии, столь любезной их сердцу, существует форма государственного правления, основанная на началах народовластия.

Имя ей:

— Демократическая республика!

---

[1]) В. Л. Львов-Рогачевский. „Социалисты о текущем моменте". М. 17 г.
[2]) Жорж Ренар. Республика 1848 года. С.-П. 1907 г. Стр. 3.

ГЛАВА II.

Организация сил революционной демократии. — Советы Рабочих и Солдатских Депутатов. — Победа революции. — Отречение Николая II. — Временное революционное правительство. — Буржуазия и 8-часовой рабочий день. — „Просветители" темных масс. — Глас вопиющего в пустыне. — Борьба демократии за мир. — Воззвание к народам всего мира. — Буржуазия и демократия.

I.

В ночь на 27-е февраля, почти одновременно с Временным Исполнительным Комитетом Государственной Думы, образовался Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, положивший начало мощной организации сил революционной демократии. В первые дни своей деятельности Совет Р. и С. Д. объединил вокруг себя всех рабочих, всех солдат красного Петрограда. К нему с разных концов шли все угнетенные и эксплуатируемые. Здесь, в Совете, они находили отклик своим чаяниям и надеждам.

В первом воззвании к населению Совет Рабочих и Солдатских Депутатов говорил:

„Старая власть довела страну до полного развала, а народ до голодания. Терпеть дальше стало невозможно. Население Петрограда вышло на улицу, чтобы заявить о своем недовольстве. Его встретили залпами. Вместо хлеба царское правительство дало народу свинец. Но солдаты не захотели итти против народа и восстали против правительства. Вместе с народом они захватили оружие, военные склады и ряд важных правительственных учреждений. Борьба еще продолжается: она должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить место народному управлению. В этом спасение России.

Для успешного завершения борьбы в интересах демократии народ должен создать свою собственную властную организацию.

27-го февраля в столице образовался Совет Рабочих Депутатов из выборных представителей заводов и фабрик, демократических и социалистических партий и групп. Совет

Рабочих Депутатов, заседающий в Государственной Думе, ставит своей основной задачей организацию народных сил и борьбу за окончательное упрочение политической свободы и народного правления в России. Совет назначил районных комиссаров для установления народной власти в районах Петрограда. Приглашаем все население столицы немедленно сплотиться вокруг Совета. Образовать местные Комитеты в районах и взять в свои руки управление всеми местными делами. Все вместе, общими силами будем бороться за полное устранение старого правительства и созыв Учредительного Собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права".

По примеру Петрограда, один за другим создавались Советы в провинции. В конце марта состоялось первое совещание 82 Советов. В июньских съездах участвовало уже 336 Советов, объединявших 20.000.000 рабочих и солдат [1]).

К зданию Таврического дворца, где происходили заседания Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, 27 и 28-го февраля с разных концов города начали являться депутации полков, примкнувших к революции. Здесь были представители всех войсковых частей Петрограда, Кронштадта и Ораниенбаума. Посланные царем с фронта на усмирение Петрограда эшелоны присоединились к рабочим. На сторону революции перешел... собственный конвой Николая Романова.

Солдаты у Таврического дворца клялись:

Умереть за свободу народа!

Речи членов Совета Рабочих и Солдатских Депутатов покрывались восторженными кликами. На стороне революции была сила. Революция торжествовала победу. Царские министры и видные сановники—„столпы" самодержавия—были арестованы. 2 марта 1917 г. Николай Романов в железнодорожном вагоне вблизи Пскова подписал манифест об отречении от престола.

Вот текст этого исторического документа:

Божиею милостию Мы, Николай вторый, император всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и прочая, и прочая, и прочая,

---

[1]) В. Л. Львов-Рогачевский. „Социалисты о текущем моменте". М. 17 г.

объявляем всем Нашим верноподданным:

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новые тяжкие испытания. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны.

Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то, ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы и уже близок час, когда доблестная армия наша, совместно со славными союзниками нашими, сможет окончательно сломить врага.

В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную власть.

Не желая расстаться с любимым Сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше Брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга пред Ним повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы.

Да поможет Господь Бог России.

На подлинном собственною его императорского величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ".

Скрепил министр императорского двора генерал-адъютант граф ФРЕДЕРИКС.

2 марта 1917 года, 15 часов, город Псков.

Как видно из текста отречения, подписанного Николаем II в присутствии А. И. Гучкова и В. В. Шульгина, буржуазии удалось, „работая" за спиной революционной демократии, „переложить корону с одной головы на другую". По воле буржуазии Николай Романов уступил корону Михаилу Романову, благословляя его „на вступление на престол государства Российского"... Таким образом в течение нескольких часов Россия, вместо отрекшегося Николая, имела нового царя Михаила. „Буржуазный подарок" революционному

народу... вызвал взрыв негодования. Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, обсудив создавшееся положение, „вынес резолюцию протеста, которая была доведена до сведения правительства“. Совет министров вынужден был поехать к Михаилу и просить его отречься от своих прав на престол.

Михаил „отрекся“.

Так закончилась неудачная попытка буржуазии сохранить России монарха, который правил бы „делами государственными в полном и ненарушимом единении“... с капиталистами и помещиками.

Тирании, терзавшей страну в течение многих столетий, был положен конец. О возврате к монархии теперь не могло быть и речи. Революция победила и в центре, и в периферии. Из провинции приходили вести о безкровных победах революционного движения. В Москве власть 23-го февраля перешла в руки Временного Революционного Комитета, арестовавшего всех видных представителей царской власти. Образовавшийся 1-го марта Московский Совет Рабочих Депутатов и перешедший на сторону революции московский гарнизон стали оплотом нового строя. Освобожденная Россия стояла на пороге новой жизни, залитом яркими лучами народных надежд.

Трон самодержца пал! Освобожденный народ праздновал победу. Все слились в едином чувстве восторга. В порыве народного энтузиазма, казалось, „исчезли классовые противоречия“, забыты обиды, наступило объединение всех общественных групп. Даже рабы вчерашних владык стали республиканцами-революционерами, защитниками нового свободного строя. Революция казалась „сказкой“, „сном золотым“... На улицах и площадях — сотни тысяч народа... Свобода слова!... Свобода собраний!... Свобода печати!... Все свободы завоеваны разом... Уста, скованные вчера, сегодня метали громы, ткали тонкое кружево грез о братстве, о равенстве, о свободе народов. В рабочих кварталах шла кипучая организационная работа. Один за другим создавались мощные профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты, рабочие, партийные клубы. Великая армия труда под красным знаменем свободы собирала и объединяла свои

силы... Но „за внешней гармонией скрывались глубокие несогласия“... В воздухе висели тучи-буревестники, появившиеся уже в первые дни деятельности новой власти.

На блестящей ликующей поверхности февральской революции резко обозначились три основных течения, определявшие различное понимание задач революции, ее целей и классовой сущности. Такими течениями были: либеральное, „соглашательское“ и революционно-социалистическое. Первое опиралось преимущественно на тонкий, но экономически мощный слой крупной и средней буржуазии. Представители этого течения — „кадеты“ — считали революцию законченной. Появление у власти буржуазии было для них венцом революционных достижений. Необходимо было только расправить плечи и приступить к обильной жатве плодов революции. Второе — соглашательское — течение нашло себе отражение во взглядах меньшевиков и социалистов-революционеров, утверждавших, что „настоящая революция буржуазная и стало-быть не может обойтись без участия буржуазии у власти“. „Задача революции и ее ближайшая цель — говорили они — определяются классовой природой февральско-мартовского переворота“. Верхом революционных достижений они считали установление демократической республики. Это течение свило себе гнездо среди мелкой буржуазии и политически бесформенной, колеблющейся массы крестьянства и рабочих, не изжившихся мелко-буржуазных иллюзий. На почве одинакового понимания характера русской революции „сложился естественный блок социалистов-революционеров и меньшевиков“, в котором отразились „политическая половинчатость мещанской интеллигенции и ее вассальные отношения к империалистическому либерализму“ [1]).

Наконец, третье течение — революционно-социалистическое — отражало взгляд на революцию левого крыла российской социал-демократии — большевиков, опиравшихся на революционные слои пролетариата. Представители этого течения утверждали, что пролетариат является главной движущей силой революции, определяющей ее классовую

[1]) Л. Троцкий. „Октябрьская революция“. Изд. „Коммунист“. Стр. 14.

природу и ход ее дальнейшего развития. Разгром русского самодержавия, поставивший буржуазию у власти, — говорили они,—лишь первый этап гражданской борьбы, порожденной всемирной империалистической войной. Февральско-мартовскую революцию они, таким образом, ставили в причинную связь с войной и рассматривали ее, как первую фазу неизбежной гражданской войны мирового пролетариата с мировой буржуазией. Легкость победы над самодержавием представители большевистского течения объясняли исключительно внутренней социально-политической ситуацией, какая сложилась в результате революции 1905—1907 годов, последовавшей за ней контр-революционной эпохи 1907—1914 гг. и, наконец, трехлетнего участия России в империалистической войне. „Для того, чтобы царская монархия могла развалиться в несколько дней — писал Н. Ленин в „Письмах из далека", необходимо было сочетание целого ряда условий всемирно-исторической важности. Укажем главные из них. Без трех лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905—1907 годов была бы невозможна столь быстрая, в смысле завершения ее начального этапа в несколько дней, вторая революция. Первая (1905 г.) глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической жизни и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, показала друг другу и всему миру все классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей. Первая революция и следующая за ней контр-революционная эпоха (1907—1914 г. г.) обнаружила всю суть царской монархии, довела ее до „последней черты", раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе, все зверство семьи Романовых, — этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров, этих „первых среди равных" помещиков, владеющих миллионами десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан ради сохра-

нения этой своей и своего класса „священной собственности". Без революции 1905—1907 годов, без контр-революции 1907—1914 годов не возможно было бы такое точное „самоопределение" всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии, которое проявило себя в восемь дней февральско-мартовской революции 1917 года. Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, „разыграна" точно после десятка главных и второстепенных репетиций; „актеры" знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия... Но если первая великая революция 1905 года осужденная, как „великий мятеж" господами Гучковыми и Милюковыми с их прихвостнями, через 12 лет привела к „блестящей" „славной революции" 1917 года, которую Гучковы и Милюковы объявляют „славной", ибо она пока дала им власть, то необходим был еще великий, могучий, всесильный „режиссер", который, с одной стороны, в состоянии был ускорить в громадных размерах течение всемирной истории, а с другой стороны, породить невиданной силы всемирные кризисы — экономические, политические, национальные и интернациональные. Кроме необыкновенного ускорения всемирной истории нужны были особенно крутые повороты ее, чтобы на одном из таких поворотов телега, залитая кровью и грязью романовской монархии, могла опрокинуться сразу. Этим всесильным „режиссером", этим могучим ускорителем явилась всемирная империалистическая война"... [1]). „Империалистическая война с объективной неизбежностью должна была чрезвычайно ускорить и невиданно обострить классовую борьбу пролетариата против буржуазии, должна превратиться в гражданскую войну между враждебными классами. Это превращение начато февральско-мартовской революцией 1917 года"... [2]).

[1]) Н. Ленин. „Первый этап первой революции". (Письма из далека). „Правда" 1917 г. №№ 14 и 15.

[2]) Там же.

И если — говорили большевики — в результате свержения самодержавия у власти стала буржуазия, — необходимо с большей энергией продолжать дело организации революционных сил пролетариата, ибо борьба еще не закончена. Впереди — грозные битвы, которые „приведут пролетариат к победе над эксплоататорами, дадут землю крестьянам, мир народам, откроют верный путь к победоносной революции всемирного социалистического пролетариата". Необходимо звать рабочий класс к дальнейшей борьбе, а не усыплять, убаюкивать его достигнутой победой.

2.

27-го февраля в Петрограде „зародились два центра, два органа, которые явились источниками власти",—Временный Комитет Государственной Думы и Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. В ночь с 28-го февраля на 1-е марта Временным Комитетом Государственной Думы было созвано совещание для решения вопроса о создании революционного правительства, о характере власти и ее программе. На совещание были приглашены и представители Совета.

„В первые дни революции Петроградский Совет,—по словам члена С. Р. и С. Д. с.-д. Стеклова [1]),—имел возможность захватить всю власть в свои руки. Он этого не сделал, а предоставил Государств. Думе организовать временное правительство. Он даже отказался принять участие в этом правительстве, а решил действовать на него извне". Совет решил „ограничиться предъявлением правительству определенных политических требований, осуществить контроль над выполнением этих требований и, не влияя непосредственно на состав министерства, т.-е. не указывая непосредственно кандидатур желательных министров, ограничиться только правом отвода кандидатур, явно нежелательных и явно враждебных и опасных для революции" [2]).

[1]) Доклад Стеклова на мартовском совещании Советов об отношении к временному правительству. Цитирую по брошюре А. Богданова.—„Уроки первых шагов революции". М. 1917 г.

[2]) „Известия Петроград. Сов. Раб. и Солд. Деп". 17 г. № 32.

В этом решении Совета ярко отразился оппортунизм меньшевиков и социалистов-революционеров, свидетельствующий о неспособности мелкой буржуазии взять власть в свои руки в острый период империалистической войны. Меньшевики и социалисты-революционеры боялись власти не меньше, чем либералы революции. Это помогло организованной буржуазии захватить власть в свои руки и стать на довольно продолжительное время у руля государственного корабля. Буржуазия пыталась направить его подальше от бурных волн революции и ввести в тихую бухту буржуазного господства, но потерпела неудачу.

Итак, с согласия Совета было организовано первое временное революционное правительство, во главе которого стал главноуполномоченный земского союза кн. Г. Е. Львов. Наиболее ответственные министерские посты заняли: „в качестве министра иностранных дел—член Думы П. Н. Милюков, уже давно прославившийся своими требованиями раздела Австрии и Турции и отстаивавший для России решительную завоевательную политику; в качестве военного министра—А. И. Гучков, человек определенного прошлого: во время первой революции он вдохновлял ее усмирителей, одобрял военно-полевые суды и высказался за лишение народных масс избирательных прав в Государственную Думу“[3]). Единственным представителем демократии во временном правительстве был с.-р. А. Ф. Керенский, занявший пост министра юстиции без предварительного согласия Совета. Приняв министерский портфель, Керенский сложил свои полномочия товарища председателя Совета и „был тут же немедленно, без голосования, единодушными рукоплесканиями и криками „просим“, перезбран и окрещен ложником демократии во враждебном стане“.

Таков был состав временного правительства, призванного „осуществлять волю революционного народа“. В ночном заседании совещания по организации революционной власти представители Совета предложили „революционно-

---

[3]) И. И. Ходоровский. „Организация революционных сил“. Изд. „Обновление“. М. 1917 г.

демократическую программу, которая, в главных чертах, была принята и легла в основу декларации правительства", принявшего на себя следующие обязательства:

1. Осуществить полную, без всяких ограничений амнистию.
2. Установить свободу слова, печати, союзов, собраний, стачек.
3. Отменить все сословные, вероисповедные и национальные ограничения.
4. Организовать народную милицию вместо полиции.
5. Установить выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.
6. Обеспечить солдатам пользование их гражданскими правами.
7. Немедленно приступить к подготовке созыва Учредительного Собрания на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.
8. Не откладывать выполнение перечисленных обязательств под предлогом нужд войны и военных обстоятельств.

Опубликованная временным правительством программа, разумеется, далеко не охватывала всех жгучих вопросов, выдвинутых революцией и требовавших разрешения. В „обязательствах" новой революционной власти нет ни слова о земле, о мерах по улучшению экономического положения рабочих, об отношении временного правительства к войне. Между тем все эти вопросы приобретали характер неотложных проблем революции.

Рабочий класс и армия ждали их решения.

Между тем, став у власти, либералы прежде всего стремились использовать революцию в империалистических целях. Старый лозунг „война до полной победы" не только сохранил свое прежнее значение и силу, но к нему в новых условиях буржуазия присоединила новый боевой лозунг—„революция для победы". Это означало, что все революционные завоевания рабочих и крестьян буржуазия намерена использовать для более успешного, чем при царском режиме, ведения войны. Алчному взору русских промышленников уже рисовались боевые подвиги революционных войск, завоевывающих трудовою кровью для русских капиталистов Галицию, Дарда-

неллы, Константинополь. Пред этой „главной задачей революции", объединившей Милюкова, Гучкова и Родзянко—типичных представителей трех основных общественных групп класса российской буржуазии,—должны были отступить назад все социально-политические проблемы, поставленные в порядок дня революцией.

Все для победы!.. Все для войны!.. Вот—главное и основное требование новой революционной власти, лишний раз подчеркнувшее империалистическую природу русского либерализма. От либералов не отставали и представители демократии. Меньшевики и социалисты-революционеры готовы были временно пожертвовать „очередными вопросами революции" во имя... защиты свободного отечества от натиска враждебных армий. И на-ряду с либеральным лозунгом „все для победы" был выдвинут демократический лозунг—„все для обороны"...

3.

Попытки Советов Рабочих Депутатов „отложить борьбу рабочих за свои экономические требования, чтобы не вносить раскола в общенародное движение" [1]), потерпели в конце концов неудачу. Под давлением рабочих Советы вынуждены были поставить на разрешение „рабочего парламента" вопрос о введении 8-часового рабочего дня.

Рабочие предъявили буржуазии к оплате старый вексель. Этого было вполне достаточно, чтобы нарушить „сон золотой" и разрушить „сказку" первых дней революции. Буржуазия ощетинилась... Ее интересам грозила опасность... В Петрограде рабочие крупных районов, ликвидировав политическую забастовку, продолжали борьбу за экономические требования. Сокращение рабочего дня имело для рабочих, после победы революции, не только экономическое, но и крупное п о л и т и ч е с к о е значение. „Победа революции,—писали „Известия Московского Совета Рабочих Депутатов",—повелительно требует установления 8-часового рабочего дня для рабочего класса, чтобы дать ему возможность организовать свои силы, лучше закрепить добытую народом

[1]) К. Петровин—„Учредительное Собрание". Изд. „Возрождение". Москва, 1917 г.

свободу. Выставляя свое чисто-классовое требование 8-часового рабочего дня, рабочий класс делает всенародное дело [1]). „Промышленная и торговая буржуазия, конечно, иначе оценила требование рабочих. Петроградское общество фабрикантов и заводчиков только „после упорной и безуспешной борьбы с притязаниями рабочих" само обратилось в Совет Рабочих Депутатов с предложением решить спор путем соглашения... Фабриканты и купцы Московского промышленного района проявили больше хитрости и упорства в защите интересов кармана, чем их петроградские собратья. В беседе с уполномоченными Московского Совета Рабочих Депутатов Смидовичем и Гендельманом, представитель Биржевого Комитета Третьяков старался доказать, что от проведения 8-часового рабочего дня „личные экономические интересы промышленников не пострадают", но, „принимая во внимание интересы общегосударственные и гражданские, он допускает введение 8-часового рабочего дня во всех предприятиях, кроме предприятий, работающих на оборону, вырабатывающих предметы первой необходимости и по топливу, при условии сверхурочных работ"... „Во всех этих предприятиях—заявил Третьяков—рабочий день будет зафиксирован, как 8-часовой, а сверхурочные будут оплачиваться особо". Заявление это было сделано Третьяковым „от лица всех объединенных промышленных организаций". На одном из ближайших заседаний Исполнительного Комитета Общественных Организаций Третьяков вручил Смидовичу и Гендельману в запечатанном пакете документ, который „должен был в письменной форме подтвердить обещание Третьякова о проведении 8-часового рабочего дня во всем промышленном районе"... В запечатанном пакете вместо ожидаемого документа оказалась копия постановления Московского Торгово-Промышленного Комитета от 14 марта 1917 года, в которой говорилось:

„Вопрос о 8-часовом рабочем дне не может быть рассматриваем, как вопрос взаимного соглашения между предпри-

---

[1]) С. Яковлев—„8-часовой рабочий день" („Известия Моск. Сов. Раб. Деп". 1917 г. № 15).

нимателями и рабочими, так как он имеет значение общегосударственное. В разрешении его заинтересовано все население, почему он не может быть даже предметом временного законодательства, а должен быть разрешен волею всего народа в правильно образованных законодательных учреждениях. В виду вышеизложенного представители промышленности считают, что всякое разрешение этого вопроса в ином порядке, кроме законодательного, было бы посягательством на права народного представительства, почему не признают для себя возможным разрешить его в данный момент, как бы благожелательно ни было их отношение к интересам рабочих. Установление той или иной продолжительности рабочего дня, раз таковая будет единообразна во всем государстве, совершенно не затрогивает личных интересов предпринимателей, но, как граждане, они не могут не сказать, что всякое сокращение рабочего дня в данный момент было бы опасным, принимая во внимание громадный недостаток ценностей в стране и потребность в них армии и народа. Вышеприведенные принципиальные возражения против введения 8-часового рабочего дня и вообще против всякого сокращения рабочего времени в настоящий тяжелый для России момент не знаменуют, однако, собой отказа предпринимателей в каждом отдельном случае входить в соглашение с рабочими об улучшении их материального положения, вызываемом экономическими условиями переживаемого времени“ [1]).

Так, лицемерно „прикрываясь гражданскими чувствами“ и общегосударственными интересами, московские промышленники защищали интересы своего кармана. Рабочим стало ясно, что их классовые враги уступят лишь реальной силе. 16-го марта в заседании Московского Совета Рабочих Депутатов фракция большевиков предложила „ввести явочным порядком немедленно 8-часовой рабочий день“. Представители других фракций — меньшевики, соц.-революционеры и с.-д.-интернационалисты — внесли две резолюции.

---

[1]) Речь Гендельмана на заседании М. С. Р. Д. от 16 марта 1917 года („Изв. М. С. Р. Д.“ № 14).

Резолюция меньшевиков и с.-р. рекомендовала „впредь до введения закона о нормировке рабочего дня, на всех фабриках и заводах признать необходимым введение 8-часового рабочего дня", но... „день приведения в исполнение настоящего постановления установить в следующем очередном заседании Совета"... А пока... „признать недопустимым сепаратные выступления в борьбе за 8-часовой рабочий день"... С.-д.-интернационалисты предлагали „потребовать от временного правительства издания декрета о введении 8-часового рабочего дня; на всех фабриках и заводах Москвы организовать собрания для принятия резолюций, подтверждающих это требование; в случае промедления временного правительства с положительным ответом, организовать демонстрации исключительно в подтверждение требования 8-часового рабочего дня; в случае отказа издать такой декрет, — созвать экстренный съезд представителей всех Советов Рабочих Депутатов для обсуждения мер к осуществлению всех требований рабочего класса".

Наибольший успех имело, конечно, краткое предложение фракции большевиков. Однако, по предложению Президиума Совет постановил в виду малочисленности собрания и важности вопроса отложить решение его до следующего заседания.

Спустя 2 дня, 18-го марта, состоялся очередной Пленум Совета. Вопрос о введении 8-часового рабочего дня стоял первым в повестке. Большая аудитория Политехнического музея, где обычно происходили и происходят заседания Московского Совета, была переполнена депутатами. Никогда до этого, если не считать первого заседания Совета, не было такого многолюдного Пленума, как в этот исторический день. Лица депутатов серьезные и сосредоточенные. Настроение боевое.

Представители районов в своих докладах отмечали, что „часть фабрик и заводов ввели уже 8-часовой рабочий день явочным порядком, часть, не желая этого вопроса решать частично, ждет постановления Совета Рабочих Депутатов". На всех фабриках и заводах, однако, рабочие высказывались за немедленное повсеместное проведение нормаль-

ного рабочего дня. „Если Совет — говорили депутаты — решит этот вопрос отрицательно, — 8-часовой рабочий день будет введен революционным явочным порядком".

Итак, вопрос о введении 8-часового рабочего дня московскими рабочими, как показали доклады с мест, был решен в положительном смысле. Для повсеместного его проведения в Москве требовалась только санкция Совета. Совершенно ясно было, что если Совет этой санкции не даст, он подорвет в массах свой авторитет. „Совет — говорили депутаты рабочих — не должен плестись позади событий; он должен оформливать волю пролетариата и быть его руководителем".

Бурные дебаты, развернувшиеся, главным образом, по вопросу о форме проведения в жизнь 8-часового рабочего дня, разделили Пленум Совета на два лагеря. Представители советского большинства настаивали на необходимости издания временным правительством соответствующего декрета для всей России; меньшинство требовало введения нормального рабочего дня явочным порядком. Московский Совет Рабочих Депутатов в результате прений принял постановление, примиряющее обе точки зрения.

Вот его текст:

„1) Признать необходимым введение 8-часового рабочего дня во всей стране, обратиться к временному правительству с требованием о немедленном издании соответствующего декрета и призвать все Советы Р. Д. поддержать это требование об издании декрета о введении 8-часового рабочего дня.

2) В Москве же, не дожидаясь издания такого декрета, ввести 8-часовой рабочий день, а в ночных сменах — 7-часовой с 21-го марта.

3) В предпраздничные дни работа должна производиться 7 часов. В тех предприятиях, где в настоящее время работают в предпраздничные дни 6 часов, рабочий день удлинен быть не может.

4) Сверхурочные работы допускаются только в отраслях промышленных, работающих на оборону, производящих предметы первой необходимости и по добыче топлива, когда нет других способов сохранить прежние размеры производства.

5) Существующий размер заработка не может быть изменен при введении 8-часового рабочего дня. Сверхурочные часы работы оплачиваются по двойной расценке.

6) Вопрос о допущении сверхурочных работ разрешается фабрично-заводскими комитетами, при участии районных Советов Р. Д.".

Приняв это постановление, Совет обратился к населению с воззванием, в котором между прочим говорил:

„Граждане! Весь народ должен поддержать постановление Совета Рабочих Депутатов. Для всего народа важно, чтобы рабочий работал не больше 8 часов. Рабочий класс поставлен историей настраже революции и свободы... Длинный рабочий день истощает силу рабочего, понижает производительность его труда, не дает ему возможности выполнять его гражданские обязанности. Чтобы закрепить для всего народа широкое участие в устройстве новой жизни, чтобы организовать свои силы для искоренения всех остатков старого строя, для решительной борьбы с врагами свободы рабочему классу нужен досуг, ему нужен 8-часовой рабочий день".

Воззвание заканчивалось: „Заря свободы только занялась! Пусть же разгорится она ярким пламенем. Стряхните с себя, граждане, привитое вам веками рабство понятий. Пусть души ваши загорятся святым огнем революции, творящим новую жизнь. Выкуем в этом огне свободную новую Россию. И прежде всего поддержите рабочий класс в его борьбе за 8-часовой рабочий день".

Московские рабочие, вводя нормальный рабочий день явочным революционным порядком, помимо, больше того — вопреки желанию временного правительства,— обращались за поддержкой к населению столицы, среди которого уже „работали" политические „просветители" „культурнейшей партии в России"—партии „народной свободы", обвиняя рабочих в „измене" родине, в „ослаблении фронта, в сознательном понижении боеспособности армии, оставленной без снарядов и патронов". Рабочие на митингах и на случайных уличных собраниях разоблачали „просветителей" народа,

опровергая вздорные обвинения, успех которых явно строился на „темноте“ солдат и на „невежестве“ серого городского обывателя. В борьбе против 8-час. рабочего дня буржуазия, однако, не ограничилась политико-экономическим „просвещением“ темных народных масс, сочувствовавших завоеваниям рабочих... Буржуазия пошла на крайнюю, предательскую меру—закрытие заводов и фабрик, работающих на оборону. Сокращение производства „оборонительных средств“ было поставлено в связь с введением 8-час. рабочего дня. Цель этой „меры“ была ясна: восстановить фронт против рабочих. Провокация, однако, не удалась. Рабочие организации потребовали „выяснения причин закрытия промышленных заводов, работающих на оборону, и предания суду промышленников, виновных в закрытии фабрик и заводов в целях уменьшения производства необходимых для армии и солдат предметов“. Следственная комиссия, в состав которой вошли кроме рабочих и представители армии, прибывшие с фронта, установила провокационный характер „забастовки промышленников“.

4.

Рабочий класс в борьбе с буржуазией за осуществление пролетарских экономических требований одержал первую победу: в Петрограде 8-часовой рабочий день был введен по соглашению Совета Рабочих Депутатов с петроградским обществом заводчиков и фабрикантов, в Москве и во всех крупных городах России—явочным революционным путем.

Обращение Московского Совета Рабочих Депутатов к временному правительству „с требованием немедленного издания“ декрета о повсеместном введении 8-часового рабочего дня осталось... „гласом, вопиющего в пустыне“. Временное правительство избегало так называемых „проклятых вопросов революции“. Вопрос о земле остался открытым. К рабочему вопросу, ставшему „осью русской революции“, члены революционного правительства боялись приступить. Ничего не сделало временное правительство и для ослабления хозяйственной разрухи и продовольственного кризиса. Отношение новой власти к братоубийственной войне внушало демократии тревогу. Война была затеяна и велась в инте-

ресах царей, империалистической буржуазии, создававшей кровью народа новые источники для своего обогащения. Такую войну народ продолжать не мог. Временное правительство должно было заявить, что „революционная Россия не стремится к каким бы то ни было захватам и обогащениям за счет других народов", и что оно, порывая с внешней империалистической политикой прошлого, готово заключить с воюющими странами общий демократический мир. Так должно было бы поступить правительство революционной России. К сожалению, люди, ставшие у кормила власти, иначе понимали задачи момента и цели войны. Они пошли по другому пути. Министр иностранных дел Милюков „поспешил довести до сведения союзников, что революционная Россия будет свято соблюдать все договоры, заключенные союзниками с Николаем Романовым и его правительством, и что новая Россия будет продолжать войну до победного конца [1]). Выступление Милюкова заставило демократию положить предел „завоеваниям" воинственного министра, готового пролить потоки народной—рабочей и крестьянской—крови за „проливы", столь необходимые русским капиталистам. Русская демократия, под давлением революционных рабочих, взяла на себя инициативу прекращения братоубийственной войны, объявив борьбу за демократический мир и братство народов. 14 марта 1917 года Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов обратился к народам всего мира со следующим воззванием:

„Товарищи пролетарии и трудящиеся всех стран!

Мы, русские рабочие и солдаты, объединенные в Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, шлем вам наш пламенный привет и возвещаем о великом событии: российская демократия повергла в прах вековой деспотизм царя и вступает в вашу семью полноправным членом и грозною силою в борьбе за наше общее освобождение.

Наша победа—есть великая победа всемирной свободы и демократии. Нет больше главного устоя мировой реакции и жандарма Европы.

---

[1]) И. И. Ходоровский—„Организация революционных сил". Москва, 17 г.

Да будет тяжким гранитом земля на его могиле!

Да здравствует свобода!

Да здравствует международная солидарность пролетариата и его борьба за окончательную победу!

Наше дело еще не завершено. Еще не рассеялись тени старого порядка, и не мало врагов собирают силы против русской революции. Но все же огромно наше завоевание. Народы России выразят свою волю в Учредительном Собрании, которое будет созвано в ближайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

И уже сейчас можно с уверенностью предсказать, что в России восторжествует демократическая республика.

Русский народ обладает полной политической свободой. Он может ныне сказать свое властное слово во внутреннем распорядке страны и во внешней ее политике.

Мы обращаемся ко всем народам, истребляемым и разоряемым в чудовищной войне. Мы заявляем, что наступила пора начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран.

Наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире.

В сознании своей революционной силы российская демократия заявляет, что она будет всеми мерами противодействовать захватной политике своих господствующих классов, и она призывает народы Европы к совместным решительным выступлениям в пользу мира.

Мы обращаемся к нашим братьям пролетариям австро-германской коалиции и прежде всего к германскому пролетариату.

С первых дней войны вас убеждали в том, что, поднимая оружие против самодержавной России, вы защищаете культуру Европы от азиатского деспотизма. Многие из нас видели в этом оправдание той поддержки, которую вы оказали войне. Ныне не стало и этого оправдания. Демократическая Россия не может быть угрозой свободе и цивилизации. Мы будем стойко защищать нашу собственную свободу от всяких реакционных посягательств

как изнутри, так и извне. Русская революция не отступит пред штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силе.

Но мы призываем вас сбросить с себя иго вашего полусамодержавного порядка.

Подобно тому, как русский народ стряхнул с себя царское самовластие, откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров, и дружными объединенными усилиями мы прекратим страшную бойню, позорящую человечество и омрачающую великие дни рождения русской свободы.

Трудящиеся всех стран! Братски протягивая вам руку через горы братских трупов, через реки невинной крови и слез, через дымящиеся развалины городов и деревень, через погибшие сокровища культуры, мы призываем вас к восстановлению и укреплению международного единства. В нем залог наших грядущих побед и полного освобождения человечества.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

Воззвание это вскрывало глубокое противоречие между „словами" и „делами" совета в вопросах войны и мира.

Протягивая братски руку пролетариату воюющих с нами стран, рекомендуя ему „сбросить иго полусамодержавного порядка" и отказаться „служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров", Петроградский Совет в то же время ревностно охранял мир с отечественной буржуазией; провозглашая лозунги демократического мира „без аннексий и контрибуций", Петроградский Совет продолжал поддерживать ведение войны, правда, „оборонительной" войны, при сохранении в силе тайных аннекситских договоров. Это внутреннее противоречие мартовского манифеста Петроградского Совета к народам всего мира резко подчеркивало неискренность позиции Совета и ослабляло международное значение исторического документа.

Тем не менее, мир „без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народностей" стал лозунгом всей демократической России. И, несмотря на вой буржуазии, подвергшей беспощадной критике советскую формулу мира, вре-

менное правительство, под давлением революционной демократии вынуждено было заявить, что „цель свободной России—не господство над другими народами, не отнятие у них национального их достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение полного мира на основе самоопределения народов".

Воинствующий лидер „кадетов", подписывая левой рукой заявление временного правительства о целях войны, правой потрясал мечом. 18-го апреля (1 мая), в день международного пролетарского праздника, т.-е. спустя три дня после опубликования правительственного заявления об отсутствии у революционной России захватных стремлений, Милюков обратился к союзникам с новой нотой, в которой опять заявлял, что „Россия будет вести войну до „победного конца", при безусловном соблюдении всех прежде заключенных договоров". Это был наглый вызов революционной демократии, вскрывший наличность глубоких разногласий между новой властью и соглашательским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов. В этот день ясно обозначились два пути: реакционный путь империалистической буржуазии и боевой путь революционной демократии. О слиянии их не могло быть и речи.

„Борьба не кончена,—говорили рабочие.— Впереди предстоят новые битвы, новые революционные победы"...

Падение самодержавия, легкость победы, одержанной народом в февральские дни, участие в революции армии, которая тогда являла собою небывалое в истории России по своим размерам вооружение трудового народа и, наконец, появление у власти в первые дни революции полулиберальной-полуреакционной буржуазии,—все это предопределяло дальнейшее развитие революции. Победа, одержанная в февральские дни, далеко превзошла политические чаяния либеральных слоев русского общества, желавших „умеренных свобод", „умеренных преобразований". Буржуазия стремилась лишь к замене умственно ограниченного

Николая II монархом, ограниченным конституционными гарантиями. Революция, разрушив царский трон,—увы!—погребла под его развалинами и самую идею монархизма.

ГЛАВА III.

Противоречие интересов новой власти и революционной демократии.—Политические и социальные задачи великой русской революции.—Позиция большинства С. Р. и С. Д.—Организация антидемократических сил.—Милюков.—Родзянко.—Уроки прошлого.

1.

Между революционной демократией, провозгласившей принципы демократической республики, и людьми, ставшими у власти, не было и не могло быть контакта. Демократия считала необходимым закрепить за трудящимися максимум демократических завоеваний. Родзянко, Шульгин, Милюков, Коновалов, Ржевский и Львов, образовавшие в ночьна 27-го февраля Исполнительный Комитет Государственной Думы,—разве они могли явиться исполнителями воли трудового народа? Конечно, нет. Они, как временное правительство первого созыва, в состав которого вошли те же Милюковы, Коноваловы и Львовы, считали падение Николая Романова максимумом революционных достижений. Здесь они ставили точку. Больше того: окрасив свои одежды в республиканский цвет, но сохранив умеренно либеральную сущность своих политических стремлений, они грустно мечтали о монархии английского типа,—монархии, которая обеспечила бы господство буржуазии. В то время, когда в освобожденной стране звучал победный клич: „Да здравствует демократическая республика!“, Милюков говорил о регентстве.

Между народом-победителем и новой властью лежала пропасть противоречия интересов. Такая власть не могла быть выразительницей воли народа. Такую власть нельзя было назвать народной властью. И такой власти нельзя было оказать полного доверия. И вот в политический оборот была пущена известная и столь ненавистная

кадетам формула доверия „постольку, поскольку", связывавшая деятельность временного правительства. Формула эта свидетельствовала, что демократия и новая власть различно понимают политические и социальные задачи, выдвинутые великой революцией, что между народом и властью, как и при старом строе, нет взаимного понимания, нет контакта, нет общего языка. Наоборот, интересы народа и новой власти враждебны, противоположны. Все уверения буржуазной печати о том, что временное правительство, выдвинутое революцией, стоит на защите общенародных интересов,— лишь сказка для взрослых детей. Интересы демократии требовали закрепления добытых революцией политических свобод, открывавших пред рабочим классом и всеми трудящимися широкий путь для борьбы за экономические достижения. Интересы буржуазии, ставшей у власти, наоборот, требовали положить предел политическим завоеваниям демократии, удержать власть в своих руках и таким путем оградить свой карман от „грабительских" „разбойных" покушений рабочего класса. Другими словами, сохранить за собой возможность безграничной эксплоатации трудового народа.

При таком противоречии интересов наивно было полагать, что новая власть в состоянии будет довести страну до Учредительного Собрания. Напротив, следовало ждать разрыва и падения временного правительства, ибо оно по своему классовому составу в условиях русской демократической революции было политической аномалией.

При таком положении вещей разве можно было говорить, что революция закончена? Разве могла быть речь о какой бы то ни было работе по организации новой государственной жизни страны? Создавшееся в первые дни февральского переворота положение говорило о неизбежности разрыва между демократией и новой властью, ибо власть эта была построена по принципу классового господства буржуазии, применение которого было огромной политической ошибкой демократии. Февральскую революцию даже самые упрямые „соглашатели" с буржуазией не называют теперь буржуазной ре-

волюцией, а именуют, правда, с оговорками, революцией демократической. Лучше поздно сознать свои ошибки, чем никогда. Но, сказав *а*, нужно сказать и *б*. Однако, социалисты-оппортунисты этого не делают. Русская революция в силу соотношения действующих в ней сил является уже по общему признанию—революцией демократической. Задача русской великой революции — создание пролетарско-трудового государства, покоящегося на началах действительного, а не мнимого народовластия, способного осуществить программу широких социальных преобразований и вывести рабочий класс на широкий путь свободной классовой борьбы за экономическое равенство, за социализм. Осуществление этой задачи должно было быть поручено не враждебным демократии представителям буржуазии, а революционному демократическому правительству. Соотношение сил в стране вполне обеспечивало возможность решения намеченной выше политической проблемы.

Но меньшевики и социалисты-революционеры, составлявшие большинство в тогдашних советах, вопреки логике событий, решили во что бы то ни стало пережить только „буржуазную" революцию, и с этой благородной целью всячески „тащили" буржуазию к власти, устанавливали ее господство, ибо „не приспело еще время, когда социалисты могут стать у власти" [1]). Сторонникам этой точки зрения казалось, что „захват власти" демократией—„большое несчастье и для пролетариата, и для революции". „В обнищалой стране,—говорили реальные политики,—нам придется по одежке протягивать ножки, а между тем максимализм стихий будет толкать к опасным экспериментам". Поэтому „нам необходимо в пределах буржуазного общества добиться максимальных достижений, и программа временного правительства достаточно радикальна для этого". Какая безграничная вера в радикализм помещиков и капиталистов! И в то же время какая боязнь „максимализма стихий" и

---

[1]) Доклад И. А. Исува. Протокол пленарных собраний Моск. Областн. бюро с.-р. и с. д. Засед. 3-го мая, стр. 74.

„опасных экспериментов“. Деятельность временного правительства первого созыва вразумительно показала, как легко демократии „в пределах буржуазного общества“, при господстве „радикалов“ Милюкова и Коновалова, „добиться максимальных достижений“. Об этом красноречиво поведал на всероссийском съезде Советов Рабочих и Солдатских Депутатов представитель советского большинства Либер:

— Отмена старой власти, — говорил он, — свелась только к тому, что обязанности официальных исправников и губернаторов взяли на себя председатели губернских и уездных земских управ. Эти шаги свидетельствуют о том, что новое революционное правительство не отдавало себе отчета во всей сложности нового положения, что эти новые организации не только не могли быть проводниками начал новой революционной России, но даже с точки зрения элементарного сохранения порядка не в состоянии были укрепить этот порядок, потому что им никто не верил. Вот каким образом подготовлялся внутренний кризис. Революционная страна ждать не могла и начала выступать со своими требованиями и укреплять свободу собственными средствами. Средства эти состояли в том, что те комиссары, которые назначались правительством, оставались сидеть, а вместо них создавалась единая властная организация местных Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Вместо того, чтобы единая революционная власть произвела во всей стране единую революционную реформу, для местных органов открылся путь для всякого рода маленьких республик и анархий [1]).

Кто виноват?

— Вина за создавшееся положение,—говорил Либер [2])— ложится не на революционную демократию, а на временное правительство в его прежнем (первом) составе. Все это привело к тому, что власть все больше и больше колебалась, и события 21-го апреля стали неизбежны.

„Неизбежность“ этих „событий“ была ясна уже в дни организации революционной власти. Классовый состав вер-

---

[1]) „Известия Московского Совета Рабочих Депутатов“ № 78, 1917 г.
[2]) Ibid.

шителей революционных судеб России устранял всякие основания для сомнений и колебаний на этот счет. Буржуазия появилась у власти не вследствие реального соотношения общественных сил в стране, а была добровольно выдвинута демократией в нарушение этого закона.

Став у власти, буржуазия не могла опереться ни на широкие трудовые массы, требовавшие решительных мероприятий в области политики и экономики, ни на материальную силу в стране, ибо эта сила была на стороне демократии. Буржуазная власть должна была пасть, и она пала.

2.

Внешней причиной падения буржуазной власти считают разногласие, существовавшее между ответственными органами революционной демократии—Сов. Раб. и Солдатск. Деп.— и временным правительством по вопросу о войне и мире, а также по поводу организации армии на началах укрепления среди солдат железной дисциплины, без возсоздания которой военный и морской министр Гучков отказался „спасать отечество от внешнего разгрома". Формула Сов. Раб. и Солд. Депут. о мире без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народностей не могла встретить горячего сочувствия со стороны буржуазной власти: вдохновитель и верховный носитель политических идеалов либеральной буржуазии, злой гений русской общественности Милюков предавался мечтам об аннексии Константинополя и проливов. Внешняя политика Сов. Раб. и Солд. Деп. была взята под подозрение. Министр иностранных дел всячески противодействовал принятию советской формулы мира, и когда под давлением демократии временное правительство пошло в этом отношении на уступки, Милюков „без ведома своих коллег по министерству" разослал союзным державам известную „милюковскую" ноту о войне „до победного конца", которая сводила на-нет достигнутое соглашение. Это вероломство Милюкова вызвало протесты даже со стороны тех слоев демократии, которые верили словам и обещаниям буржуазии. Послышались возгласы, требовавшие удаления Милюкова из министерства. „Антимилюковцы", выдвигая это требование, очевидно, полагали, что с уходом явного империалиста и

открытого врага демократии из кабинета, политика последнего изменится в доброжелательном для демократии смысле. Конечно, это было глубоким заблуждением. Дальнейшие события это блестяще доказали. Из военного министерства ушел Гучков, потерявший всякую надежду восстановить в армии железную дисциплину и при помощи меча превратить армию в оплот буржуазной власти. Ушел и Милюков. Но „милюковский дух" продолжал царить в министерствах. Под знаком „милюкощвины" протекала деятельность буржуазных министров всех „созывов". Яростный враг демократии не мог примириться с усилением ее влияния в стране и с руководящей ролью Сов. Раб., Солд. и Кр. Деп. Милюков отлично понимал трагическое положение буржуазии, лишенной материальной опоры. Почва ускользала из-под ног буржуазии. Необходимо было спасать положение. Необходимо было итти на крайние меры. Началась великая мобилизация антидемократических сил России. Буржуазия объявила открытую борьбу демократии. Началось „активное противодействие натиску демократии" в сфере правительственной деятельности. Буржуазной печати была поручена почетная роль „ошельмовать" в глазах „всего народа" мероприятия демократии в области внутренней и внешней политики. В ход было пущено острое и мощное оружие буржуазии—л о ж ь и к л е в е т а, оказывающие столь благодетельное влияние на неустойчивые, мелкобуржуазные общественные слои. Буржуазный аппарат классовой борьбы был пущен полным ходом. Неутомимый Родзянко—вездесущий „патриот" и „печальник земли русской", как летучий голландец, появлялся то там, то сям, подымая для борьбы с демократией таившиеся в подполье черные силы страны. Он звал их на объедине „живыми силами" русской интеллигенции, понявшей, наконец, зловещую опасность торжества идей рабочего класса. Он звал всех спасать страну. В переводе на классовый язык это означало—с п а с а т ь с в о е п о л о ж е н и е в с т р а н е, то положение, которое давало возможность „поставщику болванок" сохранить свою землю, фабрикантам—право эксплоатировать рабочих, выжимать у рабочих последние силы во имя повышения умопомрачительных барышей, а купцам—

этим разбойникам белого дня—грабить трудовое население страны. Во имя этих „светлых" идеалов буржуазии Родзянко призывал всех врагов рабочего класса под знамя „совета общественных деятелей". В этом совете сошлись люди различных оттенков политической мысли: умеренные республиканцы, конституционалисты-монархисты и черные защитники царского самодержавия. Всех их объединила общность социальных интересов, пламенная ненависть к рабочему классу и страх, смертельный страх пред возможностью торжества лучезарных надежд и стремлений русской демократии—рабочих и крестьян.

В то время, когда Родзянко организовывал „общественных деятелей" и „творил"... „общественное мнение страны", хитроумный Милюков пытался поднять на защиту господства буржуазии казачество, которое, как казалось „буржуазной лисе", „по примеру прошлых лет" легко будет бросить на „изменников" рабочих, губящих страну. Но расчеты „политического гения буржуазии", построенные на „невежестве", „дикости" и „кровавой удали" казачества и на „примерах" позорного прошлого, не оправдались.

Клеймя и опорочивая рабочих на всероссийском казачьем съезде, Милюков взывал к „святому чувству патриотизма" казаков, не раз доказывавших свою любовь к родине в дни... самодержавия. Он призывал казаков выступить с оружием в руках на защиту родины, т.-е. на защиту буржуазии и ее привилегий. Это был крик отчаянья. Но призывы кадетского лидера к гражданской войне, к разгрому „самочинных организаций"—Советов Рабочих и Солдатских Депутатов—успеха на казачьем съезде не имели. Значительная часть членов съезда была возмущена попыткой Милюкова „использовать" казачество, как слепое орудие для борьбы с трудовым народом. Правда, на съезде были члены, сочувственно встретившие выступление Милюкова, но они были в меньшинстве. Большинство съезда, после речи Милюкова отправило депутацию в Совет Рабоч. и Солд. Депутатов, которая заявила, что являющиеся на казачий съезд „досужие люди" со своими призывами не могут расчитывать у казаков на успех. „Казачество на стороне Советов. Казаки понимают, что их свя-

зывает с Советами общность политических интересов, и эту связь никому порвать не удастся". Так ответило тогда трудовое казачество на отчаянный вопль буржуазии.

3.

Но у буржуазии был верный и надежный союзник, помогавший ей спасать столь неустойчивое положение. Союзник этот—вера демократии... в обещания буржуазии, в готовность „класса алчных акул" пожертвовать своими классовыми интересами во имя спасения страны, стоявшей на краю гибели. Жестокие уроки истории были позабыты демократией. Кристально чистая в своих стремлениях, ведущая борьбу за всеобщее освобождение, за лучшую, светлую и счастливую жизнь для всех, русская демократия верила, что банкиры, помещики, фабриканты, купцы—эти „движущие силы" системы эксплоатации трудящихся—сократят свою алчность во имя... „высших интересов нации" и принесут свою жертву на алтарь спасения ими же ограбленной родины.

Вместо того, чтобы порвать с буржуазией и взять политическую власть в свои руки, демократия в лице тогдашнего советского большинства с открытой и доверчивой душой пошла в коалиционное министерство, составленное по принципу „сотрудничества классов", веря в „честные намерения" буржуазии, классовая политика которой построена на лжи, обмане и вероломстве. История борьбы классов в Западной Европе дает богатый материал, подтверждающий резкую, но справедливую характеристику классовой политики буржуазии. Вспомните только эпоху ликвидации великой французской революции—историю конвента „последних дней"... Это были дни предательства и циничного обмана.

Вспомните восклицание Пюжоля:

— Слава вам, сыны Парижа! Вы отдали республике три месяца нужды и за это получили три месяца измены!

Вспомните, наконец, страшные июльские дни 1848 года, кровавую бойню, в которой буржуазия со свирепой и звериной яростью расправилась с французской демократией, кощунственно заявившей о необходимости „уничтожения эксплоатации человека человеком"... Пять дней длилась кровавая расправа. И „первые социалистические грезы фран-

пузского пролетариата были потоплены в крови „республиканским“ генералом Кавеньяком по всем правилам военного искусства“.

История борьбы рабочего класса за освобождение человечества от политического и экономического рабства полна фактов предательства и кровавой расправы буржуазии. Она не знает пощады побежденным. Все революции окрашены кровью пролетариата... Но революции, направленные против господства буржуазии, против „священного права собственности“, против царства капитала дают ужасающие примеры жестокой расправы буржуазии при подавлении восстаний рабочего класса. Наиболее яркий пример—массовые расстрелы парижских коммунаров в 171 году.

Кровавые уроки истории. Их не учли.

Русская демократия, ведущая борьбу в исключительно благоприятных для нее исторических условиях, пренебрегла уроками прошлого, и допустив в февральские дни первую ошибку, пошла по пути неизбежных ошибок.

ГЛАВА IV.

„Сотрудничество классов“.—Иллюзии гибнут, а факты остаются.—Контр-революционеры с открытым забралом.—Большевики и массы.—Мир, хлеб и свобода!—Вся власть Советам!—Успех большевистских лозунгов.

1.

Однородная буржуазная власть пала. На смену ей было выдвинуто коалиционное министерство. В состав его вошли: 2 социал-демократа меньшевика, 2 социалиста-революционера, 2 народных социалиста и 8 представителей цензовых элементов. Среди последних—знакомые имена Коновалова, Терещенко, кн. Львова, Некрасова, Мануилова, Годнева, Грима и Львова, впоследствии активного участника корниловского заговора.

Буржуазия согласилась на коалиционное министерство, ибо в ее интересах было допустить „ручных социалистов“ к власти, связать этим неудобную оппозицию Советов Рабочих и Солдатских Депутатов и, главное, переложить на

революционную демократию ответственность за уже решенное, под давлением союзников наступление.

Создана была власть, которая, по мнению советского меньшевистско-эсеровского большинства, „должна опираться не только на революционные органы демократии, но и на все живые силы страны". Власть эта должна провести в жизнь ряд „неотложных мероприятий в области рабочего и аграрного вопросов, подчинить государственному регулированию производство, транспорт и распределение, стать на путь самой решительной финансовой политики, принять все меры к созыву Учредительного Собрания в определенный срок и отстаивать до конца провозглашенную русской демократией программу всеобщего мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов".

Демократия кроме, конечно, большевиков, требовавших перехода всей власти к Сов. Раб., Солд. и Кр. Депутатов, приветствовала тогда коалиционное министерство, которому, казалось, удастся заставить, наконец, работать парализованный государственный аппарат. Надеялись общими силами демократии и буржуазии „наладить" управление новой свободной Россией. Ответственные вожди демократии не понимали, что так-называемое „сотрудничество классов" неизбежно приведет к еще большему выражению классовой вражды. Министерские кабинеты стали ареной борьбы классовых интересов. Цензовые элементы вели в министерстве организованную борьбу с мероприятиями министров-социалистов, деятельность которых, несмотря на умеренность их требований, встречала буржуазные рогатки. Этой упорной, скрытой от широких народных масс, борьбой заполнялся весь рабочий день министров. Саботаж цензовых элементов, вызванный боязнью русской буржуазии огосударствления производства при данном соотношении общественных сил, не только исключал возможность какого бы то ни было государственного творчества в интересах широких народных масс, но еще более усиливал дезорганизацию разрушенного войной производства. Коноваловы и Четверикова сковали революционное творчество коалиционной власти железной формулой:—„ни шага вперед, ни шага назад". Они

отвергали всякие реформы, которые в той или иной мере касались кармана капиталистов. Больше того, они решительно требовали „разрыва власти с политикой Совета, толкающей страну на путь разложения“. Таковы результаты „сотрудничества классов“. Ни шага вперед, ни шага назад. Иллюзии, как известно, гибнут, а факты остаются. Погибла еще одна иллюзия, поддерживавшая веру значительной части демократии в спасительное средство „сотрудничества классов“. Что же касается фактов, то они были налицо. Во время коалиционного министерства, как и в дни временного правительства первого состава, о торжестве революции на Руси свидетельствовал... неуклюжий и недоумевающий милиционер, сменивший на „посту“ историческую фигуру русского городового.

2.

Между тем положение страны становилось угрожающим. На фронте потоками текла кровь „серых героев“, в тылу шел пир купцов-спекулянтов... Бешеными скачками росли цены на предметы первой необходимости. Спекуляция в этот период революции достигла значительно больших размеров, чем при царском самодержавии. Трудовые массы, отданные во власть гнусных спекулянтов, стонали под тяжестью „купеческого пресса“, выжимавшего у них последние соки. Затягивание войны толкало страну в пропасть. А г. Милюков все еще мечтал о Константинополе, о проливах, о битве до „победного конца“. 18-го июня съезд Советов назначил „демонстрацию единения“ в Петербурге и других городах, совпавшую, конечно, не случайно с знаменитым наступлением наших войск, закончившимся в конечном результате полным крахом созданной Керенским военно-политической авантюры. В Петрограде массы вышли на улицы густыми стройными рядами. На знаменах рабочих и солдат красовались лозунги большевиков: „Долой тайные договоры“, „Долой политику наступления“, „Да здравствует честный мир“, „Долой десять министров-капиталистов“, „Вся власть Советам“... Доверие коалиционному правительству выражали три скромных плаката: один от группы „Единства“, другой от казачьего полка и третий от петроградской организации Бунда. Демонстрация неожиданно для ее организаторов явилась генеральным смот-

ром большевистских сил Петрограда и свидетельством глубокого недовольства политикой коалиционной власти. На следующий день, в связи с известиями об успешном наступлении революционных войск, в Петрограде состоялся ряд патриотических манифестаций. „Невский проспект, главная артерия буржуазии, был весь усеян возбужденными группами, среди которых офицеры, журналисты и нарядные дамы вели ожесточенную агитацию против большевиков“ [1])... В Москве в этот день происходили кадетско-эсеровские митинги, на которых большевикам не давали говорить. Либеральная печать, торжествуя, возносила до небес инициатора и вдохновителя „победоносного наступления“. Вскоре, однако, вести о победах уступили место мрачным сообщениям о разложении в армии, об отказе крупных воинских частей итти на помощь наступающим. Брошенные в наступление войска частью погибли под огнем „неприятеля“, частью спаслись бегством. Начавшееся в войсках, в связи с наступлением 18-го июня разложение привело в конце концов армию к полному развалу. Случилось именно то, о чем говорили большевики в декларации, оглашенной на всероссийском съезде Советов 3 июня 1917 г., т.-е. за две недели до наступления.

„Мы — говорилось в этой декларации—считаем необходимым в первую очередь работ съезда поставить вопрос, от которого зависят судьбы не только всех остальных мероприятий съезда, но—в полном и точном смысле слова—судьба всей русской революции: вопрос о подготовляемом на ближайшее время военном наступлении.

Поставивши народ и армию, которая не знает, во имя каких международных целей она в данных условиях призвана проливать кровь, пред фактом наступления со всеми его последствиями, контр-революционные круги России расчитывают и на то, что наступление вызовет сосредоточение власти в руках военно-дипломатических и капиталистических групп, связанных с английским, французским и американским империализмом, и освободит их от необходимости считаться в дальнейшем с организованной волей русской демократии.

---

[1]) Л. Троцкий—„Октябрьская революция“. Изд. „Коммунист“. Стр. 20

Закулисные контр-революционные инициаторы наступления, не останавливающиеся пред „военной авантюрой", сознательно пытаются сыграть на разложении армии, вызываемом всем внутренним и международным положением страны, и в этих целях внушают отчаявшимся элементам демократии ту, в корне ошибочную мысль, будто самый факт наступления способен „возродить" армию и таким механическим путем возместить отсутствие определенной, действенной программы ликвидации войны. Между тем ясно, что такое наступление может лишь окончательно дезорганизовать армию, противопоставляя одни ее части другим" [1]).

Злополучное наступление 18-го июня сыграло значительную роль в отходе масс от сторонников „соглашательской политики".

В широких рабочих массах и среди городской бедноты росло недоверие к правосоциалистическим партиям и правительству, деятельность которого раздражала даже умеренные элементы политически активной демократии. Пять месяцев революции дали одни лишь минусы. Вместо укрепления революционных завоеваний—ослабление сил авангарда русской революции—рабочего класса. Вместо революционного творчества, которое вполне возможно было, если бы демократия стала во-время у власти,—бесплодная, вредная борьба, подрывавшая веру в творческие силы революции. Наступила полоса разочарований. Недовольство и раздражение рабочих и солдат принимали широкие размеры, свидетельствовавшие о пределах человеческого терпения.

В это время в тиши уютных кабинетов создавались планы контр-революции. Несчастные кроты, холопы старого режима, бежавшие в свои норы при ярком свете свободы, озарившей русскую землю, снова выползли на свет и; пользуясь бессилием власти, открыто и нагло творили волю контр-революционных заговорщиков. Пуришкевичи с „открытым забралом" готовили бой революционной демократии. Враги и поработители трудового народа наметили уже избранника—бравого генерала, который, с благословения контр-революционеров

---

1) Л. Троцкий—„Октябрьская революция". Изд. „Коммунист". Стр. 22.

всех политических оттенков решил революцию вздернуть на дыбы. Торжественно боевое настроение чувствовалось по всему вражескому фронту. Наглее стали речи „общественных" деятелей, организованных под черным знаменем поставщика болванок... Милюков на кадетском съезде потрясал бутафорским оружием, грозя кровавой расправой политическим врагам слева. Стан заводчиков и фабрикантов перешел от обороны к нападению. С требованиями рабочих перестали считаться. С рабочими не желали больше разговаривать. Их провоцировали на выступление. Цель провокации была ясна—вызвать рабочий класс на бой и под видом борьбы с анархией потопить в крови рабочее движение и ввести бурные потоки развивавшейся пролетарской революции в спокойное буржуазное русло.

В это тревожное время в Петрограде выступили воинские части. Была сделана попытка арестовать временное правительство и взять укрепление революции в свои руки. Восстание носившее неорганизованный характер, было быстро подавлено.

И. Безработный в брошюре „Правда об июльских днях" посвящает этому, столь нашумевшему выступлению части петербургского гарнизона, следующие строки:

„События 3-го и 5-го июля вызвали у одних глубокое разочарование, у других сильное озлобление. Неискушенная в политических вопросах мысль простого человека пошла по линии наименьшего сопротивления: вместо того, чтобы искать причины происшедшего в июльские дни в сложной политической обстановке, в какой находится страна, вместо того, чтобы учесть значение внешних обстоятельств, создавших почву для стихийного недовольства масс, она постаралась найти злой умысел отдельных виновников событий, открыть в массовом движении „преступных подстрекателей". Навстречу этой потребности обывательской толпы, взывавшей о возмездии, услужливо пошли печать и все явные и скрытые контр-революционеры, мгновенно ткнувшие пальцем в отдельных членов Исполнительного Комитета Советов Рабоч. и Солд. Депутатов, с криком:

— Распни их!

„Ленинизм“ или „большевизм“ на время заслонил собою истинные причины наших неурядиц; он явился своего рода каналом, через который прорвалась достигшая белого каления сила массового недовольства. И поскольку нападки на большевизм отводили хотя бы на время в сторону напор масс, все политические партии ухватились за возможность сделать из большевиков козла отпущения за разыгравшиеся события.

Разберемся же спокойно и хладнокровно, насколько позволяет накаленная злобой и ненавистью атмосфера в смысле происшедших событий и посмотрим, в какой мере падет ответственность за них на большевиков или на какие-либо другие партии.

Всем понятно, что выступлению 3—5-го июля предшествовало сильное брожение среди сорокалетних солдат, требовавших отпуска на полевые работы. Уже во время заседания Петроградского Совета, обсуждавшего вопрос о наступлении 18-го июня, к Александринскому театру, где заседал Совет, подошла огромная толпа солдат с плакатами: „Армии так же нужен хлеб, как и снаряды!“, которая потребовала немедленного ответа на свое ходатайство у правомочного органа петроградской демократии. Подобная же, ни одной партией не организованная демонстрация имела место и 2-го июля. И эти демонстрации являлись в такой же мере неожиданностью для министра Керенского, как и для большевиков. Трудно было бы искать в этом движении, явившемся прологом июльских дней, следов какой бы то ни было „преступной агитации“. По крайней мере до июльских дней никому и в голову не приходило обвинять за это движение большевиков. Министры и ответственные политики Совета не противодействовали этому движению, а, наоборот, выражали в своих речах видимое сочувствие требованию солдат-пахарей. И министр земледелия Чернов и Войтинский, обращавшиеся с речами у Александринского театра к манифестантам, отнюдь не склонны были 20-го июня объяснить движение сорокалетних солдат ни „большевистским заговором“, ни провокацией.

I. „В то же самое время в войсковых частях, расположенных в Петрограде, замечалось брожение в связи с расформированием некоторых полков как на фронте, так и в тылу. Особенно неспокойно было в пулеметном полку, где, несмотря на все попытки большевистской организации вызвать успокоение, можно было ожидать каждую минуту частичной вспышки.

Еще задолго до 4-го июля на многих заводах Выборгской стороны и Нарвской заставы царило непрекращающееся волнение. Волнение это достигло наибольшей силы на Путиловском заводе, очутившемся в конце июня пред неизбежностью экономической забастовки. И только усилиями центрального бюро профессиональных союзов и работников организации объединенных сил соц.-дем. удалось предотвратить конфликт и задержать выступление рабочих на улицу на несколько дней“ [1]).

Поводов для недовольства в рабочей и солдатской среде было слишком много.

И недовольство это вылилось на улицу в форме стихийного, беспорядочного вооруженного восстания. Рабочие и солдаты шли на бой с „буржуазной соглашательской властью“ с большевистским лозунгом — „Вся власть Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов“. Они верили, что спасение революции „в создании твердой революционной власти, вышедшей из недр организованной демократии“. И такой властью могут быть только „Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов“.

Восстание солдат и рабочих было подавлено под торжествующий вой помещиков, промышленников и партии „народной свободы“. Однако, победы, одержанной над солдатами и рабочими на улицах Петрограда, буржуазии было мало. Буржуазия не любит останавливаться на полпути... Буржуазия не любит полумер... Буржуазия не допускает сантиментальностей в политике. Она чинит расправу до конца. Подавление июльского восстания — „подходящий случай“ расправиться с крайним левым флангом демократии—боль-

---

[1]) И. Безработный — „Правда об июльских днях“. П. 17 г.

шевиками. Упустить этот „случай“ буржуазия, конечно, не могла. Начался поход против большевиков в печати, на уличных митингах, в собраниях, в министерствах...

Со всех концов неслось:

— Распни их!

И тот, кто требовал „креста“ для большевиков, готовил гильотину для Советов Рабочих и Солдатских Денутатов. Ближайшие соседи большевиков—с.-д. меньшевики и с.-р. не хотели понять, что удар по большевиаму есть непоправимый, страшный удар по рабочей демократии вообще, и приложили свою „товарищескую“ печать к гонению на большевиков.

Началась полоса репрессий. Аресты видных большевиков. Закрытие большевистских газет... Разгром типографии „Правды“. Работа знаменитой контр-разведки, создавшей легенду о большевиках-изменниках и немецких шпионах... Все это—победные этапы краткосрочной деятельности „правительства спасения революции“. Луначарский, Троцкий, Каменев, Колонтай сидели в „республиканской тюрьме“. Восстание солдат и рабочих было подавлено, но причины, вызвавшие восстание, не были устранены. Восстание подавлено, но не был подавлен, не был убит священный дух протеста, не были погашены в широких рабочих и солдатских массах пламя ненависти к насильникам и эксплоататорам и жажда борьбы за свободу, за землю, за мир. Близоруким политиканам, фракционным слепцам и врагам рабочего класса казалось, что, подавив июльское восстание, арестовав десятка два большевиков они убили большевизм, привели массы к покорному повиновению. Между тем подавление июльского восстания было на пользу крайнему социалистическому течению. В июльские дни восстали солдаты и рабочие, правда, часть солдат, часть рабочих, но ведь „это часть наших товарищей, — говорили рабочие и солдаты,— таких же, как и мы, измученных войной, таких же, как и мы, обездоленных сынов трудового народа. А против этой части наших товарищей выступили о н и—буржуи, капиталисты и Керенский, изменивший народу... Это о н и залили петроградские улицы солдатской и рабочей кровью... Это о н и требуют разгона н а ш и х Советов... Нет, этому не бы-

вать... Мы не допустим торжества наших врагов, врагов трудового народа". Так рассуждали солдаты в казармах, так говорили на фабричных собраниях рабочие и работницы. В обездоленных и озлобленных солдатских массах и в рядах революционных рабочих шло накопление новых революционных сил, шло накопление революционной энергии. Этому процессу способствовала беспощадная критика правительственной деятельности со стороны большевиков. Большевистский бич хлестал всех, кто с их точки зрения, прикрываясь тем или иным знаменем, сознательно или искренно заблуждаясь, действовал во вред рабочему классу, во вред широким народным массам, во вред рабочим, солдатам и крестьянству, во вред той обездоленной, темной и глубоко несчастной массы, которая составляет большинство населения нашей трудовой демократической страны. В эти измученные войной массы трудового населения большевики бросили освобождающие лозунги мира, свободы, равенства и братства. И массы шли под красные знамена, на которых огненно сверкали:

— Мир, хлеб и свобода!

3.

Власть „капиталистов" и „соглашателей" не могла дать ни мира, ни хлеба. А потому необходима борьба, борьба за власть. Необходим решительный бой! И на этот бой зовут большевики, те большевики, которые неизменно, без шатаний, без колебаний, без заигрывания с „ненавистной буржуазией" твердят одно:

— Вся власть Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов!... Вся власть трудовому народу!...

Вот магнит большевистской политики. Здесь кроется секрет большевистского успеха. И никакие силы, никакие угрозы, никакие репрессии не могли бы остановить сдвига рабочих и солдатских масс влево—под знамена большевиков. Было единственное средство спасти страну от назревавших потрясений—создать действительно революционную власть, способную по своему классовому составу приступить к проведению в жизнь стремлений рабочего класса.

Но Советы на это не пошли. Большинство Советов Рабочих и Солдатских Депутатов по вопросу об организации власти стояло тогда на точке зрения, враждебной революционной массе и не соответствующей требованиям исторического момента. Вне связи с буржуазией, вне коллизии с „партией шакалов" советское большинство не мыслило власти, не допускало возможности спасения страны. Не веря в силы пролетариата, представители тогдашнего советского большинства доказывали, что устранение буржуазии, этого экономически мощного класса от власти—гибельно для революции. Демократическая, а тем более советская—социалистическая власть, по их мнению, должна неминуемо погибнуть и, погибая, увлечь за собой в пропасть русскую революцию и все ее завоевания. Эта точка зрения покоилась на непонимании движущих сил русской революции, ее развития, ее исторических задач. Советское большинство жило и руководствовалось в своей ответственной политической деятельности мертвыми, изжившими себя формулами исторического трафарета, годными, пожалуй, в 1905 году, но совершенно неприменимыми в условиях великой русской пролетарской революции, которая по своему политическому и социальному размаху оставила далеко позади себя западно-европейские буржуазные революции.

И трудно было возражать Н. Ленину, когда он утверждал: „Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства уже осуществилась [1]) в русской революции, ибо эта „формула" предвидит лишь с о о т н о ш е н и е к л а с с о в, а не конкретное политическое учреждение, реализующее это соотношение, это сотрудничество. „Совет Рабочих и Солдатских Депутатов"—вот вам уже осуществленная жизнью „революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства" [2]).

Старую формулу диктатуры пролетариата „жизнь ввела из царства формул в царство действительности, облекла ее

---

[1]) В известной форме и до известной степени.

[2]) Н. Ленин „Письма о тактике". Письмо 1-е. Москва. 1917.

плотью и кровью, конкретизировала и тем самым видоизменила".

„Кто ставит вопрос о „законченности" буржуазной революции по-старому, тот, —пишет далее Н. Ленин, — приносит в жертву живой марксизм мертвой букве. По-старому выходит: за господством буржуазии может и должно последовать господство пролетариата и крестьянства, их диктатура. А в живой жизни уже вышло иначе; получилось чрезвычайно оригинальное, новое, невиданное переплетение того и другого. Существуют рядом, вместе, в одно и то же время и господство буржуазии (правительство Львова и Гучкова), и революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, добровольно отдающая власть буржуазии, добровольно превращающаяся в придаток ее. Ибо нельзя забывать, что фактически в Питере власть в руках рабочих и солдат; насилия над ними новое правительство не производит и не может произвести, ибо ни полиции, ни особой от народа армии, ни стоящего всесильно над народом чиновничества нет. Это факт" [1]).

Советское большинство признать этот „факт" не желало. Оно строило всю политическую позицию на трафаретных формулах прошлого, вопреки властным требованиям живой жизни. Политические ошибки никогда не проходят даром... Меньшевики поплатились за них великой ценой—потерей влияния в рабочих массах. Советы Рабочих и Солдатских Депутатов с каждым днем приобретали большевистский облик и в конце концов стали оплотом большевистской политики.

---

[1]) Ibid.

ГЛАВА V.

„Правительство спасения революции". — Московское совещание. — Враги.—Декларация соглашателей. Декларация большевиков.—Политические „предсказания" сбылись. Ответ буржуазии.—Корниловский мятеж.

1.

8-го июля было образовано „правительство спасения революции". В состав его вошли: Н. Д. Авксентьев—министр внутренних дел, В. М. Чернов—министр земледелия, А. С. Зарудный — министр юстиции, А. В. Пешехонов — министр продовольствия, М. И. Скобелев — министр труда, А. М. Никитин — министр почт и телеграфов, С. Н. Прокопович — министр торговли и промышленности, М. И. Терещенко — министр иностранных дел, Н. В. Некрасов — министр финансов, И. Н. Ефремов — министр социального обеспечения П. П. Юренев – министр путей сообщения, С. Ф. Ольденбург— министр народного просвещения. Ф. Ф. Кокошкин — министр без портфеля, А. В. Карташев — обер-прокурор Св. Синода, А. Ф. Керенский занял пост председателя в новом кабинете министров, сохранив за собой портфель военного и морского министра. В общем в состав „правительства спасения революции" вошли: 3 с.-р., 3 с.-д., 2 н. с. тр. гр., 4 к.-д. и 4 разн. дем. партий.

Кадеты, отозвавшие в критический момент (2—4 июля) из коалиционного министерства своих представителей, 24 июля „пред лицом близкой опасности, угрожающей самому существованию страны, и в сознании великой ответственности, лежащей на всех гражданах", одобрили вступление членов партии „народной свободы" в состав правительства спасения революции, выразив „уверенно что члены партии отдадут все свои силы делу укрепления власти, служащей на благо всего народа". Во имя „блага всего народа", во имя „общенациональной политики" кадеты требовали от демократии отказа от... „классовой борьбы и лозунгов явного и тайного циммервальдизма" [1]).

---

[1]) Резолюция, принятая на съезде партии „народн. свободы".

Таковы „условия“ кадетов. „Самые культурные люди в России“ требовали, чтобы демократия добровольно отказалась от борьбы и принесла на жертвенник кадетской „надклассовой“ и „внеклассовой“ идеологии свою светлую мечту о мире без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народностей... И тем не менее социалисты-соглашатели снова связали свою судьбу классовыми врагами пролетариата, с врагами демократической внешней и внутренней политики. Русская демократия снова извлекла из „музея погибших политических иллюзий“ идею „сотрудничества классов“, и на этом потерпевшем полный крах принципе, с благословения демократии было создано новое коалиционное правительство — „правительство спасения революции“, которое, конечно, революции по кадетскому рецепту не спасло, а, наоборот, приблизило страну к новым грозным потрясениям.

Созданное „независимое“ министерство — „министерство спасения революции“ — служило прикрытием для бонапартистского режима Керенского. Это была в скрытой форме победа контр-революции, еще недостаточно, однако, сильная, чтобы решительно покончить со всякими демократическими декорациями, но тем не менее резко проявившаяся в репрессиях нового правительства против рабочих, крестьян и солдат.

Революция в опасности! Этот клич повторяли теперь ежедневно не только члены временного правительства, но и „вожди“ революционной демократии.

„В чем дело? — писал К. Левин в „Известиях Моск. Сов. Раб. Деп.“ — Почему у правительства и у вождей революционной демократии такой страх за революцию? Почему они боятся за ее благополучный исход? По нашему глубокому убеждению, и революционная власть, и вожди революции потому так страшатся за революцию, что они сами (и власть, и вожди) мало революционны. Они громко кричат о контр-революции и о спасении революции, а сами, быть-может, того не замечая, носят в себе, в своем нутре все элементы контр-революции. И происходит это от того, что революционная власть и вожди революционной демократии слишком

далеко стоят от народа — от солдат, рабочих и крестьян" [1]). Избранный ими путь спасения революции вел к ее поражению, ибо „контр-революция питается не силой реакционных слоев общества, а слабостью революционной власти и робостью органов революционной демократии" [2]). „Правительство спасения революции", „резко разорвав с крайней социалистической левой, а тем самым и с значительной частью пролетариата", кинулось в поиски за союзниками направо. Платформа единения революционной демократии во имя спасения страны и революции была отвергнута. Ее место заняла гибкая платформа „единения всех живых сил страны", „за исключением революционно-демократической левой..." [3]). За исключением... большевиков. На этой платформе „правительство спасения революции", стоявшее „слишком далеко от народа", желало объединить „страну" и организованные „живые силы" сделать опорой твердой власти.

Как понимала буржуазия „твердую власть" показал созванный в Москве в первых числах августа второй всероссийский съезд торгово-промышленников. Представители капитала собрались в храме науки—в богословской аудитории старейшего русского университета, символизируя этим свою близость к ученым апологетам гнусной системы капиталистической эксплоатации. Формула—„наука на службе у капитала"—нашла свое яркое подтверждение в условиях бурной русской действительности. На втором съезде русские купцы и фабриканты „вывернули" свое классовое „нутро" с циничной откровенностью. Все их выступления дышали нескрываемой злобой и ненавистью по отношению к рабочим, обнаружившим лишь слабые попытки к обузданию „безумной спекуляции и дикой, разнузданной свистопляски" купцов и промышленников. П. П. Рябушинский—„первосвященник

---

[1]) К. Левин.—„Где контр-революция?" („Известия Москов. Совета Рабоч. Депутатов" № 128).

[2]) Ibid.

[3]) В. Волгин.—„Общественное" совещание. („Изв. М. С. Р. Д." № 135).

[4]) В. Волгин.—„Ультиматум". („Изв. М. С. Р. Д." № 136).

российской промышленной буржуазии"—с ожесточением обрушился на рабочих и на правительство Керенского. „У нас—вопил Рябушинский—фактически воцарилась шайка политических шарлатанов. Советские лже-вожди народа направили его на путь гибели. Наши социалистические партии шли и работали односторонне, партийно. Над всем царствовало какое-то хищническое вожделение".

Весьма умеренные экономические требования рабочих, предъявленные буржуазии, Рябушинский называл „хищническими вожделениями". Больше того, всю вину за промышленную разруху Рябушинский цинично сваливал на рабочих. Продовольственный кризис он объяснил, как результат „вредной для страны продовольственной политики правительства". „В том, что у нас нет хлеба—говорил Рябушинский—виновата монополия". Монополия, лишившая помещиков и купцов крупных барышей. Правительство Керенского вождь русских крупных промышленников и банкиров назвал „правительством расточителей" и требовал учреждения над ним опеки. А пока этой опеки нет, Рябушинский предлагал торгово-промышленникам—„отказать правительству в деньгах и этим путем бороться за такую власть, которая бы и мыслила и действовала буржуазно".

Рябушинского почти дословно повторил проф. П. Струве на московском совещании общественных деятелей. Ученый адвокат буржуазии доказывал, что „экономическая разруха, в которой сейчас находится страна, всецело зависит от диктатуры утопического социализма, под которой живет страна уже пять месяцев. И то, что происходило за это время в стране, это не торжество социализма и демократии, самая злая насмешка над демократией, социализмом и просто здравым смыслом. Это было разрушение производительных сил страны и безумное истребление национального капитала. Единственным результатом этого может быть общая нищета и чужеземное экономическое рабство" [1].

---

[1]) Речь П. Струве на совещании общественных деятелей. (См. „Совещание либералов" „Изв. Моск. Сов. Рабоч. Деп.". № 114, 10 авг. 1917 г.).

Спасение страны от всех бед как настоящих, так и будущих П. Струве видел, как и П. Рябушинский, в создании власти,способной „буржуазно мыслить и буржуазно действовать“. К созданию такой власти буржуазия решила итти через военную диктатуру. Требования провозглашения военного диктатора раздавались во всех организациях буржуазии: в Главном Комитете объединенной промышленности, на совещании общественных деятелей и на Церковном Соборе, развивших особенно усиленную политическую противореволюционную деятельность пред созывом Государственного Совещания...

2.

Мобилизация либеральной и контр-революционной буржуазии под знаменами черной реакции не могла, конечно, не вызвать тревоги среди революционных рабочих, рассматривавших созываемое государственное совещание, как „ширму для организации всероссийского контр-революционного заговора“. В Москве и в ряде других городо - стоялись многолюдные собрания рабочих, на которых выносились резолюции протеста против созыва „всероссийского совещания врагов революции“. „Государственное совещание— писали в своих резолюциях рабочие—созывается не для осуществления задач, намеченных революционной демократией для выхода из тяжелого положения,—явно контр-революционное большинство, созываемое на это совещание, желает свести на-нет завоеванные свободы. Мы требуем немедленного осуществления и проведения в жизнь всех требований, выставленных революционной демократией, передачи бесплатно всей земли в руки трудового народа, заключение мира самим трудовым народом, провозглашенного в обращении ко всем народам воюющих государств, т.-е. мира без контрибуций, аннексий, с самоопределением наций, немедленного разрешения рабочего вопроса в пользу рабочих, немедленного упразднения Государственной Думы, как рассадника контр-революции. Протестуем против вне-судебных арестов, направленных к изъятию интернационалистов из массы, как ярых борцов против захвата и хищничества капиталистов, и призываем всю революционную демократию к

протесту против посягательства контр-революционной буржуазии на завоеванные демократией свободы и протестуем против этого совещания“[1]).

Отношение московского пролератиата к государственному совещанию было резко отрицательным. Это особенно ярко сказалось 9-го августа на соединенном заседании правлений всех профессиональных союзов Москвы. Заседание это было созвано по инициативе Московского Совета Профессиональных Союзов для выяснения отношения рабочих профессиональных организаций к государственному совещанию. После бурных дебатов поздно ночью собрание приняло „большинством всех участников против нескольких“ резолюцию протеста против государственного совещания и постановило в день открытия государственного совещания объявить в виде протеста однодневную забастовку. Забастовочное движение охватило все заводы и фабрики Москвы. Московский Совет Рабочих Депутатов в связи с этим созвал экстренное заседание Пленума Совета. На повестке стоял один вопрос—отношение к забастовке революционных рабочих.

Представитель центрального бюро профессиональных союзов заявил на Пленуме Совета, что „решение объединенного заседания правлений профессиональных союзов о забастовке не есть решение фракционное, это не есть решение б-ков, меньшевиков или соц.-рев., это решение пролетариата“. Оратор призывал Совет Рабочих Депутатов присоединиться к протесту против московского совещания и взять на себя руководство забастовкой, которая „объявлена профессиональными союзами и на местах начинает проводиться в жизнь. Только таким путем может быть спасено создавшееся положение“.

Представители районных Советов заявили, что всюду на местах государств. совещание рассматривается, как „контр-революционное, как стремление организующихся контр-революционных групп и классов использовать его в своих целях для нанесения удара революционной демократии“.

В силу этого одни районы вынесли уже определенное мнение о невозможности принять участие в этом совещании

[1]) Из материалов Областного Бюро М. С. Р. Д., опубликованных в „Изв. М. С. Р. Д.“ 12 августа 1917 г.

и настаивали на забастовке-протесте; другие же районы в этом вопросе решили определенного мнения не выносить, пока не будет известно решение Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Представители фракции меньшевиков протестовали против решения профессиональных союзов и районных советов „ознаменовать" открытие государственного совещания забастовкой. „Это решение—говорили они—вносит дезорганизацию в рабочие ряды". Б. Кибрик — представитель фракции меньшевиков—напоминал членам Совета, что „события 3-го—5-го июля ослабили силы демократии, и министры-социалисты почувствовали себя тогда висящими в воздухе, а контр-революция подняла голову. Казалось бы, что при таких условиях пред нами стоит одна задача — задача сплочения своих сил. Но не того мы были свидетелями сегодня. Всем выступающим против совещания следует помнить, что оно решать ничего не будет. Контр-революционным совещание будет в зависимости от того как мы будем действовать. Отказавшись от участия в нем, мы тем самым будем содействовать контр-революции сплотить свои силы, и оттолкнем от себя те элементы, которые при нашем участии пошли бы за нами. Вся широкая масса мещанства, глухих городов и деревень поймет наш отказ от участия в совещании, как боязнь выслушать правду. И это даст новую опору контр-революции. Наше дело—правое, и мы обязаны о нем громко говорить всюду. Мы должны итти на совещание, чтобы показать всей стране, как смотрит на задачи спасения страны и революции революционная демократия и как другие классы. Мы пойдем туда, чтобы не допустить никаких решений и чтобы заявить, что программа 8-го июля, как программа спасения России, должна быть решительно проведена в жизнь, и тогда, кто не с нами, тот против России [1]).

П. Г. Смидович и В. П. Ногин от фракции большевиков отметили, что на их точке зрения стоит рабочий класс России. Рабочие поняли, что им не зачем итти на совеща-

[1]) Речь Б. Кибрика на Пленуме М. С. С. Д. 11-го августа (см. „Изв. М. С. Р. Д." № 136 от 12 авг. 1917 г.).

ние, так как период соглашательства канул в вечность и рабочим на этом совещании делать нечего. Они должны определенно и резко подчеркнуть свое отрицательное отношение к государственному совещанию и его задачам. Рабочие это и сделали. Утверждение Кибрика, что совещание ничего не будет решать, Ногин отнес к категории „неосновательных и легкомысленных утверждений". „Представители буржуазии—заявил Ногин—уже сорганизовались. Резолюция, вынесенная на так называемом малом совещании и будет выдана, как мнение страны".

Ораторы эсеровской фракции поддерживали точку зрения меньшевиков. Заседание Совета носило бурный характер. „Советское большинство, это чувствовалось уже тогда, оторвалось от рабочих масс и не считалось с определенно выраженной волей московского пролетариата. После бурных прений Пленум Совета большинством 364 (меньшевиков и социалистов-революционеров и беспартийных) против 304 (большевиков и объединенных интернационалистов) принял следующую резолюцию:

1) В виду того, что созываемое правительством государственное совещание по своему составу не может считаться представительством страны и выразителем воли народа, это совещание не должно принимать никаких решений, ограничившись обменом мнений по основным вопросам государственной жизни между представителями правительства и различными классами народа.

2) Представители пролетариата и революционной демократии должны принять активное участие в совещании, требуя от временного правительства решительного и быстрого проведения в жизнь программы 8-го июля, являющейся тем минимумом требований демократии, без которого невозможно спасение страны и революционных завоеваний. При этом представители Советов должны протестовать против репрессий, направленных против левых течений и недостаточно последовательной борьбы с контр-революцией.

3) Ведя решительную борьбу с политикой господствующих классов, противодействующих проведению в жизнь программы 8-го июля, представители Советов должны объеди-

нить все демократические элементы, участвующие в государственном совещании, вокруг этой программы и решительной тактики по ее осуществлению, настаивая на безусловной необходимости для спасения страны следующих мероприятий:

а) Обязательного созыва Учредительного Собрания в назначенный срок без каких бы то ни было дальнейших отсрочек.

б) Решительных мер по организации хозяйственной жизни и контролю над производством и распределением и налоговой беспощадности по отношению к имущим классам.

в) Решительных мероприятий против всяких посягательств на выборные организации солдат как на фронте, так и в тылу.

г) Напряжения всех сил страны для организации государственной обороны, последовательной внешней политики и проведения в жизнь демократической программы мира.

д) Неуклонного проведения намеченных подготовительных мероприятий по земельному вопросу.

е) Немедленная отмена смертной казни.

4) Все перечисленные задачи осуществимы лишь при условии энергичной и единодушной поддержки делегации Советов со стороны масс путем устройства собраний на фабриках и заводах и вынесения соответствующих настоящему постановлению резолюций.

Только таким путем демократия даст энергичный отпор силам контр-революции и воспрепятствует им использовать государственное совещание для сплочения своих сил.

5) В виду того, что государственное совещание является делом всероссийским, всякое выступление масс в связи с ним может быть предпринято только под руководством Центральных К-тов Р. С. и Кр. Депутатов, по первому призыву которых народные массы должны быть готовы оказать им необходимую поддержку. Всякие выступления без особого призыва С. Р. и С. Д. неизбежно поведут к разгрому сил революции и укреплению сил контр-революции. Московский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов считает нецелесообразным устройство в дан-

ное время демонстраций или всеобщей стачки протеста и предлагает ограничиться устройством митингов и собраний по фабрикам и заводам. Вместе с тем Сов. Раб. и Солд. Деп. призывает всех рабочих и солдат теснее сплотиться вокруг Советов и без особого его постановления не допускать никаких политических забастовок и демонстраций, откуда бы эти призывы ни исходили".

На следующий день было распубликовано в социалистической и буржуазной прессе и расклеено по Москве следующее воззвание Советов Рабочих и Солдат. Депутатов: „Советы Р. и С. Д. в заседании 11-го августа постановили не объявлять забастовки в день открытия государственного совещания. Советы Раб. и Сол. Деп. призывают вас к выдержке и организованности.

Русская революция переживает тяжелые дни, и черные вороны реакции и контр-революционная буржуазия собирают свои силы, чтобы нанести удар революции, чтобы отнять добытые кровью рабочих и солдат завоевания. В эти грозные часы пролетариат и армия должны быть во что бы то ни стало едины и нераздельны. Ваши представители в государственном совещании выставят со всей решительностью ваши требования в области внешней и внутренней политики.

Выступая преждевременно и несогласованно с рабочими других городов, вы рискуете сорвать их борьбу и ослабить ваши позиции, ради которых Вас призывают к забастовке.

Всякое разрозненное выступление рабочего класса в эти дни может оставить его одиноким в борьбе и разорвать связь между ним и революционной армией и крестьянством.

Это было бы только на радость врагам революции и рабочего класса. Не дадим же, товарищи, разбить наши силы, не дадим легко торжествовать нашим врагам.

К единению зовет вас С. Р. и С. Д. К открытию государственного совещания сплотите ваши ряды вокруг ваших представителей в нем и поддержите их в их требованиях, встаньте, как один человек, когда они вас призовут к тому.

До тех же пор проявите выдержку и организованность, не следуйте призывам, не исходящим от Советов и не начинайте преждевременного выступления.

Помните, товарищи, ваша сила в ваших организациях — Советах Р. и С. Д. Кто идет против них, тот срывает борьбу рабочего класса".

Воззвание это, как и аналогичное воззвание эсеровской городской думы, однако, не оказало никакого влияния на настроение рабочих. 12-го августа на открытие государственного совещания московский пролетариат ответил дружной забастовкой протеста. Бастовали рабочие всех заводов и фабрик, трамвая, даже повара гостиницы „Метрополь", где члены государственного совещания должны были обедать...

3.

12-го августа в Москве на государственное совещание в обширном зрительном зале Большого театра сошлись представители демократии и буржуазии. Последние явились в воинственном настроении. На предварительных собраниях, предшествовавших совещанию, буржуазия высказалась до конца, с полной откровенностью... Представители буржуазии „вотировали" недоверие „правительству спасения революции", ибо оно „вело страну по ложному пути". „недостаточно решительно порвало с мечтательными стремлениями партий, принадлежащих к социалистическим, и связано зависимостью от комитетов, советов и других подобных организаций". Во имя „спасения страны" буржуазия требовала „решительных мер" против „безответственных" органов революционной демократии, восстановления дисциплины в войсках, полноты власти командного состава" [1]).

Это был вызов демократии.

Буржуазия чувствовала под собой твердую почву, верила в свои силы. Ее взору уже рисовался образ „генерала на белом коне" — спасителя помещиков, банкиров, купцов и фабрикантов. Государственное Совещание, вместо „единения живых сил страны", являло собой картину резкого разде-

[1]) Государственное совещание. Речь ген. Каледина. („Известия Моск. Сов. Раб. Деп." № 138).

ления общественных классов. Здесь сошлись лицом к лицу враги: представители труда и капитала, эксплоатируемые и эксплоататоры, революционеры и контр-революционеры. Между ними лежала пропасть противоречия классовых интересов, которую нельзя засыпать никакими буржуазными сказками о „внеклассовых“ и „общенациональных“ интересах. Символическое рукопожатие Бубликова и Церетели нисколько не ослабило яркости живой картины классового антагонизма. Наиболее ярким выразителем „чаяний“ правого крыла государственного совещания явился генерал Каледин, „прославившийся“ затем организацией контр-революционного казачьего восстания. С истинно солдатской прямотой ген. Каледин заявил, что „армия должна быть вне политики. В ней должны быть воспрещены всякие митинги, всякие сорания. Все советы и комитеты должны быть упразднены как на фронте, так и в тылу, кроме полковых, ротных, сотенных и батарейных, при строгом ограничении их прав и обязанностей областью хозяйственных распорядков. Дисциплина в армии должна быть поднята и укреплена самыми решительными мерами. Все меры, необходимые для укрепления дисциплины на фронте, должны быть применены и в тылу. Вождям армии должна быть предоставлена полная мощь“ [1]).

Все эти меры должна провести в жизнь „твердая власть“, сосредоточенная в „опытных и умелых руках“, „не связанных с партийной программой, свободных от обязанности давать какие-либо отчеты каким бы то ни было организациям“ [2]).

Таковы „меры“ помещичьей и промышленной буржуазии. Почти во всех выступлениях правого крыла совещания слышался один лейт-мотив: „Смерть советам!“

Советы Рабочих Депутатов и армейские организации, как связывающие центры революционной демократии, стояли „поперек дороги“ либеральной и контр-революционной буржуазии. И наиболее заостренные стрелы буржуазного колчана били в эту цель. Кратко и выразительно ответил „ка-

1) В. Волгин—„Вехи“ („Изв. Моск. С. Р. Д.“ № 138).

2) В. Волгин—„Ультиматум“ („Изв. М. С. Р. и С. Д.“ 17 г. № 136).

лединцам" представитель матросов — член Центрального Исполнительного Комитета всероссийского союза русского флота: „Упразднение Советов будет проведено только тогда, когда не будет российского флота".

На левой заявление это вызвало бурю аплодисментов и весьма смутило представителей „правой стороны".

Руководители Советов, особенно Церетели, призывали буржуазию к жертвам, к единению всех живых сил страны, к „сплочению вокруг правительства, написавшего на своем знамени порядок, жертвы и оборону". „Во имя единения с силами цензовой общественности революционная демократия, не остановившись пред внутренними расколами, пошла на целый ряд весьма существеных уступок в своей платформе как в вопросах политики внешней, так и в вопросах политики внутренней" [1]). И тем не менее историческая декларация демократии, прочитанная Н. С. Чхеидзе, объединила... демократическую Россию.

И только.

Промышленники, банкиры и помещики тоже объединились, но против демократии, против революции и ее завоеваний. И... против „умеренной" программы „декларации революционной демократии", текст которой, в виду ее исторического интереса, привожу целиком:

„Дни грозной, почти смертельной опасности переживает Россия. Вражеские войска вторгаются вглубь страны. Армия отступает. Финансы страны подорваны. Железные дороги находятся в полном расстройстве. Промышленность разрушается и не удовлетворяет потребностям ни армии, ни населения. На города надвигается голод. И в то же время явления разложения в армии и анархические вспышки в тылу показывают, что неудовлетворенность народных масс, измученных трехлетней войной, грозит вылиться в формы, подвергающие опасности самое существование государства. И все явные и скрытые враги революции жадно пользуются всеми несчастьями на фронте, всеми затруднениями и смутою внутри страны, чтобы ценою гибели России купить свое

---

[1]) В. Волгин—„Итоги" („Изв. М. С. Д." № 139).

собственное благополучие и вернуть великую революционную страну к порядкам, приведшим ее на край гибели и единодушно осужденным народом.

В это грозное и тяжелое время пред лицом всей России объединившиеся организации революционной демократии еще раз свидетельствуют свою непоколебимую решимость не останавливаться ни пред какими усилиями и ни пред какими жертвами, чтобы спасти страну и спасти революцию.

С самого возникновения своего эти организации поставили себе целью объединение всех живых сил страны для выполнения тех великих задач, которые выдвинула пред Россией революция, и для борьбы с тем гниением и разложением, которым заразил все части народного организма трупный яд самодержавия.

В лице своих С. Р., К. и С. Д. революционная демократия не стремилась к власти, не искала монополии для себя. Она была готова поддерживать всякую власть, способную защитить интересы страны и революции. В хаосе разрушения она стремилась организовать и дисциплинировать народные массы для государственного творчества, направлять стихийное движение народа-гиганта, сбрасывающего вековые цепи, в русло планомерности, работать над восстановлением боеспособности армии, до самого основания разъеденной старыми порядками, организовать народное хозяйство и всегда и во всем интересы целого, интересы страны и революции ставить выше интересов отдельных классов или групп населения.

При тех бесчисленных затруднениях, через которые приходится пробиваться революционной России, при тех невыносимых тяготах, от которых хотят освободиться народные массы, при том отсутствии навыков к организованной деятельности, которое воспитано в народе вековым рабством, и при том противодействии, которое работа революционной демократии встречала со стороны всех защитников привилегий и своекорыстия, не все еще сделано, что нужно, и не все сделано так, как нужно: если в явлениях разложения армии и в анархических вспышках еще сказываются гибельное наследие старого режима и грозный при-

знак непобежденной анархии, то все же, окидывая взглядом истекшие 5 месяцев революции, когда переустройство огромной страны совершается под обстрелом врагов, мы можем смело сказать: только благодаря организациям революционной демократии сохранился творческий дух революции, спасающий страну от распада и власти анархии. И только при ее деятельном участии возможны возрождение армии, возрождение страны, спасение России и революции. Демократия неотделима от революционной страны. В неслыханных испытаниях, обрушившихся на Россию, только самодеятельностью и сознательностью народа может быть спасена страна, уже дышавшая живительным воздухом свободы. И только власть, опирающаяся на силы многомиллионного народа, сосредоточенная в его бесчисленных организациях, способна вывести страну из трагического положения, способна справиться с натиском внешних и внутренних врагов. В этих условиях всякая попытка разрушить демократические организации, подорвать их значение, вырыть пропасть между ними и властью и сделать власть оружием в руках привилегированных и имущих—есть не только измена делу революции, это есть прямое предательство родины, которая погибнет в тот самый день, когда на страже ее не будут стоять сознательные, дисциплинированные, самодеятельные и организованные массы трудящегося народа.

Требуя от власти более решительного и последовательного проведения в жизнь программы 8-го июля, революционная демократия защищает не исключительные интересы каких-либо отдельных классов или групп, а общие интересы страны и революции. Программа 8-го июля не есть исключительно программа демократических классов; она не выражает всей полноты их требований. Эта программа есть не что иное, как развитие программы 6 мая, на почве которой создалась коалиция, и которая включила в себя лишь то, без осуществления чего не может быть и речи ни об организации обороны страны, ни о поднятии уровня народного хозяйства, ни о политическом устроении России, ни об охранении завоеваний революции.

„В дни, когда самому существованию революционного государства угрожает вражеское нашествие, демократия требует от всех граждан и от правительства напряжения всех усилий для организации обороны страны от военного разгрома.

Правительство должно помнить, что только опираясь на деятельное участие демократических организаций в тылу и на фронте оно сможет выполнять эту огромную задачу. Оно должно внушить эту мысль всему командному составу и должно пресекать всякие попытки под предлогом организации обороны вернуться к порядкам, разлагающим армию и неизбежно ведущим к поражению и предательству родины. Оно должно требовать от военных властей безусловного подчинения себе, как носителю верховной власти государства.

Правительство должно помнить, что энергичное продолжение внешней политики в духе отказа от всех империалистических целей и стремления к скорейшему достижению всеобщего мира на демократических началах явятся могучим оружием поднятия боеспособности армии и обороны страны. Отчетливое сознание, что достижение этого мира, столь необходимого для возрождения страны, является единственной целью политики правительства, даст революционной армии, проливающей свою кровь, бодрость духа, энтузиазм и готовность к великому самопожертвованию.

Правительство должно помнить, что скорейшая организация тыла страны, упорядочение хозяйственной жизни ее повелительно требуются интересами обороны. В годину, когда ручьями льется народная кровь, расточается народное достояние, и демократия готова на всякие жертвы для спасения страны и революции, перед высшими интересами страны должны склониться и интересы привилегированных и имущих, для которых в течение трех лет самые бедствия войны служили источником безмерного обогащения.

Исходя из всего вышеизложенного, объединенная революционная демократия признает, что жизненные интересы страны и революции настоятельно требуют неотложного применения следующих мер:

I. В области продовольственного вопроса и снабжения.

Считая обеспечение армии и населения продовольствием одной из важнейших задач и признавая необходимость единой и целостной политики правительства в деле продовольствия и снабжения, мы полагаем:

1) Монополия на хлеб и твердые цены на продукты сельского хозяйства должны оставаться неизменными, несмотря на жертвы, возлагаемые этим на крестьянство. Возврат к свободной торговле или хотя бы колебание цен на сельскохозяйственные продукты при настоящих условиях были бы гибельны для страны и привели бы к неминуемому распаду экономической жизни.

2) С другой стороны, такой способ обеспечения армии и населения продовольствием настоятельно требуют системы мер к действительному снабжению массового сельского населения произведениями промышленности, поскольку это возможно при современном ее состоянии. При этом необходимы установление твердых цен и на все основные предметы промышленности, а также регулировка заработной платы. Только при этом условии твердые цены на хлеб не будут разрушать крестьянского хозяйства, в особенности в эпоху падения ценности рубля.

3) Успешное проведение мер по продовольственной политике и по снабжению населения продуктами промышленности немыслимо без самого широкого участия как в заготовке, так и в распределении продуктов сельского хозяйства и промышленности всех видов кооперации под общим руководством государственных продовольственных органов.

4) На-ряду с широким привлечением кооперации к делу продовольствия и снабжения нужно использовать в меру возможности и необходимости весь еще оставшийся частный торговый аппарат, так как привлечение его к работе по продовольствию под особо строгим контролем продовольственных органов диктуется государственной пользой и предупреждает развитие спекуляции.

II. В области торгово-промышленной.

1. Задачи обороны страны и организация снабжения

повелительно диктуют самые решительные меры к урегулированию транспорта и поднятию производительности промышленности.

2. Поднятие производительности требует прежде всего со стороны государства установления контроля над производством и деятельного вмешательства в руководство предприятиями вплоть до государственного синдицирования, трестирования и введения монополий.

3. Такой контроль над производством и регулирование промышленности в действительных интересах страны, а не в интересах отдельных групп возможен лишь при широком участии демократических организаций.

4. Немедленное осуществление такого регулирования промышленности является главным условием поднятия ее производительности, падение которой объясняется низким техническим оборудованием, крайнею изношенностью орудий производства, расстройством транспорта и снабжения сырьем, резким ухудшением питания рабочих, изменением состава рабочих вследствие ряда мобилизаций, и нередко промышленников.

5. Поскольку же падение производительности может быть отнесено на счет нерадения рабочих и проявления несознательности рабочих масс, рабочие организации с еще большей энергией будут продолжать борьбу с этими проявлениями несознательности, способствующими усилению общей разрухи и тем подвергающими опасности дело революции.

6. Правительство не должно приостанавливать проведение в жизнь программы неотложных мероприятий по охране труда, способствующих поднятию его производительности. Вместе с тем необходимы создание сети бирж труда для учета и распределения рабочих сил, создание сети примирительных камер и неуклонное охранение права коалиции для рабочих всех отраслей труда. Со своей же стороны рабочие организации должны активно стремиться к усилению производительности труда в интересах спасения страны и революции. С этой целью они должны: а) установить повсюду в предприятиях, соответственно техническим

условиям каждого предприятия, минимум выработки; б) строго наблюдать за соблюдением восьмичасового дня, с допущением сверхурочных работ в тех случаях, когда того требуют, при отсутствии безработных в данной отрасли промышленности, интересы обороны страны и революции; в) всемерно содействовать улажению конфликтов путем примирительного разбирательства, прибегая к стачке лишь после исчерпания всех других средств в разрешении конфликтов; вместе с тем рабочие организации решительно, осуждая насилия над членами фабрично-заводской администрации, должны добиваться передачи в примирительные камеры всех конфликтов между рабочими и административно-техническим персоналом; г) рабочие организации должны стремиться всеми силами к заключению тарифных коллективных договоров, как непременного условия нормальной работы предприятий.

7. Вышеуказанное регулирование производства, снабжения и установка твердых цен должны сопровождаться регулировкой взаимных отношений между трудом и капиталом, заработной платы и рабочего дня, а также в случае надобности введением трудовой повинности, которая должна распространяться на все классы населения, служить исключительно интересам страны и ни в коем случае не принимать форм милитаризации труда, способной в конец разрушить народное хозяйство.

8. Напрягая силы для обеспечения интересов обороны, правительство должно в то же время принять подготовительные меры для постепенной и безболезненной демобилизации народного хозяйства и для уменьшения бедствий от неизбежной и катастрофической безработицы. В частности, должен быть разработан теперь же план общественных работ, имеющих задачею восстановление хозяйств, разрушенных войной.

III. В области финансовой.

1. Необходимо, наряду с проведением в жизнь без всяких урезок и ограничений последних законов временного правительства о подоходном налоге и налоге на военную прибыль, проведение также реформы наследственного обло-

жения, налога на прирост ценностей и налогов на предметы роскоши.

2. Рядом с этим для предотвращения финансовой катастрофы безусловно необходимо проведение в ближайшей очереди исключительной меры — установление высокого единовременного поимущественного налога, как единого важнейшего источника покрытия чрезвычайных расходов государства.

3. В той мере, в какой обложение имущих классов и займы окажутся недостаточными для покрытия чрезвычайных нужд государства, необходимы повышение существующих налогов на предметы массового потребления и установление новых, при чем оно должно осуществляться преимущественно в виде финансовых монополий, с широким привлечением кооперативов и других общественных организаций к распределению продуктов монополий.

4. Для успешного проведения в жизнь всех налоговых преобразований необходимо переустройство всех приемов налоговой оценки, органов взимания налогов и проведение в жизнь широких контрольных мер, не дающих кому-либо возможности уклониться от правильного платежа налогов.

5. В отношении займа должны быть применены государством решительные меры принудительного размещения его.

6. Рядом со всеми этими финансовыми мероприятиями выпуск кредитных билетов может быть замедлен и сведен до минимума установлением твердых цен на все важнейшие продукты и нормированием прибыли и заработной платы в связи с общим регулированием всей экономической жизни страны, а также строгой экономией в расходах государственного казначейства, с устранением всех непроизводительных расходов.

7. В целях усиления ресурсов государственного казначейства необходимо проведение ряда мер по привлечению средств в кассы Государственного банка, который должен быть преобразован. Чрезвычайно важное привлечение вкладов от широких слоев населения лучше всего может быть осуществлено при содействии кредитных, ссудо-сберегатель-

ных товариществ и других кооперативных учреждений и их союзов.

8. Частные кредитные учреждения должны быть подчинены строгому контролю, чтобы их политика не шла в разрез с интересами государства.

9. Со своей стороны, объединенная демократия считает необходимым приложить все усилия к поддержке финансовых мероприятий правительства в деле успешного взимания налогов и размещения займа свободы.

IV. По земельному вопросу.

Так как до революции землепользование не регулировалось точным законодательством и определялось при поддержке царского правительства интересами имущих классов, то с падением старой власти поземельные отношения оказались совершенно не урегулированными законом. Справедливое стремление трудового крестьянства к удовлетворению своей земельной нужды приняло поэтому в ряде местностей бессистемные формы все растущего стихийного движения, которые в одних случаях, осложняя поземельные отношения, вызывают столкновения, недоразумения и споры из-за земли, в других случаях создают затруднения в деле организации снабжения страны продуктами первой необходимости и, наконец, ставят препятствия планомерному решению земельного вопроса в Учредительном Собрании. К этому необходимо энергичное, целесообразное и планомерное урегулирование земельных отношений. В основу такого урегулирования в настоящее переходное время до Учредительного Собрания должны быть положены следующие основные принципы:

1. Необходимо отвергнуть всякие захваты чьих-либо земель как отдельными лицами, так и группами лиц или обществами.

2. Непосредственное упорядочение поземельных отношений должно быть возложено на местные земельные комитеты, в ведение которых должны, без нарушения существующих форм землевладения, перейти земли сельскохозяйственного назначения для наиболее полного использования их, в целях спасения народного хозяйства от окончательной разрухи.

3. С этой целью необходимо немедленное издание центральной властью законов и инструкций, точно определяющих права и обязанности земельных комитетов, также и формы их деятельности, при чем означенные законы и инструкции должны всемерно ограждать как интересы земледельческого населения в отношении землевладения, так и интересы продовольственного дела и сельскохозяйственного производства в целом.

V. По вопросу об организации армии.

Считая, что в настоящий момент от возрождения сил армии зависит спасение страны и революции, демократия настаивает на осуществлении в этой области следующих мер:

1) Должны быть точно и определенно разграничены права и обязанности командного состава, комиссаров и армейских организаций.

а) Командному составу должны быть предоставлены полная самостоятельность в области оперативной и боевой деятельности, решающее значение в области строевой и боевой подготовки.

б) Комиссары должны быть проводниками единой революционной политики временного правительства и органом, стоящим на страже революционнной законности в армии, деятельность комиссаров должна быть поставлена в тесную связь с армейскими организациями.

в) Армейские комитеты, являясь органами солдатских масс и руководителями общественно-политической жизни этих масс, должны получить законодательное закрепление своих прав, органически вытекающих из их действительной роли в жизни армии.

2) Чрезвычайные меры революционного воздействия, вводимые в исключительных обстоятельствах, должны быть проводимы только в согласии с комиссариатом и ни в коем случае не должны распространяться на здоровые элементы армии; увлечение или злоупотребление системой принуждения и репрессий разрушает боевой дух и боевую мощь армии. Поэтому же недопустимо и восстановление дисциплинарной единоличной власти начальников. В целях поднятия автори-

тета командного состава, необходимы удаление с командных постов лиц, явно проявивших себя как контр-революционеры, и замещение этих постов лицами, выдвинувшимися из состава рядового офицерства, в большинстве своем стойко и самоотверженно переносящего вместе с солдатской массой все тяготы войны.

3) Должна быть усилена работа тыла по удовлетворению нужд солдатской массы. При этом необходимо признать обязанностью государства и общества оказание всесторонней помощи увечным воинам и их семьям и более полное, в пределах финансовой возможности обеспечение семей всех призванных на войну.

VI. В области местного самоуправления и управления.

1) Скорейшая организация местных самоуправлений и управлений является необходимой как в интересах укрепления революционного порядка, так и в интересах планомерного проведения в жизнь некоторых мероприятий временного правительства.

2) Органы местного самоуправления, избранные на основе всеобщего избирательного права, должны выполнять функции местного государственного управления, при чем им не должны противостоять никакие иные органы местного самоуправления. Представителю же центральной власти должен быть предоставлен надзор за законностью действий местных самоуправлений.

3) В соответствии с этим необходимы срочная переработка и взаимное согласование положений городового, земского, о милиции и расширение компетенции местного самоуправления в вопросах общественного порядка и безопасности, финансов, рабочего законодательства и т. д.

4) Комиссары временного правительства, избираемые на местах и утверждаемые в центре, являются органами административного управления исключительно на переходное революционное время.

5) С момента выборов органов местного самоуправления полномочия Исполнительного Комитета общественных организаций соответствующей области прекращаются.

VII. По национальному вопросу.

В трудное и ответственное дело государственного строительства, которое властно требует от демократии спасения страны и революции, должны и могут быть вложены все живые, творческие силы всех народов России.

Могучим орудием государственного творчества послужат эти национальные усилия народов России. Пробуждая широкие массы к организованной свободной национальной жизни, они создадут надежную опору для революционной власти.

Признавая, что разрешение национальных вопросов во всем их объеме подлежит решению Учредительного Собрания и считая необходимым охранить единство революционных сил, демократия высказывается против попыток разрешения национальных вопросов явочным порядком, путем обособления от России отдельных её частей.

Но в то же время демократия настаивает на незамедлительном осуществлении правительством тех частей демократической национальной программы, которые удовлетворяют самые насущные нужды народностей, населяющих Россию и спаивают их в единое и мощное орудие революционной государственности.

В частности, демократия считает необходимыми:

1) Издание декларации временного правительства о признании за всеми народностями права на полное самоопределение, осуществляемое путем соглашения во всенародном Учредительном Собрании.

2) Издание декрета о равноправии языков: предоставление гражданам всех народностей права и возможности пользоваться родным языком при осуществлении гражданских и политических прав в школе, суде, органах самоуправления и при сношении с государственной властью и т. д.

3) Образование при временном правительстве совета по национальным делам, куда входили бы представители всех национальностей России в целях как подготовки материалов по национальному вопросу для всероссийского Учредительного Собрания, так и выработки способов регулирования самых национальных отношений и форм, предоставляющих

нациям возможность разрешать вопросы своей внутренней жизни.

Таковы те задачи, скорейшее и полное осуществление которых безусловно необходимо в интересах спасения страны и революции. К их выполнению демократия зовет правительство и все общественные силы, которым действительно дорого дело революционной России. Пусть же правительство, облеченное всей полнотой власти и пользующееся поддержкой демократии, найдет в себе силы и энергию неуклонно и последовательно итти по этому пути.

В грозный час испытаний, когда требуется напряжение всех сил для обороны страны от военного разгрома, пусть не будут принесены интересы России в жертву домогательствам безответственных или своекорыстных групп. Подавляя всякие проявления анархии, пусть революционная власть беспощадно пресекает все поползновения контр-революционных заговорщиков, эксплоатирующих население родины для своих преступных целей.

Пусть народные массы видят, что все делается для спасения страны.

Пусть они знают, что власть не потерпит ни малейшего посягательства на революционные завоевания народа.

Такая власть будет иметь несокрушимую опору в широких народных массах.

Такой власти не страшны будут ни анархические бунты, ни контр-революционные заговоры.

К исключительным мероприятиям, которые такая власть сочтет нужным применять в интересах утверждения революционного порядка, народ отнесется с доверием, потому что увидит в них не проявление произвола, не политическую месть, не малодушные уступки давлению каких-либо групп, а необходимость, продиктованную жизненными интересами страны и революции.

Такая власть сумеет справиться со стоящими пред ней тяжелыми и ответственными задачами обороны страны, охраны завоеваний революции, безотлагательного созыва Учредительного Собрания, которое закрепит в России демократи-

ческую республику, фактически уже провозглашенную народом".

На первый план декларация выдвигает оборону страны... Это яркое и определенное требование демократии. В остальном,—в области политических и экономических задач,—декларация обнаруживает „благоразумную" трезвость и умеренность „реальных политиков".

К декларации демократии присоединились: 27 земств, союз учителей, 50,000 кооперативов, объединяющих 15 миллионов кооператоров, профессиональные рабочие союзы и все армейские комитеты, объединяющие все армии.

Представитель армейских комитетов Кучин при этом заявил:

„Присоединяясь к общей декларации, оглашенной здесь от имени объединенной демократии страны, мы считаем необходимым подчеркнуть и развить те ее пункты, которые касаются вопроса об организации и поднятии боеспособности армии.

Армия стоит в центре всех коренных вопросов жизни страны. От возрождения силы армии зависит спасение страны и революции. Мощь армии—в единой сильной революционной власти. Сильная власть в армии создается лишь при условии дружной работы всех живых творческих сил армии и поэтому все, что способно понять грозящую стране опасность, должно сплотиться для энергичной беззаветной работы соответственно силам, способностям и поставленным каждому задачам.

Один командный состав не сможет поднять боеспособность армии. В огромном большинстве своем прежний, дореволюционный, он до сих пор еще не пользуется необходимым доверием солдатских масс, и только в тесной совместной работе с органами солдатской самодеятельности, органически с массами связанными и в процессе революции выросшими мыслимы и возможны восстановление боеспособности армии и поднятие революционной дисциплины на должную высоту.

Должны быть точно и определенно разграничены права и обязанности всех основных элементов власти в армии—командного состава, армейских организаций и комиссаров.

Командному составу должны быть предоставлены полная самостоятельность в области оперативной и боевой деятельности, решающее значение в области строевой и боевой подготовки; на-ряду с этим необходимо полное отстранение командного состава от политического руководства армией.

Проводниками единой революционной политики временного правительства, как представителя воли революционного большинства страны, должны являться комиссары.

Компетенция этого важного и необходимого в переживаемую нами эпоху органа должна быть расширена и усилена.

Деятельность этого органа, стоящего на страже законности в армии, должна быть поставлена в тесную связь с армейскими организациями. Солдатские организации, являясь органами солдатского самоуправления, должны получить в законе полное закрепление их прав и обязанностей соответственно их действительной роли в жизни армии.

При указанном взаимодействии командного состава, комиссариата и армейских организаций работа всех творческих активных сил в армии найдет себе прочную опору в массах и сможет скорее всего восстановить боеспособность армии; только при таком взаимоотношении основных элементов власти в армии будет плодотворной та работа укрепления авторитета командного состава, при полном обеспечении личных и общественных прав солдатских масс, которая интенсивно ведется армейскими организациями"...

Крайняя левая устроила Кучину бурную овацию. Все делегаты Советов встали со своих мест и, обращаясь к ложе фронтовых делегатов, приветствовали их шумными рукоплесканиями.

С разных сторон раздались возгласы:

— Да здравствует революционная армия!..

— Да здравствует революция!..

Такой же успех имела и речь другого представителя фронтовых комитетов, подполковника Куропаткина.

На заседании государственного совещания была также оглашена декларация большевиков—членов совещания. В

ней отразилась революционная точка зрения левой социал-демократической фракции, рассматривавшей московское совещание, как ширму „для организации всероссийского контр-революционного заговора".

Вот текст этой декларации:

„Смертельная опасность грозит делу революции: помещики и буржуазные партии готовят рабочим, солдатам и крестьянской бедноте кровавую расправу, собираются восстановить неограниченное угнетение и насилие над народными массами, целиком вернуть себе власть над ними.

В этот час правительство, называющее себя правительством „спасения революции", не выступает против контр-революции, против партий, отстаивающих восстановление помещичье-буржуазной кабалы, и требующих продолжения разбойничьей войны. Наоборот, оно призывает отъявленных контр-революционеров на государственное совещание в Москву, обеспечивает им там подавляющее большинство, собирается окончательно договориться с ними и открыто опереться на них в дальнейшей своей работе. Клейменых врагов народа временное правительство всенародно признает спасителями страны, могильщиков революции объявляет ее живыми силами. Так временное правитель ство подводит итог всей своей политике, направленной на борьбу с рабочими, газеты и организации которых оно громит, на борьбу с солдатами, которых оно одарило восстановлением смертной казни, на борьбу с крестьянами, которым оно не дает земли.

Временное правительство само стало орудием контр-революции и международной реакции. Оно созвало московское совещание, чтобы здесь почерпнуть новые силы для нового похода на все завоевания революции.

Ободренные этой дружественной политикой враги народа—помещики, банкиры, заводчики—сплотились вокруг партии к.-д. для спасения своих военных барышей, поместий и капиталов. Московское совещание для контр-революционных палачей—удобнейшая ширма для организации всероссийского контр-революционного заговора. Кадетским предварительным совещанием уже создан постоянный политический центр контр-революции, опирающейся на вооруженную

поддержку командных верхов армии и реакционной части казачества.

Московское совещание является грубой подтасовкой и извращением народной воли. Одновременно с его созывом, созыв Учредительного Собрания, подлинного народного представительства, откладывается вновь на два месяца благодаря проискам буржуазии, неуклонно идущей к своей цели — полному срыву Учредительного Собрания и к замене его таким учреждением, где ей было бы обеспечено большинство.

Ведя подкоп против Учредительного Собрания, буржуазная контр-революция вместе с тем открыто противопоставляет московское совещание Советам Рабочих и Солдатских Депутатов. При помощи его она надеется нанести решительные удары этим органам, на которые рабочий класс возложил обязанность охраны интересов революции, обязанность борьбы за мир, за землю и за хлеб. Однако, партии социал-революционеров и меньшевиков, которым ныне принадлежит большинство в Ц. И. К. Советов, не воспротивились созыву московского совещания, не попытались бороться против этой затеи, явно идущей на пользу контр-революции, и не могли бороться, ибо сами стояли за соглашение, за совместную работу с буржуазно-помещичьей коалицией, сами шли все время на уступки ей, отказывались от передачи всей власти рабочим, солдатам и крестьянам, предложили поделиться властью с буржуазной контр-революцией.

Московское совещание показывает самым широким слоям городской и крестьянской бедноты, что необходима энергичная борьба против контр-революции; рабочий класс — надежный страж и оплот революции — первый заявил свой открытый протест против московского смотра контр-революционных сил, организованного временным правительством Всеобщая забастовка московского пролетариата выражает мысль и волю всего сознательного пролетариата России, разгадавшего игру контр-революции. Боевому кличу мобилизовавшейся буржуазии рабочий класс противопоставил свой лозунг пролетарско-крестьянской революции.

Мы, члены революционной партии пролетариата, явились сюда не для того, чтобы вступать в переговоры с врагами

революции, а для того, чтобы протестовать от имени рабочих и беднейших крестьян против созыва контр-революционного собора, чтобы разоблачить пред всей страной истинный его характер. Но нам решили закрыть рот, и это решение проведено при содействии с.-р. и меньшевиков из советского большинства. Однако, мы уверены, что наш голос и наш протест дойдут до народных масс, которые все более сплачиваются вокруг нас, вокруг революционной партии пролетариата. От имени его мы заявляем: пролетариат не допустит торжества буржуазных насильников. Пролетариат доведет революцию до конца, обеспечит крестьянам—землю, народу—мир, хлеб и свободу.

Российский пролетариат, сообща с международным пролетариатом, положит конец господству капитала над порабощенным человечеством.

Большевики—делегаты от городского самоуправления.

Большевики—делегаты от профессиональных союзов.

Большевики—члены делегации рабочих кооперативов.

Большевики—представители комитетов общественных организаций.

Большевики—делегаты союза городских служащих.

Большевики—делегаты армейского и флотского комитетов.

Большевики—члены делегации Ц. И. К. Советов, не допущенные на совещание".

4.

Политические „предсказания" большевиков сбылись целиком. Государственное совещание, действительно, явилось „ширмой для организации всероссийского контр-революционного заговора". На умеренную и „трезвую" декларацию демократической России либеральная и контр-революционная буржуазия, объединенная, верховным водительством „кадетской" партии, ответила корниловским восстанием. Выступление бравого генерала приурочивалось к открытию государственного совещания. Однако, учтя неблагоприятное для себя в данный момент соотношение сил, контр-революционные заговорщики временно отложили бой. Первые газетные сведения о готовившемся покушении на революци-

онные завоевания пролетариата и крестьянства появились в „Новой Жизни“:

„В воскресенье, 13-го августа,—сообщала „Нов. Жизнь,“—распространились слухи, что некоторые казачьи части направляются с фронта к Москве. Одновременно с этим стало известно о решительных контр-революционных выступлениях, организуемых определенными военными группами, при сочувствии некоторых общественных кругов Москвы, резко выступавших накануне государственного совещания против революционной демократии и временного правительства. Начальствующим лицам Москвы было сообщено об этих слухах; они заверили военную власть, что контр-революционные попытки в Москве обречены на неудачу, так как временное правительство и Советы пользуются безусловным доверием московского гарнизона“.

Газета московских социал.-революционеров „Земля и Воля“, в связи с появлением приведенной выше заметки, на следующий день опубликовала имена главных вдохновителей и организаторов контр-революционного заговора. Газета эта писала: „Одним натиском силы частью враждебные, частью полувраждебные правительству расчитывали, с помощью авантюристов и слепых игрушек политической игры реакции, „нахрапом“ выхватить армию из рук временного правительства и революции, овладев ею, обезличить и распылить ее организации, которыми она жива, которыми она держится, как армия народная и революционная. А рядом уже создавалась сила, готовая извлечь для себя основную политическую выгоду от этого,—более чем наполовину созданный новый „кадетско-казачий“ блок. В его подготовлении немалую роль играл дуумвират Милюков—Родзянко. Последний из них, Родзянко, по сообщению газет, для большого успеха уже ходатайствовал о зачислении своем в казачье сословие; очередь остается за Милюковым. Кадетско-казачий блок... Кадетско-савинковский блок... Калединско-алексеевский блок... Дуумвират Милюкова и новоиспекаемого казака Родзянко... Вступление Корнилова на скользкую почву делания политики... Сложная политическая стратегия людей, сумевших овладеть союзом георгиевских кавалеров“...

В этом реакционном созвездии помещичьей и промышленной буржуазии, подготовлявшей гильотинирование русской свободы, ярко сверкает имя Милюкова, верховного вождя современного русского либерализма, лидера политической партии, именуемой в народе партией „народной неволи“, отдавшей себя всецело служению контр-революции.

„Правительство спасения революции“, осведомленное о контр-революционном заговоре, молчало. Вдохновители и участники заговора оставались на свободе. Корнилов и Каледин продолжали занимать ответственные военные посты. Под сенью „личной неприкосновенности“ заговорщики подготовляли вооруженное выступление, имевшее целью захват власти реакционными элементами. Полоса подготовлений к „решительному бою “совпала по времени с нашими катастрофическими неудачами на фронте. „Катастрофа под Тарнополем“... Сдача Риги... Официальные провокационные сообщения ставки верховного главнокомандующего о „массовом бегстве“ солдат, „предательски покинувших позиции и открывших ворота для прорыва нашего фронта“, оказавшиеся затем ложью и клеветой на солдат, умиравших в кровавых боях... Грозное требование введения смертной казни и разгрома солдатских организаций... Все это отдельные звенья длинной цепи событий, закончившихся знаменитым корниловским восстанием, с которым буржуазия связывала все свои надежды на подавление рабочих и крестьян, мешавших ей овладеть в стране всей полнотой политической власти. Заговору Корнилова горячо сочувствовали правительства Франции, Англии и Италии, отлично понимавшие, что осуществление военных англо-французских целей в России возможно лишь при господстве империалистической буржуазии, поддерживаемой высшим военным сословием. 26-го августа, в полугодовщину великой русской революции, ген. Корнилов предъявил временному правительству требование о передаче ему „всей полноты власти“ и о „роспуске революционного правительства“. Жалкий „диктатор-лилипут“ требовал подчинения революционной России власти правительства, составленного по его, Корнилова, „усмотрению“. В ответ на эти требования временное правительство приказало Корнилову сдать

должность верховного главнокомандующего генералу Клембовскому, главнокомандующему армиями северного фронта. Бюро военного отдела Центрального Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, объявив Корнилова изменником и предателем революции и родины, обратилось ко всем армейским и флотским комитетам и ко всем Советам Рабочих и Солдатских Депутатов с воззванием не исполнять ни одного приказа Корнилова и оказать временному правительству и Центральному Исполнительному Комитету содействие и поддержку в их борьбе с контр-революцией. 27-го августа Корнилов, не подчинившийся приказу правительства, двинул на Петроград контр-революционные эшелоны, в состав которых вошли войска „дикой дивизии" и „ударники"—георгиевские кавалеры. Корниловским войскам был дан приказ „овладеть во что бы то ни стало Петроградом".

Пред лицом контр-революционной опасности состоялось объединение всей русской демократии, раздираемой на части внутренними разногласиями и распрями. В этот грозный час был создан единый революционно - демократический фронт, выступивший на защиту свободы и революции. Весь петербургский гарнизон стал на сторону защитников революционных завоеваний. К петербургским примкнули кронштадтские и московские войска. Со всех фронтов были получены телеграммы, извещавшие Петербург, что войска действующей армии всецело стоят на стороне временного правительства. Движение в защиту революции захватило и казачьи части, на поддержку которых уже тогда расчитывали заговорщики. Общее собрание офицеров и казаков 1-го Донского казачьего полка, обсудив воззвание Ц. И. К. о контр-революционном выступлении Корнилова, единогласно постановило:

„Заклеймить предателя родины и посягателя на революцию изменником. Выразить полное доверие временному правительству во главе с министром-председателем Керенским и оказать ему полную поддержку в подавлении контр-революции. Заявить представителям революционной демократии в лице ее полномочных органов Всероссийского Ц. И. К. С.

Р. и С. Д. и всем, кому дорога свобода, о своем намерении защищать революцию от всех контр-революционных попыток, направленных против нее. В настоящее тревожное время, когда контр-революция во главе с Корниловым дерзнула угрожать временному правительству — открыть фронт немцам,—мы все до одного готовы защищать родину до последнего вздоха казаков. Только когда от казаков не останется ни одного человека, изменники и предатели страны могут осуществить свои гнусные замыслы. Мы надеемся, что, идя вместе в рядах всей революционной демократии, мы раздавим этих гадов, пытающихся снова наложить цепи на освобожденный русский народ".

В первый же день корниловского восстания обнаружился классовый характер начавшейся гражданской войны. Вся солдатская масса, за исключением обманутой „дикой дивизии" и народных отбросов, наводнивших ударные батальоны, решительно выступила против „бунта генералов", организованного российской буржуазией. Рабочий класс в борьбе за свободу и на этот раз встретил поддержку революционной армии—вооруженного трудового народа. К корниловскому мятежу примкнули только генералы и реакционно-настроенное рядовое офицерство. Начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Лукомский, главнокомандующий юго-западного фронта ген. Деникин, командующий особой армией ген. Эрдели украсили список восставших генералов. „Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов", вскрывая „социальную природу" корниловского восстания, писали:

„Корниловский заговор показывает воочию, каким широким объединенным фронтом наступает контр-революция. Ее правый фланг уходит в черные дебри неприкрытого мракобесия —в романовские дворцы и придворные круги. Ее центр покоится на мятежном генералитете ставки верховного главнокомандующего и различных штабов. Ее левый фланг опирается на конституционно-демократическую партию,—партию „народной свободы". Как ни различна социальная природа этих групп, в настоящий момент их объединяет в одно ненависть к революции. Их душит одинаково

злоба к демократии, которая требует для себя земли, свободы и солнца".

В эти грозные дни русская революционная демократия впервые встретилась лицом к лицу с вооруженной буржуазией, штыком и пулей отстаивавшей привилегии господствовавшего класса. Корниловский мятеж—первое сражение, данное буржуазией пролетариату. В этом сражении победителем вышли рабочий класс и революционная армия.

Корниловские эшелоны, продвинувшиеся к Пскову, Великим Лукам и Луге, были частью рассеяны революционными войсками и рабочей милицией, частью перешли на сторону революции. На пятый день корниловский бунт был ликвидирован. Корнилов, возведенный буржуазной печатью в „народные герои" и в „вожди нации", 1-го сентября сидел под арестом вместе со своими ближайшими сподвижниками. Сражение было проиграно, и отдельные буржуазные группы спешили отмежеваться от авантюры, потерпевшей поражение. Газета мелко-буржуазной мещанской улицы „Русское Слово", возносившая Корнилова в первые дни восстания до небес, теперь переменила фронт и доказывала своим читателям, что с „величайшей решительностью должны быть осуждены и подавлены, как предательство родины, всякие попытки продолжать мятеж. О таких еще делающихся попытках, во главе которых стоит ген. Каледин, сообщил в заседании думы городской голова. Это безумное выступление части казачества равносильно прямому пособничеству врагу" [1]). Буржуазная печать, „осуждая" корниловский метод борьбы, доказывала, что Корнилов „никакими личными контр-революционными и классовыми побуждениями не руководствовался". „Своим выступлением,—писали „Русские Ведомости"—генерал Корнилов повредил именно тому делу, которое для него было всего ближе и дороже,—делу восстановления боевой способности армии. Есть средства, которые губят цель, ради которой они применяются, и ген. Корнилов избрал именно такое средство". „Нельзя—поучали на этот раз „Русские Ведомости"—восстанавливать государ-

[1]) Спустя $2—2^1/_2$ месяца эта же газета во вспыхнувшем под руководительством Каледина казачьем восстании видела спасение страны.

ственный порядок путем военных заговоров, нельзя изгонять политику из армии, поднимая эту самую армию против правительства". Даже „Речь"—очаг „корниловщины", и та, беря Корнилова под свою защиту, осуждала его за избранный им „преступный путь борьбы". „Нелицеприятный суд—писала „Речь"—выяснит степень вины человека, дерзнувшего перейти грань, которая отделяет законную борьбу за спасение родины от открытого выступления против правительства. В ожидании этого суда должны умолкнуть яростные нападки и партийная полемика, пытавшаяся прибавить к законному (курсив наш, *К. Н.*) обвинению в мятеже несправедливое обвинение в контр-революционерстве, в защите классовых интересов"... В ожидании „нелицеприятного суда" газета просила помнить, что если путь, избранный ген. Корниловым, был преступен, то цели, к которым он стремился, получили пред самым конфликтом полное одобрение правительства". В своем стремлении одновременно защитить и осудить неудавшегося „диктатора", орган „культурнейших людей в России" впадает в явное противоречие. Раз „цели", к которым стремился Корнилов, получили полное одобрение правительства, то зачем было ему для осуществления этих „одобренных" целей избирать „преступный" путь военного мятежа, направленного против правительства, одобрившего „цели" шустрого генерала. Наконец, как это правительству взбрело вдруг в голову оказывать вооруженное противодействие попытке осуществить те „цели", которые были им „одобрены". Трудно одновременно и защищать и осуждать. Приходится прибегать к аргументам и построениям, противоречащим элементарным требованиям логики. Пусть успокоятся „культурнейшие" люди России! Их защита не смоет с Корнилова и с его сподвижников и вдохновителей позорной печати предателей свободы и покусителей на революционные завоевания пролетариата и крестьянства. „Нелицеприятный суд" народа уже вынес свой приговор. Он осудил не только „путь", но и „цели" контр-революционных заговорщиков. Пусть воздержутся также и от осуждения. Роль честного обвинителя в деле

Корнилова не может быть связана с именами тех, кто толкал „народного героя“ и „вождя нации“ на „преступный“ путь вооруженной авантюры, имевшей целью гильотинировать революционные завоевания России. Пролетариат и армия, стоявшие на страже свободы с первых дней февральской революции, пресекли мятежную попытку реакционного генералитета и контр-революционной буржуазии захватить власть в свои руки. Жаждавшие власти должны были в „беспорядке“ отступить пред единым революционным фронтом русской демократии.

Так закончилась пятидневная „буржуазная революция“— первая в истории России вооруженная битва буржуазии с пролетариатом за политическую власть, за сохранение основ буржуазного строя, покоящегося на эксплоатации трудовых масс. Это была прелюдия октябрьской гражданской войны.

ГЛАВА VI.

Демократическое совещание.—Падение меньшевистско-эсеровского блока.—А. Ф. Керенский.—На рубеже новой истории.

1.

После подавления корниловского восстания пред Россией снова стал вопрос о сформировании правительства. В дни мятежа из министерства ушли кадеты. Они, конечно, не могли оставаться в составе правительства, подавлявшего бунт, организованный при участии членов партии „народной свободы“. Ушел также и В. М. Чернов. В состав правительства тогда же были приглашены контр-адмирал Вердеревский— на пост морского министра, ген.-майор Верховский—на пост военного министра и адвокат социал-демократ оборонец А. М. Никитин, занявший сначала пост министра почт телеграфов, а затем министра внутренних дел. В виду чрезвычайных обстоятельств, временное правительство 1-го сентября постановило возложить „непосредственное руководство делами государства“, впредь до окончания формирования кабинета, на „директорию“, в состав которой вошли пять министров: Керенский, Терещенко, Верховский, Вердеревский и Никитин. Одновременно правительством был опубликован

декрет об установлении в России демократической республики.

Подавление корниловского мятежа в сущности было лишь полупобедой контр-революции. Керенский, „двусмысленная“ роль которого в корниловском восстании была очевидной для всех, остался у власти. Созданная им „директория“ при сложившихся тогда условиях была переходной ступенью к консулату.

Для решения больного вопроса о конструкции власти решено было созвать в Петрограде 12 сентября 1917 года „демократическое совещание“ из представителей организованной демократии, которая должна была на этот раз заменить „живые силы страны“ и принять участие в создании правительства, „обладающего необходимою авторитетностью среди революционной демократии“ [1]).

Созыв демократического совещания свидетельствовал о стремлении меньшевистско-эсеровского Ц. И. К. опереться на новую социальную базу, между прочим на кооперативные организации в противовес полевевшим Советам.

К этому времени в рабочих рядах и особенно в армии совершенно ясно обозначилось стремление к крайним левым лозунгам. 18 августа 1917 года Петроградский Совет—„пленник“ меньшевистско-эсеровского блока—принял „резолюцию протеста против смертной казни и ареста большевиков“. Это была первая победа большевистской фракции. Спустя две недели, 31 августа, Петроградский Совет, „впервые за 6 месяцев своего существования“, принял общую политическую резолюцию, предложенную фракцией большевиков. Совет петроградских рабочих, отряхнув с ног своих прах „соглашательских иллюзий“, потребовал отстранения от власти не только представителей партии „народной свободы“, замешанных в „изменническом выступлении Корнилова, но и представителей цензовых элементов вообще“. „Единственный выход—говорилось в резолюции Петроградского Совета—создание решительной власти революционного

---

[1]) К. Малинин.—Демократическое совещание и Советы („Изв. Моск. Сов. Рабоч. Деп.“ № 159).

пролетариата и крестьянства, в основу деятельности которой должно быть положено: декретирование демократической республики, немедленная отмена частной собственности на помещичью землю без выкупа и передача ее в заведование крестьянских комитетов впредь до решения Учредительного Собрания; немедленное предложение мира всем народам, отмена смертной казни и других репрессий".

6-го сентября та же резолюция была принята Московским Советом Рабочих Депутатов. Ответственные органы революционной демократии рвали свою связь со старой коалиционной тактикой, упорно отстаивавшейся „вождями эс-эров и большинства меньшевиков", и вступали на путь, свидетельствовавший о торжестве „новой политической линии, более близкой к той, которую проводила партия большевиков" [1]). Меньшевистско-эсеровский состав Президиума Петроградского Совета, в связи с наметившимся новым политическим курсом, заявил о сложении своих полномочий. Состоявшиеся 8-го сентября выборы членов нового президиума от рабочей секции дали большевикам 6 мест, эс-эрам—3 и меньшевикам—2. Солдатская секция 13-го сентября избрала в новый президиум—9 большевиков, 10 эс-эров-интернационалистов и 2 меньшевиков. Выборы эти положили конец господству правых социалистов в Советах.

Меньшевистско-эсеровский блок пал. Советы стали революционным центром, организующим боевые силы пролетариата и армии для борьбы за дальнейшие достижения пролетарской революции. Между старым меньшевистско-эсеровским составом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и большевистскими Советами образовалась пропасть, которая росла с каждым днем разгоравшейся классовой борьбы. 11 сентября Петроградский Совет принял резолюцию протеста против того, что на созываемом Центральным Исполнительным Комитетом „демократическом совещании" Советам Рабочих и Солдатских Депутатов, армейским организациям, профессиональным союзам и фабрично-завод-

---

[1]) А. Попов.—„Октябрьский переворот". Факты и документы под редакцией Н. Рожкова. Петроград. 1918 г. Стр. 90.

ским комитетам отведено место, „не соответствующее значению и роли этих учреждений". В этой же резолюции Совет указывал, что „опыты создания революционной власти путем соглашения и коалиции с самой крупной и организованной партией буржуазии, к.-д., не только задержали выполнение задач революции в области политической, аграрной, промышленно-экономической и финансовой, но и поставили революцию на край гибели, создав условия, при которых могла быть сделана попытка превратить верховное командование и самый аппарат государственной власти в орудие и очаг заговора против революции". Совет требовал „немедленного разрыва с политикой соглашения с помещичьими и буржуазными партиями и безответственностью власти, которая привела на деле к приемам диктаторского управления и личного усмотрения". Спасение революции и страны от ужасов черной реакции и полной экономической разрухи Петроградский Совет Рабочих Депутатов видел в „создании власти из уполномоченных представителей рабочих, крестьянских и солдатских организаций".

На эту точку зрения стало также большинство представителей Советов и других рабочих организаций на демократическом совещании. „Соглашательская политика" Центрального Исполнительного Комитета и здесь потерпела неудачу. 18-го сентября Л. Мартов от имени большинства советской делегации огласил на „демократическом совещании" декларацию, в которой говорилось:

„Советы Раб. и Солд. Деп., объединяющие в своих организациях миллионы трудящегося населения и представляющие средоточие революционной энергии народа и его политической активности, могли бы с достаточным основанием притязать на то, чтоб их представителям на всероссийском демократическом совещании, созванном их центральным Комитетом, было предоставлено для изложения их взгляда на вопрос о перестроении и функционировании власти время, соответствующее действительному политическому значению их, как органов руководства великой российской революции. Советы Депутатов Р., С. и Кр., созданные в первые дни революции могучим порывом подлинного

народного творчества, образовали собой ту новую ткань революционной государственности, которая заменила обветшавшую ткань государственности старого режима. Все политическое самоуправление великого народа, сбросившего с себя путы царистского рабства, совершалось и совершается через посредство Советов. Тем самым Советы являются во всей России непосредственными носителями идей народовластия, органами, осуществляющими на деле демократическую республику и фактически концентрирующими в своих руках государственную власть на местах.

Эту свою роль Советы могли и могут выполнять лишь в тесном контакте и в единении со всеми другими организациями, которые созданы революционным творчеством демократии для выполнения определенных социальных функций,—органами местного самоуправления, армейскими организациями, земельными, фабрично-заводскими и продовольственными комитетами, равно как с прежде созданными экономическими и классовыми организациями, которым революция открыла новое, широкое поле деятельности. Благодаря этой сети демократических организаций, политически руководимых Советами, Россия, истерзанная и ослабленная трехлетней войной и потрясаемая стихийными движениями, неизбежными во всякой революции, могла сохранить свое внутреннее органическое единство, преодолевая проявления приходских и узкоместных интересов. Этой сетью демократических организаций поддерживается единство между центром и окраиной, городом и деревней, фронтом и тылом, и освобожденная от векового рабства страна стойко сопротивляется факторам распада, рождаемым хозяйственной разрухой и затягивающейся войной. Благодаря этой сети страна оказалась в состоянии противопоставить единый революционный фронт контр-революционным узурпаторам стремившимся использовать бедствия страны для умерщвления республики. С ее помощью она беспощадно раздавит всякую новую попытку врагов демократии покуситься на завоеванные народом свободы.

Но в то время, как эта живая ткань новой революционной государственности развивалась и укреплялась на ме-

стах, в центре функционировала власть, построенная на основе коалиции с недемократическими имущими классами. Вытекающее отсюда несоответствие и противоречие между направлением политической жизни на местах и работой государственного центра обрекает на бесплодие значительную часть творческой работы демократии. Цензовые группы, участвующие в составе правительства, построенного на основе коалиции, имели возможность тормозить проведение самых неотложных экономических, финансовых и социальных реформ к великой опасности для страны, которая может быть спасена от банкротства и голода лишь смелой революционной политикой, побеждающей всякое своекорыстное сопротивление имущих; они могли саботировать внешнюю политику демократии, направленную к достижению скорейшего мира на приемлемых для нее основах, и они успешно противодействовали демократической реорганизации армии, и тем и другим не только способствовали накоплению глухого недовольства в народных массах, но и содействовали усилению той грозной внешней опасности, пред которой стоит страна.

Правительственная коалиция с буржуазными классовыми партиями роковым образом осуждала центральную власть на бездействие в области творческой работы, на зигзаги и шатания во всей ее политике, на все большее отрывание ее от широких народных масс и вместе на постепенную потерю доверия со стороны этих масс, чреватой опасностью стихийных движений.

В то же время, вступая с своей политикой все чаще и чаще в конфликт с правосознанием народных масс и с органами революционной демократии, власть на деле становилась все более и более безответственной, все более независимой от контроля организованной демократии и тем самым фактически все более зависимой от капиталистических классов и связанных с ними клик, заинтересованных в приостановке и подавлении дальнейшего развития демократической революции.

Все эти опасности предстали с особой яркостью пред демократической Россией в дни корниловщины, когда ап-

парат новой республиканской государственности оказался плохо защищен представителями самой власти против контр-революции и неспособным повести народ на борьбу с ней. Настало время, когда это положение вещей должно быть в корне изменено, если революции не суждено пережить новую полосу тягчайших испытаний".

„Обращаясь к представителям всех демократических организаций, собравшихся на всероссийское совещание, делегация Советов Рабочих и Солдатских Депутатов призывает решительно отвергнуть всякое соглашение с цензовыми элементами, всякую безответственную власть, власть единичную или коллегиальную и приложить свои силы к делу создания истинно-революционной власти, способной разрешить неотложные задачи революции и ответственной впредь до Учредительного Собрания пред полномочным представительством трудящихся народных масс. Только такая власть, независимая от каких бы то ни было велений враждебных демократии сил, способна будет спасти страну и революцию от грозящих им внутри и извне опасностей и поддержать среди самых тяжелых испытаний революционный энтузиазм народных масс и готовность их к жертвам.

Лишь тесный союз между всей городской и сельской демократией, пролетариатом и армией в борьбе против всех контр-революционных сил осуществит великие задачи, пред которыми история поставила Россию".

Впервые за время революции среди умеренной части социалистической демократии был выдвинут вопрос о создании „социалистического министерства", встретивший, однако, „оппозицию" со стороны центрального комитета меньшевистской организации. Ответственные руководители меньшевистской партии остались верными до конца фракционной традиции полного игнорирования требований жизни. Полгода русской революции, полгода непрырывной борьбы буржуазии за полноту политической власти с революционным народом ничему не научили упрямых сторонников злосчастной идеи „сотрудничества классов". „Смесь (в правительстве)

противоположных элементов,— говорит Ж. Ренар,— которая может быть пригодна для сопротивления общим врагам или в спокойное время, совсем неспособна действовать и негодна для революционного момента. Такое правительство — это пагубный эклектизм, который парализует смелую инициативу и мешает всякой энергичной и последовательной политике". „Единство управления есть необходимое условие спасения во время великих кризисов [1])".

Этого не могли или не желали понять сторонники соглашения с буржуазией.

В ответственный переходный час, когда политический здравый смысл властно требовал создания однородного по своему классовому составу революционного правительства, ибо только оно одно могло спасти страну от тяжких и грозных потрясений, центральный комитет меньшевитской партии вынес решение, в котором говорилось, что „коалиция должна быть восстановлена привлечением к власти цензовых элементов, преданных революции" [2]). Вновь революционной демократии рекомендовалось итти по пути ошибок и пережить снова „политическую канитель", сопровождавшуюся „хроническим" кризисом власти. В это время А. Ф. Керенский, ободряемый позицией меньшевиков, поддержанной всероссийским кооперативным съездом, начал переговоры с кадетом Кишкиным и крупными промышленниками Смирновым и Бурышкиным о вступлении их в состав нового правительства. Сведения об этих переговорах, которые велись келейно, за спиною революционной демократии, вызвали протест в левой социалистической печати и в рабочих организациях, требовавших полного разрыва с элементами, запятнавшими себя причастностью к корниловскому восстанию, и создания революционно-демократической власти. Петроградский Совет в резолюции от 23-го сентября указал, что „страна находится перед угрозой новой атаки со стороны контр-революции".

---

[1]) Жорж Ренар.—„Республика 1848 года". Над. Вятск. т-ва 1907 г. Стр. 5.

[2]) И. Ходоровский.—„Шаг вперед, два назад". („Изв. Моск. Сов. Раб. Деп." № 161).

„Временное правительство,—говорится в резолюции,—рядом своих распоряжений явно стремится к дезорганизации сил революции; оно распускает демократические революционные организации флота, намеревается ввести в состав правительства корниловско-кадетских заговорщиков“... Совет призывал рабочих и солдат к организации отпора контр-революции. Такой отпор может быть дан лишь организованными центрами революционной демократии— Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и им подобными органами, в корниловские дни уже доказавшими свою мощь в борьбе с натиском врагов революции, помещиков, капиталистов и генералов. Только Советы, представляющие силу готовых к действию революционных масс, оказались в состоянии раздавить вооруженный мятеж генерала Корнилова и кадетской буржуазии и только они могут спасти революцию. Советы должны сейчас мобилизовать все свои силы, чтобы оказаться подготовленными к новой волне контр-революции и не дать ей захватить себя врасплох. Везде, где в их руках находится полнота власти, они ни в коем случае не должны ее упускать. Революционные Комитеты, созданные ими в корниловские дни, должны иметь наготове весь свой аппарат. Там, где Советы этой полнотой власти не обладают, они должны всемерно укреплять свои позиции, держать свои организации в полной готовности, создавать по мере надобности специальные органы по борьбе с контр-революцией и зорко следить за организацией сил врага“... „Для объединения и согласования действий всех Советов в их борьбе с надвигающейся опасностью и для решения вопроса об организации революционной власти Петроградский Совет требовал немедленного созыва съезда Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов“...

2.

На демократическом совещании между тем продолжался словесный бой между противниками и сторонниками коалиции с буржуазией. Требование рабочих о создании однородной по своему классовому составу революционной власти было поддержано на совещании большинством ораторов—представителей демократических организа-

ции. Идея коалиции на совещании потерпела полное поражение. Против коалиции между прочим выступил с горячей речью социал-демократ меньшевик Богданов, давший резкую характеристику коалиционной власти. „Через шесть месяцев революции,—заявил Богданов—я, сторонник коалиционного правительства, боровшийся за коалицию с первого дня революции, говорю, что одной из главных причин бессилия власти является бесспорно коалиционность состава правительства".

Богданов делает отсюда правильный вывод: „Коалиция должна отойти в область предания и уступить свое место правительству, вышедшему из недр революционной демократии и ответственному перед органом, которой должен быть создан демократическим совещанием"[1]).

Особенно горячие речи раздавались на совещании против коалиции с кадетами. В защиту участия цензовых элементов в правительстве выступили бывшие министры-социалисты Церетели, Скобелев, Авксентьев, Зарудный и Пешехонов. Авксентьев доказывал, что „юная республика, получившая тяжелое наследство от самодержавия, приведенная войной, алчностью и саботажем буржуазии к полной финансовой и экономической разрухе, не может успешно отражать вражеского нашествия, не получая из-за границы денежной и технической помощи".

„Чтобы помощь наших союзников была целесообразна,—говорит Авксентьев,—нам необходимо участие в правительстве представителей всех классов, которые пользовались бы доверием и у наших союзников". По поводу этого заявления „Известия Моск. Сов. Рабоч. Депутатов" писали: „Следовательно, не особая ценность коалиции, не „государственный" разум кадетов, не продуктивность их государственной работы побуждают бывших министров ратовать за коалицию и рыцарей „народной" свободы. Представители буржуазных классов привлекаются в правительство для снискания доверия союзников. Не доверие страны должно быть основой власти в Российской республике, а доверие союзников—вот

[1]) Д. Моисеев. О коалиции („Изв. Моск. Сов. Раб. Деп." № 164)

аргумент защитников коалиции. Для реализации этого союзнического доверия необходимо, чтобы помощь их была целесообразно использована. Ясное дело, что целесообразность помощи союзного капитала может быть осуществлена только лишь тогда, когда цели войны, поставляемые Россией, будут аналогичны целям, выдвинутым союзниками (курсив наш, *К. П.*) Обессиленная войной, потерявшая значительную территорию, унаследовавшая глубоко расстроенное хозяйство, Россия не может и мечтать о каких бы то ни было захватах и завоеваниях. Ликвидация войны на основаниях, провозглашенных демократией,—вот насущная задача. При этих условиях согласованность целей войны с союзническими означает, что Россия должна быть простым наемником союзного капитала. „Целесообразность", денежная и техническая помощь означает цену, которой союзный капитал расплачивается за жизни миллионов российских пролетариев и крестьян, гибнущих в окопах для вящшей славы империализма" [1]).

Таково содержание формулы Авксентьева. Более убедительного аргумента против коалиции и придумать нельзя.

Защитники коалиции встретили поддержку, главным образом, со стороны части Крестьянских Советов, кооперативов и земств. Первое поименное голосование спорного вопроса разделило совещание почти на две равные части. За коалицию было подано 767 голосов, против — 688, при 38 воздержавшихся. После оглашения результатов голосования были предложены к резолюции две поправки: 1) „за пределами коалиции остаются к.-д. и элементы, причастные к корниловскому восстанию", и 2) „за пределами коалиции остаются все к.-д.". Первая поправка была принята большинством 813 голосов против 183, при 80 воздержавшихся.

Таким образом демократическое совещание высказалось против коалиции. Казалось, идее „сотрудничества классов" нанесен решительный удар. Коалицию можно было считать окончательно сданной в „музей революционных древностей".

---

[1]) К. Малинин — Сторонние силы („Изв. Моск. Сов. Раб. Депутатов" № 165).

Но страна наша богата неожиданными сюрпризами. Основной предпосылкой правительственной практики старой бюрократической власти было всегда правило: „поступай против выраженной воли народа и этим укрепляй устои власти". Этот принцип правительственной деятельности эпохи царского самодержавия, как тяжкое наследие, перешел к новой власти и стал основой правительственной практики в период „директории", отмеченной знаком личного режима. Представители левого социал-демократического течения—большевики — в печати и на собраниях указывали на большую опасность для революционной демократии и для судьбы демократической республики „углубления" личного режима, сосредоточения и воплощения власти в лице одного А. Ф. Керенского. Впервые об этой стороне власти на демократическом совещании заговорил бывший министр, народный социалист Зарудный. Он указал на недопустимость „власти личного влияния, власти персональной, за которую тем не менее, несет ответственность всегда демократия". —„При всем моем глубоком уважении к Керенскому,—заявил Зарудный, — без которого я не мыслю в данное время революции, я ярый противник, предоставления Керенскому полноты власти, ибо одному лицу предоставить власть революция не имеет права."

Большевистская точка зрения на характер установившегося „личного режима" нашла себе яркое выражение в речи умеренного социалиста. Даже Церетели и тот говорил о „необходимости изменения этого положения". Между тем „личный режим" оказывал все большее и большее влияние на направление внутренней политики. В таком огромном государственной важности вопросе, как организация власти, воля демократии в конечном счете была подчинена „усмотрению" Керенского, который признал за „благо" „призвать" к управлению страной отдельных представителей партии „народной свободы" и промышленных кругов, не запятнавших себя участием в корниловском восстании. За спиною сначала демократического совещания, а затем революционного предпарламента он энергично ведет переговоры с промышленниками и „кадетами", привлекая в состав правительства Кишкина, Коновалова, Третьякова, Бурышкина,

Четверикова и Смирнова. Таков „букет“ имен, украсивших список последнего „коалиционного министерства“, созданного в „порядке личного усмотрения“ и вопреки воле демократии. Предпарламент, выделенный демократическим совещанием для организации в первую очередь новой революционной власти, ответственной пред революционным предпарламентом, должен был примириться с „печальным фактом“ безответственного личного „хозяйничанья“ в стране, которую друзья и враги революции одинаково называли „свободнейшей страной в мире“. Все это свидетельствовало об идейном и политическом банкротстве демократического совещания и стоявших за ними общественных групп и политических партий.

„Личный режим“ на этот раз достиг своего высшего выражения, размах его „дерзновений“ коснулся предела возможностей, установленного непреодолимыми объективными условиями. Но в самый момент „великих дерзаний“ „личный режим“ таил уже в себе элементы падения. Головокружительный взлет „дерзаний“ носителя „персональной власти“ был началом конца его шумной политической карьеры. Деятельность А. Ф. Керенского в роли главы революционного правительства заслуживает того, чтобы на ней остановиться подробно, проследить его деятельность в ее мельчайших изгибах от первых дней революции до момента падения буржуазной власти. К сожалению, трудно сейчас уделить А. Ф. Керенскому столько внимания, сколько он по праву заслуживает. Не настало еще время объективной оценки „дней и трудов“ „национального героя“ великой русской революции. Приходится ограничиться лишь краткой, штриховой характеристикой отдельных моментов его политической деятельности.

В „правительстве спасения революции“ А. Ф. Керенский занял пост председателя-министра. С этого момента он перестал быть „заложником демократии во враждебном стане“. Лакированный демократизм уступил место „ужимкам“ и „гримасам“, воспринятым по наследству от старого царского режима. Личный элемент стал постепенно, почти незаметно, подчинять себе начало коллегиальности. Вся последующая

деятельность Керенского подтверждает эту точку зрения. Но Керенский не одарен твердой, стальной волей. Поэтому вся его политическая деятельность напоминает качающийся маятник. Конечные точки колебаний этого политического маятника слева—умеренная демократия, справа—либеральная буржуазия. К демократии Керенского „тянет" не общность политических и социальных идеалов... Нет. Здесь он ищет в „критическую минуту" опоры для укрепления возглавляемой им власти, но идеалы и стремления революционной демократии „пугают" Керенского—министра-председателя и он бежит искать опоры для власти, которую он, Керенский, возглавляет в стане врагов демократии. В эту схему укладывается вся его деятельность, все содержание всех его действий, всех выступлений, всех речей. В этом калейдоскопе бесчисленных „грозных" выступлений и „железных и властных" слов в сущности выявилось все убожество души мещанина-обывателя, на плечи которого жестокая судьба взвалила тяжкое бремя революционной власти, превышавшее его духовные силы.

В наиболее яркой форме выразился страх Керенского перед величественной ролью рабочего класса в русской революции и его стремлениями.

Яркий свет возможных достижений ослеплял, пугал обывателя... И он шел к гасителям революции, приобретавшей в рабочей среде значение мирового факела, освещающего человечеству путь к свободе, равенству и братству, путь к великой мечте пролетариата—социализму. И чем ярче пылал этот факел, тем значительнее был уклон Керенского в сторону врагов демократии, врагов революции. Здесь он искал и находил опору не только для „укрепления" возглавляемой им республиканской власти, но и для тенденций „личного режима".

3.

Против „личного режима" и правительства „гражданской войны" выступил с горячим протестом Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, ставший „одним из могущественных организационных оплотов большевистского течения". „После опыта корниловщины—говорится в резо-

люции, принятой Советом 25-го сентября, обнаружившего, что вся цензовая Россия занимает контр-революционную позицию, всякая попытка коалиции означает не что иное, как полную капитуляцию демократии перед корниловцами. Выражением этой капитуляции является состав формирующегося министерства, в котором решающее место отводится торгово-промышленникам—непримиримым врагам рабочей, солдатской и крестьянской демократии. Так называемые демократические министры, ни перед кем и ни перед чем не ответственные, не способны не нарушить, ни смягчить противонародный характер нового правительства, которое войдет в историю революции, как правительство гражданской войны. Петроградский Совет заявляет: „Правительству буржуазного всевластия и контр-революционного насилия, мы, рабочие и гарнизон Петрограда, не окажем никакой поддержки. Мы выражаем свою твердую уверенность в том, что весть о новой власти встретит со стороны всей революционной демократии один ответ: в отставку!.. И опираясь на этот единодушный голос, поданный демократией, всероссийский съезд Советов создаст истинно-революционную власть"...

Протест Петроградского Совета встретил горячий отклик со стороны рабочих столицы и провинции. Состоявшиеся на заводах и фабриках многочисленные митинги рабочих заявляли, что „только передача власти в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и только проведение этой властью революционной программы, выраженной в резолюциях Петроградского Совета,—только это может народ вывести из той пропасти, в которую оказалась низвергнутой измученная страна". [1]). Рабочие клялись „клятвою испытанного в борьбе пролетариата твердо стоять в рядах революции, которая знает и ясно видит контр-революционный лик нового правительства"... [2]). Приветствуя отрицательное отношение Петроградского Совета к коалиционной

---

[1]) Резолюция рабочих Невского судостроительного завода от 25-го сентября.

[2]). Резолюция рабочих завода „Вулкан" от 26-го сентября.

власти, общее собрание рабочих Русско Балтийского вагоностроительного завода единогласно заявило, что „правительству Керенского-Кишкина, правительству всевластия контрреволюционной буржуазии" нет доверия и поддержки рабочих... [1]). Рабочие Путиловского завода приняли резолюцию, требующую „передачи всей власти Совету Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, немедленного перемирия на всех фронтах, передачи земель крестьянским комитетам, немедленного контроля над производством, созыва всероссийского съезда Советов и освобождения всех заключенных членов земельных комитетов, арестованных правительственными комиссарами, и освобождения политических, томящихся в республиканских тюрьмах".[2]). К „путиловцам" присоединились рабочие Обуховского, Сестрорецкого и Александровского заводов. Лозунг „вся власть совстам" овладел умами почти всех рабочих и работниц Петрограда. Старики и молодежь видели спасение революции и страны в создании власти, опирающейся на союз революционных солдат, крестьян и рабочих. „Власть эта—говорили рабочие—не только спасет революционную Россию, но и сможет призвать все народы мира к братству и низвержению угнетателей".

Революционное настроение постепенно начало захватывать и армию. Солдаты, недовольные продолжением войны, требовали передачи власти в руки Советов, ибо верили, что только „советская власть способна прекратить четырехлетнюю бойню, затеянную капиталистами". Почти весь петроградский гарнизон к этому времени был на стороне большевиков. Настроение солдат на фронте тоже не могло не тревожить сторонников коалиции. Довольно значительные войсковые части определенно высказывали свое сочувствие партии, которая вела решительную борьбу с помещиками и капиталистами за „мир, хлеб и свободу"... Революционные рабочие в лице армии приобрели могущественного союзника для борьбы с буржуазией. Зашевелились и консервативные слои крестьянства. Последний оплот „соглашательской

---

[1]) Резолюция, принятая на общем собрании 28-го сентября.

[2]) Резолюция, принятая рабочими 11-го октября.

политики" дал трещину. Крестьяне в массе начали обнаруживать большую склонность к советской власти. 2-го октября Петроградский Совет Крестьянских Депутатов принял резолюцию, в которой между прочим говорилось, что „царско-милюковская дипломатия Российской республики, в течение 7-ми месяцев искажая истинную волю революционной демократии России, не только задерживала развитие революции в России и Европе, но ради империалистических целей русской и союзной буржуазии всячески тормозила приближение мира". Указав, что „нынешний министерский состав не способен по своей природе проводить политику русской революционной демократии," Совет Крестьянских Депутатов настаивал на передаче всей власти в „руки революционной демократии в лице ее полномочных органов – Советов Крестьянских, Солдатских и Рабочих Депутатов".

10-го октября в Петрограде был созван съезд Советов Северной области. Уже первое заседание съезда обеспечило полную победу большевикам. 12-го октября съезд принял резолюцию, в которой констатировал, что „коалиционная власть дезорганизовала, обескровила и истерзала страну", и „спасти народ может только немедленный переход всей власти в руки органов революции—Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов в центре и на местах" „Советское правительство—говорилось в резолюции—немедленно предложит от имени России перемирие на всех фронтах и честный демократический мир всем народам. Советское правительство немедленно без выкупа передаст помещичьи земли в руки крестьян".

Боевое настроение захватило и провинцию. Всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов 17-го октября заявила, что „правительство контр-революционной буржуазии губит страну"... Спасение революции и достижение целей, поставленных трудящимися массами, конференция видела только в переходе власти в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Съезд Советов Поволжья также стал на сторону большевиков, признав, что „власть, находящаяся в руках контр-революционеров

помещиков, корниловцев и „соглашателей“ из партии меньшевиков и эсеров ставит страну перед угрозой гражданской войны“. Съезд призывал рабочих „всей своей мощью встать для завоевания власти“.

Над Россией царил уже грозный призрак октябрьской революции. „Это был—пишет один из активных участников октябрьского движения Л. Троцкий—период непрерывных митингов на заводах, в цирках „Модерн“ и Чинизелли, в клубах, казармах. Атмосфера всех митингов и собраний была насыщена электричеством. Каждое упоминание о восстании встречалось бурей аплодисментов и кликами восторга. Буржуазная печать усугубляла настроение всеобщей тревоги. Подписанный мною ордер Сестрорецкому оружейному заводу о выдаче 5.000 винтовок красной гвардии вызвал неописуемую панику в буржуазных кругах. Повсюду говорили и писали о подготовляющейся всеобщей резне. Это, разумеется, нисколько не помешало рабочим Сестрорецкого оружейного завода выдать оружие красногвардейцам. Чем более неистово клеветала и травила нас буржуазная печать, тем горячей откликались на наш голос массы. Становилось все ясней для обоих сторон, что кризис должен разрешиться в течение ближайших дней. Печать социалистов-революционеров и меньшевиков била тревогу: „Революция в величайшей опасности. Готовится повторение июльских дней, но на более широкой основе, и потому еще более гибельное по своим последствиям“ [1].

Паника, охватившая буржуазные и соглашательские круги, свидетельствовала о приближении решительного часа. Правительство Керенского повисло в воздухе. Россия стояла на рубеже новой истории.

---

[1] Л. Троцкий—„Октябрьская революция“. Изд. „Коммунист“, стр. 61, 62 и 63.

ГЛАВА VII.

Гражданская война.— Измена правых социалистов.— Победа пролетариата.— Власть Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.— Бунт интеллигенции.— Учредительное Собрание.— Последняя страница буржуазной истории России.

1.

Октябрьская революция положила конец политике приспособления революции целям и интересам буржуазии. В огне вспыхнувшей гражданской войны сгорели „мечты" русской буржуазии о политической власти. Рабочий класс, потерявший, наконец, веру в творческие таланты „адвокатов" буржуазии, взял организацию власти в свои руки. На сторону рабочих перешли все солдаты петроградского гарнизона. 25-го октября в Петрограде появились первые грозные призраки гражданской войны. Через три дня власть уже была в руках рабочих и солдат. Все правительственные учреждения были заняты революционными войсками и рабочей красной гвардией. Попытки временного правительства оказать вооруженное противодействие натиску пролетарско-трудовой революции были подавлены. Здание Зимнего дворца, где укрылись члены правительства во главе с Керенским, было подвергнуто орудийному обстрелу с верков Петропавловской крепости и крейсера „Аврора". На площади перед дворцом расположились войска революционной армии и красная гвардия, которые затем вступили в бой с охранявшими дворец юнкерами и женским ударным батальоном. На помощь революционным войскам прибыл отряд матросов, занявший половину Зимнего дворца. На следующий день, после кровопролитного боя, защищавшие дворец юнкера и ударники сдались. Члены правительства были арестованы. Керенский бежал в действующую армию с целью организовать подавление восстания. Ему удалось привлечь на свою сторону часть войск, направленных им на Петроград. Однако, солдатская масса, несмотря на клевету, которую враги пролетарской революции распространяли против большевиков, стоявших во главе движения, скоро поняла, где находится

истинные друзья и враги трудового народа, — перешла в лагерь защитников требований, выдвинутых октябрьской революцией. Войсковые же части, оставшиеся „верными“ Керенскому, были разбиты революционными войсками и красной гвардией. Керенский бежал, переодевшись в форму матроса.

В Москве борьба за власть продолжалась неделю. Весь московский гарнизон выступил на защиту революции. Офицеры, оставившие свои части, образовали контр-революционные отряды. Против рабочих и солдат были двинуты также юнкера. По призыву право-эсеровского большинства городской думы и московского комитета соц.-рев. [1]), организовавших вооруженное противодействие восстанию трудовых масс, стали организовываться отряды „белой гвардии“ на помощь офицерам и юнкерам. Главный контингент „белогвардейцев“ составляли студенты и учащиеся старших классов средних учебных заведений. Как и во французскую революцию 1848 г., учащиеся выступили в Москве на защиту привилегий буржуазии. Студенческие отряды „белой гвардии“, руководимые офицерами, расстреливали рабочих и солдат. В разных частях города шли кровопролитные бои. Все население Москвы резко разделилось на два враждебных лагеря. На одной стороне стояли рабочие и солдаты и сочувствовавшая им городская беднота, на другой — промышленники, купцы, домовладельцы, банкиры и защищавшие их офицеры, юнкера и „белогвардейцы“. Последний перечень приходится дополнить: правые эсеры, и меньшевики, при чем позиция меньшевиков была не столь откровенною, как эср-ов. В этот грозный ответственный момент в жизни рабочего класса и трудового крестьянства, когда „железом и кровью“ решалась судьба русской революции и русской свободы, рабочий класс оставили социалисты оппортунисты. Правые соц.-революционеры не-

[1]) Орган москов. соц.-рев. „Труд“ 5-го ноября писал: „Те, кто находится в Думе и Кремле, *от чьего имени действовали юнкера*, были: московская социалистическая Городская Дума, Исполнительный Комитет Совета Крестьянских Депутатов, Президиум Совета Солдатских Депутатов, всероссийский почтово-телеграфный союз и *московский комитет партии социалистов-революционеров*“

рейли на сторону врагов рабочего класса и трудового крестьянства. Они вместе с врагами пролетариата, организовали кровавое подавление „большевистского бунта", подвергнув Москву ужасам шестидневной гражданской войны. Социал-демократы меньшевики, обещавшие, в случае вооруженного подавления восстания рабочих, быть в рядах рабочего класса и вместе с ним делить горе и радость борьбы [1]), отошли в сторону. Партия, сохранившая название „рабочей", фактически заняла враждебную позицию по отношению к рабочей революции. Меньшевистская печать не уступала буржуазной печати в „опсяльмовании" большевиков, якобы главных виновников гражданской войны. Во фракционном ослеплении они за „большевиками" не видели массы рабочих и солдат, умиравших во имя торжества идеалов рабочего класса. Из-за деревьев они не видели леса.

Гражданская война, вооруженная борьба классов, явившаяся неизбежным результатом развития русской революции, рассматривалась оппортунистами социализма, как вооруженная авантюра „кучки большевистских вождей", использовавших крайне оппозиционное настроение деклассированной солдатской массы.

Повторился в истории русского рабочего движения печальный факт великих дней парижской коммуны—предательство левой нац. собрания. „Вождям и друзьям" рабочего класса, оставшимся в этот грозный час в рядах буржуазии, можно было повторить слова воззвания, обращенного в дни парижской коммуны к Луи Блану и другим членам левой Национального Собрания: „Что вы делаете в Версале, который бомбардирует Париж? Какую роль вы можете играть среди этих коллег, которые убивают ваших избирателей?" [2]).

Буржуазия в яростной злобе вопила о „злодеяниях варваров" и „предателей", разрушающих священные достояния

---

[1]) В заседании Городской Думы 25-го октября Девятин от имени меньшевистской фракции заявил: „Если временное правительство вступит на путь расстрелов, меньшевики выступят против него и будут в рядах рабочего класса" („Изв. Моск. Сов. Раб. Деп." № 197).

[2]) Гиссагаре - „История коммуны 1871 г.". Изд. „Просвещение" Стр. 12

культуры и „цивилизации“. Указывая на социалистов оппортунистов, буржуазная печать твердила: „Смотрите, против большевиков их же товарищи социалисты: социалисты-революционеры и меньшевики... Большевики порвали с социализмом... Это—банда изуверов, губящих страну и революцию“. Так Тьер в 1871 году, пользуясь именем Луи Блана, Шельхера и других членов левой, телеграфировал в провинцию, что „они (левые) одобрили проклятие 21-го марта по адресу коммуны“... „Мы защищаем республику против бунтовщиков“... „В Париже во главе восстания кучка беглых разбойников... каторжников“.

Но между предательством „светочей французской левой“ — Луи Блана, Шельхера, Эдмонда Адану и предательством правого крыла русских социалистов есть все-таки разница. Сидя в Версале, служа щитом для „покорителя“ коммуны Тьера, Луи Блан лицемерно восклицал: „О, гражданская война! О, ужасная борьба! Пушки гремят! Одни убивают, другие умирают, а те, которые в собрании охотно отдали бы свою жизнь, чтобы разрешить мирным путем эту кровавую задачу, осуждены на страшное мучение видеть все это и не мочь сделать хотя бы одно движение, испустить один крик, сказать одно слово“ [1])! И только... Своим молчанием, своим бездействием они покрывали, „облагораживали“ кровавую расправу французской буржуазии с коммунарами.

Русские „светочи“ левой—Рудневы, Авксентьевы и Минары—сами организовали вооруженное подавление рабочего восстания. Они выступили в кровавой роли русских Тьеров, подавляющих пролетарскую революцию. В это время их „соблокчики“—меньшевики повторяли Луи Блана:

— „О, гражданская война! О, ужас борьбы! Пушки гремят!. А мы... мы отдали бы жизнь, чтобы разрешить мирным путем кровавую задачу!..“ Вместо жизни меньшевики отдали октябрьской революции весь запас фракционной злобы, ненависти и злостных измышлений, которыми они забрасывали ставших во главе октябрьского движения большевиков.

---

[1]) Лиссагаре—„История коммуны 1871 г.“ Изд. „Просвещение“. Стр. 12 и 13

По помощь правого крыла социалистов не спасла буржуазию. Гражданская война закончилась победой рабочего класса. В Петрограде, в Москве и во всех крупных городах России, кроме Дона и Украины (в феврале 1918 г. и на Украине), власть перешла в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. 28 октября 1917 года, по постановлению всероссийского съезда Советов Рабочих, солдатских и Крестьянских Депутатов, в Петрограде было образовано временное рабочее и крестьянское правительство, которое было названо Советом Народных Комиссаров. Заведывание отдельными отраслями государственной жизни было поручено комиссиям, состав которых должен был обеспечить проведение в жизнь провозглашенной съездом программы. Правительственная власть была передана коллегии председателей этих комиссий, т. е. Совету Народных Комиссаров.

Контроль над деятельностью Народных Комиссаров и право смещения их принадлежат всероссийскому съезду Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов и его Центральному Исполнительному Комитету.

В состав Совета Народных Комиссаров вошли:

Председатель Совета — Владимир Ульянов — (Ленин).

Народный комиссар по внутренним делам — А. И. Рыков.

Земледелия—В. П. Милютин.

Труда—А. Г. Шляпников.

По делам военным и морским комитет в составе: В. А. Авсеенко (Антонов), Н. В. Крыленко и Ф. М. Дыбенко.

По делам торговли и промышленности— В. П. Ногин.

Народного просвещения—А. В. Луначарский.

Финансов—И. П. Скворцов (Степанов).

По делам иностранным—Л. Д. Бронштейн.

Юстиции—Г. И. Оппоков (Ломов).

По делам продовольствия—И. А. Теодорович.

Почт и телеграфов—Н. П. Авилов (Глебов).

Председатель по делам национальностей — И. В. Джугашвили (Сталин).

Пост народного комиссара по делам железнодорожным временно остался незамещенным[1]).

Новое правительство обнародовало одновременно три декрета—о мире, о земле и об отмене смертной казни, принятые съездом Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов 26 октября 1917 года.

Декрет о земле гласил:

1) Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

2) Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных Земельных Комитетов и уездных Советов Крестьянских Депутатов впредь до Учредительного Собрания.

3) Какая бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом. Уездные Советы Крестьянских Депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства на земле со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и проч.

---

[1]) Состав Совета Народных Комиссаров впоследствии изменился. В 1919 г. в состав Совнаркома входили: В. И Ленин (председатель), Л. Д. Троцкий (народн. комиссар армии и флота), Г. Чичерин (народн. комиссар по иностранным делам), А. Луначарский (народн. комиссар по просвещению), В. Подбельский (народный комиссар почт и телеграфов, Шмидт (народн. комиссар труда). Н. Крестинский (народн. комиссар финансов), Винокуров (народн. комиссар социального обеспечения), Курский (народн. комиссар юстиции), Цурюпа (народн. комиссар продовольствия), Середа (народн. комиссар земледелия), Н. Семашко (народн. комиссар здравоохранения) А. Рыков (председатель Высшего Совета Народного Хозяйства) и Владимирский (замест. народн. комиссара внутренних дел).

4) Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным Собранием, должен повсюду служить крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией „Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов" и опубликованный в номере 88 этих „Известий" (Петроград, № 88, 19 августа 1917 г.).

5) Земля рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуется.

Декрет о мире был опубликован в следующей редакции:

„Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября, опирающееся на советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

„Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран,— миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии, таким миром правительство считает немедленный мир без аннексии (т.-е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуции.

Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

Под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает сообразно правовому сознанию демократии вообще, трудящихся классов в особенности, всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо

также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая на границах данного государства нация, независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни была нация удерживается на границах данного государства насилием, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию, все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета,— не предоставляют права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т.-е. захватом и насилием. Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные или слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях. Вместе с тем правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т.-е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто пред всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 года. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению вы-

годы привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным.

Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать открытые переговоры о заключении мира, правительство со своей стороны выражает готовность вести эти переговоры как посредством письменных сношений, по телефону, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таких переговоров правительство назначает своего полномочнаго представителя в нейтральныя страны.

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, причем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не менее, как на 3 месяца, т.-е. на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств—Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма и великие образцы чартистского движения в Англии, ряда революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, в геройской борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной дисциплинированной работе создания массовых пролетарских организаций Германии. Все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой за то, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения чело-

вечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветной энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплоатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплоатации".

Третий декрет отменял смертную казнь на фронте и в тылу.

Рабоче-крестьянское правительство сразу стало на путь решительных политических и социальных мероприятий, подрывавших „священные" устои буржуазного государства — собственность, безконтрольную и безграничную эксплоатацию рабочего класса, церковь, ставшую оплотом черной реакции. Один за другим были изданы декреты о рабочем контроле, об упразднении сословий, чинов и орденов, о гражданском браке, о национализации банков, об упразднении суда, об отделении церкви от государства. Президиум Московского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов издал декрет об отчуждении недвижимых имуществ в Москве. Многие из этих декретов, изданных в „порядке спешности" далеки от совершенства... Однако, не следует забывать, что Совету Народных Комиссаров пришлось работать в обстановке, насыщенной яростной злобой, ненавистью и проклятиями. Все, кроме эксплоатируемых и угнетенных, живущих тяжелых физическим трудом, поднялись против рабоче-крестьянской власти. Буржуазия никогда не сдает своих позиций легко. Она борется до последней капли крови тех, кто... вольно или невольно принял на себя защиту ее священных прав и привилегий. Потерпев поражение в открытом бою с революционной демократией, буржуазия при активном содействии правых социалистов-революционеров организовала „бунт трудовой интеллигенции", имевший целью парализовать государственный аппарат и этим „затормозить" деятельность ненавистной советской власти. Этот позорный бунт составит черные страницы в истории „народолюбивой" русской интеллигенции. В момент, требовавший величайшего напряжения культурных сил для строительства новой социалистической свободной России, интеллигенция изменила народу и связала свою судьбу с классом эксплоататоров и

угнетателей. Интеллигенция испугалась „социальных экспериментов“ новой революционной власти, подвергавших смертельной опасности источник ее материального благополучия — буржуазное государство. И интеллигенция выступила на защиту основы этого государства—на защиту гнусной системы эксплоатации трудовых масс. К „бунту“ примкнули чиновники всех ведомств, высшие служащие банков и городских самоуправлений, учителя, врачи, писатели... Словом, все, кто боялся победы рабочего класса, кто с падением буржуазии связывал неизбежность крушения личного „благополучия“.

Они не понимали, что поражение советской власти—это их поражение; победа крупной буржуазии—победа мрачной реакции. Им казалось, что, спасая буржуазию, они спасают и себя. Вот почему забастовка интеллигентных работников приняла такие широкие размеры. По призыву буржуазии, обещавшей забастовщикам материальную поддержку и скорое падение „большевистской власти“, они не только бросали работу в канцеляриях, школах и больницах, но и всячески мешали сторонникам рабоче-крестьянского правительства восстановить и наладить деятельность покинутых ими учреждений. Это был уже путь злостного саботажа. Необходима была большая выдержка, чтобы под неистовый вой буржуазии и ее приспешников наладить работу в правительственных и общественных учреждениях центра и периферии. Этой выдержке новая революционная власть обязана моральным и фактическим поражением саботажников. Политическая забастовка, покрывшая несмываемым позором имена участников и главных ее организаторов, не оправдала надежд противников советской власти.

2.

Такой же неудачей закончилась попытка буржуазии и меньшевистско-право-эсеровского блока использовать „хозяина земли русской—Учредительное Собрание“ для борьбы с властью Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Незначительное преобладание в Учредительном Собрании „право-эсеровских“ элементов, которые, по выражению А. В. Луначарского, „грудью защищают буржуазию от

натиска трудовых народных масс“[1]), окрылило врагов рабоче-крестьянского правительства. Однако, трудовые слои русского народа определенно стали на сторону советской власти. Многочисленные резолюции, принятые на рабочих собраниях и в деревнях на крестьянских сходах, говорили о том, что народные массы отлично понимают создавшееся в стране положение, при котором переход „всей власти Учредительному Собранию“ грозит опасностью революционным завоеваниям трудовых масс, ибо большинство в Учредительном Собрании принадлежит тем, кто взял на себя неблагодарную задачу—защиту привилегий господствующего класса, строящего свое благоденствие на невежестве и эксплоатации рабочих и крестьянских масс. „Учредительное Собрание,—говорилось в рабочих и крестьянских резолюциях,—должно закрепить все те завоевания, которые добыты октябрьской революцией. Поскольку Учредительное Собрание будет осуществлять эту задачу, постольку мы его будем поддерживать“...

Вопрос „быть или не быть“ Учредительному Собранию, был, таким образом, поставлен в зависимость от политического поведения большинства его членов. Признают ли они завоевания октябрьской революции или нет?.. Если „нет“, то Учредительное Собрание должно уступить место действительному хозяину земли русской—Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Кадетская и право-социалистическая печать подвергла эту точку зрения „анафематствованию“. Большевики за покушение на верховные права Учредительного Собрания были еще раз объявлены „изменниками“, „политическими авантюристами“, „предателями“ и „захватчиками власти“. На защиту Учредительного Собрания против советской власти призывались все „живые силы страны“, все „честные демократы“, все „истинные социалисты“. „Учредительное Собрание—старое требование демократии!..—кричали на всех перекрестках противники пролетарской революции.—За Учредительное Собрание гибли

[1]) Речь А. Луначарского в заседании Московского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов 5 декабря 1917 г.

на каторге, в Сибири и в тюрьмах лучшие сыны русского народа. Все на улицу, все на защиту верховного хозяина земли русской! Долой захватчиков!"

Да, Учредительное Собрание—старое требование демократии... За Учредительное Собрание шли в тюрьмы и на каторгу лучшие сыны русского народа... Все это так. Но могли ли предвидеть умиравшие за Учредительное Собрание, что оно в условиях великой русской революции станет „наживой для известного сорта рыбы", что оно станет объектом недобросовестной „политической спекуляции", имевшей целью использовать Учредительное Собрание, как орудие борьбы с народной рабоче-крестьянской властью?.. Разве можно было предвидеть, что Учредительное Собрание, в котором большинство будет принадлежать, хотя бы правым, но все же социалистам (так по крайней мере они себя именуют), станет угрозой революционным завоеваниям трудового народа? А ведь это было так. Вот почему все подлинно живые, революционные силы страны, все истинные социалисты стояли на точке зрения защиты завоеваний октябрьской революции. Вот почему попытки буржуазии и правых социалистов использовать Учредительное Собрание в реакционных целях были решительно осуждены революционными массами.

5 января 1918 г. состоялось открытие Учредительного Собрания. Право-эсеровское большинство сразу заняло боевую позицию. Опасения народа оправдались. Учредительное Собрание было против его завоеваний.

От имени Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов нового состава Учредительному Собранию в день его открытия было предложено принять следующую Декларацию прав трудящегося эксплоатируемого народа":

I.

„1) Россия объявляется республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам.

2) Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик.

II.

Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплоатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплоататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах, Учредительное Собрание постановляет далее:

1) В осуществление социализации земли частная собственность на землю отменяется, и весь земельный фонд объявляется общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа на началах уравнительного землепользования.

Все леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и мертвый инвентарь, все поместья и с.-хоз. предприятия объявляются национальным достоянием.

2) Подтверждается советский закон о рабочем контроле и о Высшем Совете Народного Хозяйства в целях обеспечения власти трудящихся над эксплоататорами, как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, жел. дорог и пр. средств производства и транспорта в собственность советской рабоче-крестьянской республики.

3) Подтверждается переход всех банков в собственность рабоче-крестьянского государства, как одно из условий освобождения трудящихся масс из-под ига капитала.

4) В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность.

5) В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплоататоров декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической красной армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов.

III.

1) Выражая непреклонную решимость вырвать человечество из когтей финансового капитала и империализма, заливших землю кровью в настоящей, преступнейшей из всех войн, Учредительное Собрание всецело присоединяется

к проводимой советской властью политике разрыва тайных договоров, организации самого широкого братания с рабочими и крестьянами воюющих ныне между собой армий и достижения во что бы то ни стало революционными мерами демократического мира трудящимися без аннексий и контрибуций на основе свободного самоопределения наций.

2) В тех же целях Учредительное Собрание настаивает на полном разрыве с варварской политикой буржуазной цивилизации, строившей благосостояние эксплоататоров в немногих избранных нациях на порабощении сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях вообще, и в малых странах.

Учредительное Собрание приветствует политику Совета Народных Комиссаров, провозгласившего полную независимость Финляндии, начавшего вывод войск из Персии, объявившего свободу самоопределения Армении.

Как первый удар международному банковому, финансовому капиталу, Учредительное Собрание рассматривает советский закон об аннулировании (уничтожении) займов, заключенных правительствами царя, помещиков и буржуазии, выражая уверенность, что советская власть пойдет твердо по этому пути вплоть до полной победы международного рабочего восстания против ига капитала.

IV.

Будучи выбрано на основе партийных списков, составленных до октябрьской революции, когда народ еще не мог всей массой восстать против эксплоататоров, не знал всей силы их сопротивления при отстаивании ими своих классовых привилегий, не взялся еще практически за создание социалистического общества, Учредительное Собрание считало бы в корне неправильным, даже с формальной точки зрения, противопоставить себя советской власти.

По существу Учредительное Собрание полагает, что теперь, в момент решительной борьбы с его эксплоататорами, эксплоататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству — Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Поддерживая советскую власть — декреты Совета Народных Комиссаров, Учредительное Собрание признает, что его задачи исчерпываются общей разработкой коренных оснований социалистического переустройства общества.

Вместе с тем, стремясь создать действительно свободный и добровольный, а, следовательно, тем более полный и прочный союз трудящихся классов всех наций России, Учредительное Собрание ограничивается установлением коренных начал федерации советских республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельно решение на своем собственном полномочном советском съезде, желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях".

Большинство членов Учредительного Собрания высказалось против декларации. Против прав трудового и эксплоатируемого народа.

Это решило судьбу Учредительного Собрания. 7 января 1918 г. Совет Народных Комиссаров опубликовал декрет о роспуске Учредительного Собрания, принятый Центральным Исполн. Комитетом Советов Рабоч., Солдат. и Крестьянских Депутатов.

„Российская революция,— говорилось в этом декрете,— с самого начала своего выдвинула Советы Раб., Солд. и Кр. Деп., как массовую организацию всех трудящихся и эксплоатируемых классов, единственно способную руководить борьбою этих классов за их полное политическое и экономическое освобождение.

В течение всего первого периода российской революции Советы множились, росли и крепли, изживая на собственном опыте иллюзии соглашательства с буржуазией, обманчивость форм буржуазно-демократического парламентаризма, приходя практически к выводу о невозможности освобождения угнетенных классов без разрыва этими формами со всяким соглашательством. Таким разрывом явилась октябрьская революция, передача всей власти в руки Советов.

Учредительное Собрание, выбранное по спискам, составленным до октябрьской революции, явилось выражением

старого соотношения политических сил, когда у власти были соглашатели и кадеты.

Народ не мог тогда, голосуя за кандидатов партии эсеров, делать выборы между правыми эсерами — сторонниками буржуазии и левыми — сторонниками социализма. Таким образом это Учредительное Собрание, которое должно было явиться венцом буржуазно-парламентарной республики, не могло не встать поперек пути октябрьской революции и советской власти. Октябрьская революция, дав власть Советам и через Советы трудящимся и эксплоатируемых классам, вызвала отчаянное сопротивление эксплоататоров — в подавлении этого сопротивления вполне обнаружила себя, как начало социалистической революции.

Трудящимся классам пришлось убедиться на опыте, что старый буржуазный парламентаризм пережил себя, что он совершенно несовместим с задачами осуществления социализма что не общенациональные, а только классовые учреждения, (каковы Советы) в состоянии победить сопротивление имущих классов и заложить основы социалистического общества.

Всякий отказ от полноты власти Советов, от завоеванной народом советской республики в пользу буржуазного парламентаризма и Учредительного Собрания — был бы теперь шагом назад и крахом всей октябрьской рабоче-крестьянской революции.

Открытие 5-го января Учредительного Собрания дало, в силу известных всем обстоятельств, большинство партии правых эсеров, партии Керенского, Авксентьева и Чернова. Естественно, эта партия отказалась принять к обсуждению совершенно точное, ясное, не допускавшее никаких кривотолков предложение верховного органа советской власти,— признать „декларацию прав трудящегося и эксплоатируемого народа“, признать октябрьскую революцию и советскую власть. Тем самым Учредительное Собрание разорвало всякую связь между собой и советской республикой России. Уход с такого Учредительного Собрания фракций большевиков и левых с.-р., которые составляют сейчас заведомо громадное большинство в Советах, пользуются доверием рабочих и большинства крестьян, был неизбежен

А вне стен Учред. Собрания партии большинства Учред. Собрания — правые с.-р. и меньшевики ведут открытую борьбу против советской власти, призывая в своих органах к свержению ее, объективно этим поддерживая сопротивление эксплоататоров переходу земли и фабрик в руки трудящихся.

Ясно, что оставшаяся часть Учред. Собрания может в силу этого играть роль только прикрытия борьбы буржуазной контр-революции за свержение власти Советов.

Поэтому Ц. И. К. постановляет: Учредительное Собрание распускается".

Так бесславно началось и закончилось однодневное существование Учредительного Собрания. На этом и обрывается буржуазный период русской истории. Роспуск Учредительного Собрания является ее заключительной страницей. Великая русская революция перевернула, закрыла эту последнюю страницу и сдала объемистый том в архив. Мощной рукой пролетариат России открыл первую страницу новой всемирной истории.

ГЛАВА VIII.

Борьба за мир.—Германские генералы в роли мировых жандармов. — Брестский мир.—Восстание левых эсеров.—„Передышка".

1.

После октябрьской победы пред рабочим классом России стояла грандиозная задача преобразования общественных и хозяйственных отношений в освобожденной стране. Советы, как органы революционной диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, должны были воспользоваться политической властью, чтобы „вырвать у буржуазии капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, то-есть пролетариата, организованного, как господствующий класс". Но выполнение этой исторической задачи было крайне затруднено. Рабочий класс России овладел политической властью под грохот канонады мировой империалистической войны, выкачавшей почти все жизненные соки из хозяйственного организма России. Народное хозяйство нашей

страны задолго до октябрьской революции было подготовлено червями, порожденными небывалой в истории человечества мировой войны. Необходимо было вырвать Россию из огненного кольца империалистической бойни, и вернуть пролетарские и крестьянские массы к производительному труду и строительству новой жизни. Вот почему советская власть считала первой своей задачей добиться мира. 7 ноября 1917 года Совет Народных Комиссаров, во исполнение декрета о мире, обратился по радио-телеграфу к союзным странам и странам центральной Европы с предложением заключить всеобщий мир на началах декрета, принятого 2-м всероссийским съездом Советов 26-го октября. На это предложение союзные правительства ответили угрозой. Через своих военных агентов они обратились к тогдашнему главнокомандующему, генералу Духонину, с заявлением, что „попытки к ведению сепаратных переговоров о мире приведут к тягчайшим последствиям". Советская власть ответила на эту угрозу воззванием ко всем рабочим, солдатам и крестьянам, в котором решительно заявляла, что „ни в коем случае не допустит, чтобы русская армия проливала свою кровь из-под палки иностранной буржуазии" [1]).

Одновременно Народный Комиссариат по Иностранным Делам приступил к опубликованию тайных договоров, заключенных царским правительством с правительствами союзных стран. Опубликованные тайные договоры открыли глаза широким народным массам на цели войны и вскрыли империалистическую сущность политики капиталистических правительств.

Германия и Австрия поспешили воспользоваться предложением советской власти и согласились вести переговоры о мире с правительством русских рабочих и крестьян. Целью этих правительств было поживиться за счет России, ослабленной в военном и хозяйственном отношениях, и развязать себе руки на восточном фронте для усиления натиска на западном. 22-го ноября 1917 года мирной делегацией было подписано соглашение о приостановлении военных действий

[1]) Л. Троцкий „Октябрьская революция". Стр. 104.

на всем фронте. Советская власть после этого вновь обратилась к правительствам союзных стран с предложением присоединиться к переговорам о мире, но призыв этот остался без ответа. 9-го декабря начались мирные переговоры между представителями советской республики и представителями правительств „враждебных стран". Однако, уже первые заседания Брест-Литовской мирной конференции показали, что между делегатами, съехавшимися для переговоров о мире, лежит глубокая пропасть противоположных целей и задач. Русская делегация, в состав которой, кроме Ю. Каменева, входили—один крестьянин, один рабочий, один матрос и один солдат, ставила своей задачей содействовать возможно скорейшему прекращению военных действий на всех фронтах. „На первом же заседании российская делегация заявила, что она прибыла для того, чтобы поставить на реальную почву переговоры об общем мире без аннексий и контрибуций на основе самоопределения наций". „Об этом мире,—заявили члены русской мирной делегации,—а не о каком-либо другом приехали мы вести переговоры. Во имя этого мира мы готовы были обсудить условия общего перемирия на всех фронтах, русских и союзных" [1]).

Мирную делегацию правительств воевавших с нами стран, в состав которой входили военные генералы и дипломаты, возглавлял верховный командующий восточных фронтов Леопольд Баварский. Делегация наших противников ставила себе определенные захватнические цели, особенно ярко обнаружившиеся в вопросах территориальных. Германия и Австро-Венгрия стремились отрезать от владений бывшей Российской империи значительную территорию — свыше 150.000 квадратных верст „с границами, которые охватывают бывшее Царство Польское и Литву, значительные пространства, населенные украинцами и белоруссами, латышами и эстонцами"... Территорию, населенную латышами, они делили на две части и „отсекали населенные эстонцами острова от эстонской части континента"... Германия и Ав-

[1]) Ю. Каменев „Борьба за мир" (Отчет о мирных переговорах в Бресте) 1918 г. стр. 8.

стро-Венгрия ставили себе задачей в пределах оторгнутых областей сохранить „режим военной оккупации не только после заключения мира с Россией, но и после заключения общего мира". Больше того, Германия и Австро-Венгрия отказывались „вступать в какие бы то ни было объяснения не только относительно срока очищения оккупированных областей, но и вообще связать себя какими бы то ни было обязательствами в смысле очищения названных областей от своих войск". Таким образом внутренняя жизнь в этих областях—по условиям Брестского мирного договора—должна была остаться, как заявил Л. Троцкий, на „неопределенную историческую эпоху в руках оккупационных держав", и развитие проживающих здесь народов ставилось в рамки, „какие правительствами названных держав будут сочтены совместными с их интересами [1])".

„Германские условия мира—писал по этому поводу один из главных участников первой русской мирной делегации, Ю. Каменев—обозначают раздел латышского, литовского, эстонского и белорусского народов. Германские условия мира отвергают самоопределение для этих народов. Они создают условия упрочения помещичье-буржуазной диктатуры в этих странах и изоляции трудящихся от революционного пролетариата и крестьянства России. Они предвидят расширение границ Германской империи за счет частей Польши, Литвы, и Курляндии в обмен за поддержку привилегированных классов этих стран за счет трудящегося населения" [2]).

Германско-австро-венгерская делегация, согласившись на словах вести переговоры о мире без аннексий и контрибуций, фактически, правда, в замаскированном виде,—домогалась и аннексий и контрибуций. Условия германско-австрийского мира не только „урезывали" территорию бывшей Российской империи, но были „направлены к противодействию планомерной государственной организации русского народного хозяйства в интересах трудящихся". Советская власть

---

[1]) Оценка германских предложений в речи Л. Троцкого 5—18 января 1918 г. (См. Ю. Каменев—„Борьба за мир", стр. 79, 80 и 81).

[2]) Ю. Каменев—„Борьба за мир" (Отчет о мирных переговорах в Бресте). Изд. „Жизнь и Знание". П-д. 1918 г. Стр. 43, 44.

признала предъявленные ей грабительские условия мира неприемлемыми.

Совет Народных Комиссаров, отказавшись подписать аннексионистский мирный договор, объявил, что демобилизует русскую армию и считает состояние войны с Германией прекращенным. Это означало, что „германскому народу не грозит более никакой опасности с нашей стороны".

Выждав развитие нашей демобилизации и не сделав даже предупреждения за 7 дней, как полагалось по условиям перемирия, правительства Гогенцоллернов и Габсбургов двинули свои войска в наступление против революционной России. Неприятельские войска заняли Двинск, Бендеры, Луцк и Минск.

Совет Народных Комиссаров сделал после этого новую попытку приостановить наступление германской армии, выразив согласие подписать предложенный России мир. Однако, наступление продолжалось. Германские генералы, помещики и банкиры сбросили маску: они желали мира грабительского и хотели использовать нашу демобилизацию для нового расширения своих захватнических притязаний Кроме того они, по выражению Леопольда Баварского, шли водворять в России „порядок". Они ставили своей задачей раздавить великую русскую революцию и спасти буржуазию всех стран от опасности социалистического переворота. Империалистическая война таким образом приобретала характер международной классовой войны, войны эксплоатируемых с эксплоататорами. Пред лицом нагло напиравшего германского империализма наше социалистическое отечество и революция были в опасности.

21/8 февраля Совет Народных Комиссаров обратился к трудовому населению советской России со следующим воззванием:

„Чтобы спасти изнуренную и истерзанную страну от новых военных испытаний, мы пошли на величайшую жертву и объявили немцам о нашем согласии подписать их условия мира. Наши парламентеры 20/7 февраля вечером выехали из Режицы в Двинск и до сих пор нет ответа. Немецкое правительство, очевидно, медлит с ответом, оно

явно не хочет мира. Выполняя поручение капиталистов всех стран, германский милитаризм хочет задушить русских и украинских рабочих и крестьян, вернуть земли помещикам, фабрики и заводы—банкирам, власть—монархии. Германские генералы хотят установить свой порядок в Петрограде и Киеве.

Социалистическая республика советов находится в величайшей опасности. До того момента, как поднимется и победит пролетариат Германии, священным долгом рабочих и крестьян России является беззаветная защита республики Советов против полчищ буржуазной империалистической Германии. Совет Народных Комиссаров постановляет:

Все силы и средства страны целиком предоставляются на дело революционной обороны.

Всем Советам и революционным организациям вменяется в обязанность защищать каждую позицию до последней капли крови.

Железнодорожные организации и связанные с ними Советы обязаны всеми силами воспрепятствовать врагу воспользоваться аппаратами путей сообщения; при отступлении уничтожать пути, взрывать и зажигать железнодорожные станции; весь подвижной состав—вагоны и паровозы—немедленно направлять на восток в глубь страны.

Все хлебные и вообще продовольственные запасы, а равно всякое ценное имущество, которым грозит опасность попасть в руки врага, должны подвергаться безусловному уничтожению; наблюдение за этим возлагается на местные Советы, под личной ответственностью их председателей.

Рабочие и крестьяне Петрограда, Киева и всех городов, местечек, сел и деревень по линии нового фронта должны мобилизовать батальоны для рытья окопов, под руководством военных специалистов. В эти батальоны должны быть включены все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины, под надзором красногвардейцев; сопротивляющихся расстреливать.

Все издания, противодействующие делу революционной обороны и становящиеся на сторону немецкой буржуазии, а также стремящиеся использовать нашествие империали

стических полчищ в целях свержения советской власти, закрываются. Работоспособные редакторы и сотрудники этих изданий мобилизуются для рытья окопов и других оборонительных работ.

Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контр-революционные агитаторы и германские шпионы расстреливаются на месте преступления.

Социалистическое отечество в опасности.

Да здравствует социалистическое отечество!..

Да здравствует международная социалистическая революция!"

Призыв Совета Народных Комиссаров встретил горячий отклик в рабочих массах. Спешно стали организовываться отряды красной армии. Рабочие и солдаты-социалисты, отражавшие нападения русской буржуазии, шли отстаивать революционные завоевания от покушений иностранных капиталистов.

Рабочие охотно шли на жертвы, но жертвы эти вряд ли остановили бы наступление немецких армий. Отдельные добровольческие рабочие отряды, вступившие в бой с немецкими регулярными войсками, оказались бессильны остановить натиск регулярной армии. Надо было признать всю рискованность для революции дальнейшего продолжения войны. „Старая армия была уже давно поражена смертельно и распадалась на части, загромождая все пути и перепутья. Новая армия в условиях общего истощения страны, страшного расстройства промышленности и транспорта, складывалась слишком медленно. Единственным серьезным препятствием на пути немецкого нашествия являлось пространство [1]).

Все это создавало, несмотря на воодушевление рабочих, на их готовность обороняться, тревожное настроение в пролетарских кварталах. Пред революцией и ее завоеваниями стояла не призрачная, а реальная опасность. Внутри страны враги октябрьских завоеваний уже лелеяли надежды на возможность свержения советской власти немецкими штыками.

---

[1]) Л. Троцкий — „Октябрьская революция", стр. 121.

В рядах господствующей правительственной партии—между „левыми“ и „правыми“ коммунистами — шел острый спор по вопросу об отношении к немецкому ультиматуму. „Представители одного течения („левого“, *К. Н.*) — пишет Л. Троцкий в своей книге, посвященной октябрьской революции—считали, что сейчас при наличности вооруженного вмешательства немцев во внутреннюю борьбу на территории республики, немыслимо создать состояние мира для одной из частей России и оставаться пассивными в то время, как на юге и на севере немецкие войска будут восстанавливать режим буржуазной диктатуры. Другое течение, во главе которого стоял Ленин, находило, что всякая отсрочка, всякая даже короткая передышка будет иметь большое значение для внутреннего упрочения и повышения обороноспособности России. После того, как пред всей страной и всем миром столь трагически обнаружилась наша неспособность в данный момент обороняться от неприятельского нашествия, заключение мира будет принято повсюду, как действие, навязанное нам жестоким законом соотношения сил. Было бы ребячеством исходить из соображений отвлеченной революционной морали. Задача состоит не в том, чтобы с честью погибнуть, а в том, чтобы в конце концов победить. Русская революция хочет жить, должна жить и обязана всеми доступными ей средствами уклоняться от непосильного для нее боя и выигрывать время в ожидании того, как на помощь ей придет революционное движение Запада. Германский империализм находится еще в свирепой схватке с милитаризмом английским и американским. Только поэтому возможно заключение мира между Россией и Германией. Нужно это состояние использовать. Благо революции—высший закон. Нужно принять мир, который мы не в силах отклонить, нужно обеспечить себе передышку, чтобы использовать ее для напряженной работы внутри страны и, в частности, для создания армии [1])“.

Последняя точка зрения встретила, кроме внутри—партийной—внешнюю резкую оппозицию: левые эсеры, входившие в состав правительства, не только высказались против

[1]) Л. Троцкий—„Октябрьская революция“, стр. 122, 123.

подписания Брестского мира, но повели шумную кампанию за продолжение „священной“ войны с германскими империалистами. Они верили в возможность победы над немцами и... толкали русскую революцию на верную гибель.

Внутри партии большевиков вскоре „спорные вопросы войны и мира“ потеряли свою прежнюю остроту. Созванный партийный съезд стал на точку зрения Ленина и „брестская оппозиция“ внутри партии должна была свернуть свои знамена по велению железной партийной дисциплины... Сторонники заключения мира одержали затем полную победу и на 4-м всероссийском съезде Советов Съезд высказался за подписание Брестского мирного договора в его втором усугубленном издании.

2.

Мир был подписан и ратифицирован. Российская республика великой ценой купила „передышку“. Левые эсеры, требовавшие все время продолжения „революционной“ войны, заявили на съезде, что они „не принимают похабного Брестского мира“, будут бороться и срывать его „всеми методами и средствами“. Представители левоэсерской партии, входившие в состав Совета Народных Комиссаров, демонстративно ушли из органов центральной власти. Став на путь срыва Брестского мира, левые эсеры сначала осторожно, а затем все смелее и смелее повели кампанию против большевиков, „якобы отдавших трудовые массы России в кабалу немецким помещикам и капиталистам“. Вчерашние друзья правительственной партии стали теперь ее злейшими врагами. Пользуясь „всеми методами и средствами“, они провоцировали крестьянские массы на борьбу с немцами и стремились во что бы то ни стало сорвать Брестский мир и втянуть Россию в новую войну. Коммунисты, стоя настраже интересов рабочих и крестьян, не могли, конечно, допустить срыва Брестского мира, заключенного волею всероссийского съезда Советов — верховного органа Российской республики — и решительно выступили против левоэсеровской авантюры. Пятый всероссийский съезд Советов по докладу Л. Троцкого принял резолюцию, в которой говорилось, что „всякие попытки вовлечения России в но-

вую войну будут беспощадно пресекаться"... На эту резолюцию левые эсеры 6 июня 1918 года ответили убийством в Москве германского посла Мирбаха и последовавшим за ним вооруженным восстанием, которое было ликвидировано в два дня. Не только среди рабочих и сознательных крестьян, но в рядах собственной партии—опасная для революции, „безумная авантюра" левоэсеровского центрального комитета вызвала взрыв негодования. „Все происшедшее в Москве в дни 6—7 июля—писал левый эсер В. Черный—носит печать роковой ошибки, трудно охватываемой с первого общего обзора во всех трагических последствиях ее для социальной революции" [1]). Крупнейшая левоэсеровская организация—саратовская—выступила с резким осуждением „июльской авантюры"... Вот что писал по этому поводу в саратовском „Знамени революции" один из видных членов этой организации С. Рудаков: „Выступать с оружием в руках против партии, имеющей большинство в Советах, выступать в такие критические моменты жизни революции, какие мы сейчас переживаем, это значит подрывать самую основу советской власти, во имя которой было поднято восстание левых с.-р."... Выступление ц. к. левых с.-р. против большевиков, какими бы они идейными соображениями ни руководились, объективно и неизбежно в данный исторический момент является выступлением контр-революционным" [2]). Убийство Мирбаха саратовские левые эсеры считали „преступлением против революции".

Июльская левоэсеровская авантюра нанесла жестокий удар самой партии, пользовавшейся до этого известным влиянием в рабочих и особенно в крестьянских массах. После московского восстания рабочие и крестьяне стали покидать партию, совершившую неожиданный для них прыжок „от международного революционного социализма к национальному контр-революционному патриотизму"... „Мы—открыто заявляли левые эсеры—расползаемся по швам

---

[1]) В. Черный—„Кризис партии". В сборнике „Вокруг московских июльских событий". Изд. „Революционный социализм". Саратов. 1918 г., стр. 11.

[2]) С. Рудаков—„О московских событиях". В том же сборнике, стр. 6 и 7.

Советская партия социального переворота готова превратиться в заговорщическую антисоветскую соглашательскую партию"... „Наша партия—писал А. Устинов—снова попадает в объятия правых с.-р., взявших, как известно, под свою защиту крепких мужичков... Эти „мужички", как и кое-какие полукадетские элементы на Украине, стали между прочим перекочевывать к нам в партию, почуяв ее новый курс вправо" [1])...

Партию левых эсеров стали „загрязнять" антисоциалистические, авантюристские элементы. Лучшие представители левого народничества „били в набат" и призывали товарищей „следовать заветным лозунгам, провозглашенным левыми эсерами с момента откола от правых," но тщетно... Спасти партию нельзя было. Она действительно „расползалась по швам". Это, однако, нисколько не смущало вдохновителей московского левоэсеровского восстания. Спрятавшись после позорного поражения в подполье, они стали объединять вокруг своего потрепанного знамени „новых бойцов", и, поддержанные „сочувствием" новых „солидарных товарищей", повели усиленную, по существу контр-революционную работу, избрав объектом своей антибольшевистской агитации преимущественно кулацкие элементы деревни. Борьба с большевиками стала для левых эсеров альфой и омегой политической деятельности. Эту борьбу они не прекратили и после того, как революция в Германии уничтожила главную основу их разногласий с коммунистами—знаменитый Брестский мирный договор. Вот уж действительно: „если природа хочет кого обидеть, она отнимает разум"...

3.

Брестский мир, вокруг которого велась ожесточенная борьба и было сломано не мало партийных копий, в полной мере оправдал надежды сторонников „передышки". Последующие события блестяще доказали правильность позиции Н. Ленина и в этом вопросе.

„Передышка" у к р е п и л а р е в о л ю ц и ю и дала возмож-

[1]) А. Устинов—„К всероссийской конференции партии левых с.-р." Сборник „Вокруг московских событий". Стр. 33.

ность советской власти создать мощную красную армию,— ставшую опорой советской республики. Создание миллионной социалистической армии в условиях обостренной классовой борьбы было великой победой революции... С первых дней пролетарской диктатуры рабоче-крестьянской власт пришлось вести упорную борьбу с врагами рабочего освобождения. Потеряв политическую власть и экономическое господство, русская буржуазия перебросилась в стан своих зарубежных классовых друзей и вместе с ними организовала контр-революционный поход на советскую Россию. Со всех сторон социалистическое отечество рабочих и крестьян окружили злейшие враги пролетариата. Антисоветский фронт сверкал причудливым разнообразием партийных красок. Здесь были и черные империалисты союзных стран, кадеты, монархисты-помещики и генералы, меньшевики-активисты и правые эсеры... Все они шли на советскую Россию под предводительством генералов царской службы—Колчака, Деникина и Краснова, вооруженные совершеннейшими орудиями истребления, доставленными на русский „большевистский фронт“ правительствами Англии и Франции. И только великая воля русских рабочих и крестьян к защите завоеванной свободы отстояла пролетарскую власть. Только революционная воля рабочего класса к борьбе создала стойкую, закаленную в боях социалистическую армию, которая на всех контр-революционных фронтах, охвативших советскую Россию огненным кольцом, доблестно отражала и отражает натиск отечественных и иноземных контр-революционеров, впитавших в свои ряды и российских социалистов-соглашателей.

Помощь „социалистического“ знамени, которым прикрывался первое время поход царских опричников на советскую Россию, не принесла врагам рабоче-крестьянской власти желанных результатов. Сквозь тонкую кисею поблекшего красного знамени трудовые массы России ясно видели четкие контуры черной реакции, которую несли на своих штыках, под ликующий клич российской буржуазии сначала чехо-словацкие, а затем англо-французские, колчаковские и деникинские отряды.

ГЛАВА IX.

Советская конституция.—От рабочего контроля к организации и управлению производством.—Национализация торговли.—Кодекс законов о труде.—Реформа школы.—III Коммунистический Интернационал.

1.

Находясь в состоянии беспрерывной ожесточенной борьбы с врагами социалистической революции, „ныряя между Сциллой и Харибдой двух империалистических левиафанов", советская власть, несмотря на это, нашла в себе достаточно мощи и творческой энергии для „огромной, неслыханной и невиданной в истории преобразовательной и созидательной работы во всех областях внутренней жизни" [1]). В политическом и социальном строительстве советской власти одно из первых мест по своему значению занимает советская конституция, положившая новые основы организации законодательной и исполнительной власти для переходной эпохи диктатуры пролетариата. Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики была принята 5-м всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 года. Согласно конституции, Россия была объявлена республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

„Российская республика—говорится в статье 10-й советской конституции—есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России. Вся власть в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских советах"... „Основная задача расчитанной на настоящий переходный момент конституции Р. С. Ф. Р. С. заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной всероссийской советской власти, в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплоа-

---

[1]) А. Г. Гойхбарг—„Пролетариат и право". Изд. Народн. Комис. Юстиции 1919 г., стр. 22.

ции человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти"... Труд в советской республике признается обязанностью всех граждан. „Не трудящийся да не ест"— гласит 18-я статья конституции, имея в виду, конечно, граждан, способных к труду. Старики, инвалиды и дети составляют предмет особых забот Комиссариата Социального Обеспечения.

Высшая власть в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике принадлежит, согласно конституции, всероссийскому съезду Советов. Съезд Советов „составляется из представителей городских Советов, по расчету один депутат на 25.000 избирателей, и представителей губернских съездов Советов, по расчету один депутат на 125.000 жителей. Из своего состава всероссийский Съезд Советов избирает Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет в числе не свыше 200 человек, который в период между съездами является высшей властью республики. Ведению всероссийского Съезда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета подлежат все вопросы общегосударственного значения, как-то: а) утверждение, изменение и дополнение конституции Р. С. Ф. С. Р. б) общее руководство всей внешней и внутренней политикой Р. С. Ф. С. Р.; в) установление и изменение границ, а равно отчуждение частей территории Р. С. Ф. С. Р. или принадлежащих ей прав; г) установление границ и компетенции областных советских союзов, входящих в состав Р. С. Ф. С. Р., а также разрешение споров между ними д) принятие в состав Р. С. Ф. С. Р. новых сочленов советской республики и признание выхода из российской федерации отдельных частей ее; е) общее административное разделение территории Р. С. Ф. С. Р. и утверждение областных объединений; ж) установление и изменение системы мер, весов и денег на территории Р. С. Ф. С. Р.; з) сношение с иностранными государствами, объявление войны и заключение мира; и) заключение займов, таможенных и торговых договоров, а равно финансовых соглашений; к) установление основ и общего плана всего народного хозяйства и отдель-

ных его отраслей на территории Р. С. Ф. С. Р.; л) утверждение бюджета Р. С. Ф. С. Р.; м) установление общегосударственных налогов и повинностей; н) установление основ организации вооруженных сил Р. С. Ф. С. Р.; о) общегосударственное законодательство, судоустройство и судопроизводство гражданское, уголовное законодательство и пр.; п) назначение и смещение как отдельных членов С. Н. К., так и всего С. Н. К. в целом, а также утверждение председателя С. Н. К.; р) издание общих постановлений о приобретении и утрате прав российского гражданства и о правах иностранцев на территории республики; с) право амнистии общей и частичной.

Сверх перечисленных вопросов, ведению всероссийского съезда Советов и Всероссийского Ц. И. К. подлежат все вопросы, которые они признают, подлежащими их разрешению. Исключительному ведению всероссийского съезда Советов подлежат: а) установление, дополнение и изменение основных начал советской конституции: б) ратификация мирных договоров.

В. Ц. И. К.—высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган Р. С. Ф. С. Р.—дает общее направление деятельности рабоче-крестьянского правительства и всех органов советской власти в стране, объединяет и согласует работы по законодательству и управлению и наблюдает за проведением в жизнь советской конституции, постановлений всероссийских съездов советов и центральных органов советской власти, рассматривает и утверждает проекты декретов и иные предложения, вносимые Советом Народных Комиссаров или отдельными ведомствами, а также издает собственные декреты и распоряжения. Для руководства отдельными отраслями управления учреждены следующие Народные Комиссариаты: по иностранным делам, по военным делам, по морским делам, внутренних дел, юстиции, труда, социального обеспечения, народного просвещения, почт и телеграфов, по национальным делам, финансов, путей сообщения, земледелия, торговли и промышленности, народного продовольствия, государственного контроля, Высший Совет Народного Хозяйства и здравоохранения. Общее упра-

вление делами Р. С. Ф. С. Р., согласно 37 статье советской конституции, принадлежит Совету Народных Комиссаров. „В осуществление этой задачи Совет Народных Комиссаров издает декреты, распоряжения, инструкции и вообще принимает все меры, необходимые для правильного и быстрого течения государственной жизни". О всех своих постановлениях и решениях Совет Народных Комиссаров обязан немедленно сообщить В. Ц. И. К. Все постановления и решения Совета Народных Комиссаров, имеющие крупное общеполитическое значение, представляются на рассмотрение и утверждение В. Ц. И. К., который „в праве отменить или приостановить всякое постановление или решение Сов. Нар. Ком.".

Советы Депутатов—органы революционной власти пролетариата — образуются: в городах по расчету 1 депутат на каждую 1000 человек населения, но в числе не менее 50 и не более 1000 членов, в селениях (деревнях, селах, станицах, местечках, городах с населением менее 10.000 жителей, в аулах, хуторах и т. д.) по расчету один депутат на каждые 100 человек населения, но в числе не менее 3 и не более 50 депутатов на каждое село".

Срок полномочий депутатов—3 месяца.

Для текущей работы Совет Депутатов избирает из своей среды Исполнительный Комитетет в количестве не свыше 5 человек в селениях, а в городах по расчету 1 на каждые 50 человек, но не менее 3 и не более 15 (Петербург и Москва не более 40). Исполнительный Комитет всецело ответствен пред избравшим его Советом. Периодически на местах созываются областные, губернские, уездные и волостные съезды Советов, которые в пределах данной территории являются высшей властью. Областные съезды составляются из представителей городских и уездных съездов по расчету 1 депутат на 25 тысяч жителей, от городов по одному депутату на 5.000 избирателей, но не более 500 делегатов на всю область; губернские (окружные)—из представителей Советов и волостных съездов по расчету один депутат на 10.000 жителей, а от городов по одному депутату на 2,000 избирателей, но не свыше 300 депутатов на всю губернию;

уездные (районные)—из представителей сельских советов по расчету один депутат на 1000 жителей, но не свыше 300 депутатов на весь уезд; волостные —из представителей всех сельских советов волости по расчету—один депутат на каждые 10 членов Совета.

Съезд Советов (областной, губернский, уездный, волостной) избирает свой Исполнительный Комитет, ответственный пред избравшим его съездом Советов.

В советской республике активным и пассивным избирательным правом пользуются только трудящиеся. Статья 64-я конституции гласит: „Правом избирать и быть избранным в Советы пользуются, независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и т. п. следующие обоего пола граждане Р. С. Ф. С. Р., коим ко дню выборов исполнилось 18 лет: а) все, добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом, а также лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда, как-то: рабочие и служащие всех видов и категорий, занятые в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и проч., крестьяне и казаки-земледельцы, не пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли, б) солдаты советской армии и флота, в) граждане, входящие в категории, перечисленные в пунктах *а* и *б*, потерявшие в какой-либо мере трудоспособность“. Привлекая к активному участию в выборных органах советской власти широкие слои трудящихся, конституция Р. С. Ф. С. Р., „руководствуясь интересами рабочего класса в целом, лишает отдельных лиц и отдельные группы прав“, которые могут быть использованы ими в „ущерб интересам социалистической революции“. Так, например, статья 65-я советской конституции лишает активного и пассивного избирательного права: а) лиц, прибегающих к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лиц, живущих на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; в) частных торговцев, торговых и коммерческих посредников; г) монахов и духовных служителей церковных и религиозных культов; д) служащих и агентов бывшей полиции,

особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также членов царствовавшего в России дома.

Таким образом, вся власть в советской республике—согласно конституции—принадлежит только трудовому населению. Имущие классы, паразитические элементы лишены права какого бы то ни было участия в выборных органах советской власти. Вручая власть рабочим массам, советская конституция „дает в руки рабочих могучее орудие осуществления своей власти"—право отзыва депутата. Согласно статье 78-й конституции „избиратели, пославшие в Совет депутата, имеют право во всякое время отозвать его и произвести новые выборы согласно общему положению". Статья эта дает возможность избирателям в любой момент прервать деятельность депутата в том случае, если эта деятельность направлена против их интересов и интересов рабочего населения в целом. Ни одна конституция в мире до сих пор не давала избирателям такого права. Буржуазные конституции, осуществляя „народовластие" в форме парламентского господства имущих классов над неимущими, обычно передают законодательную власть в руки небольшой кучки „народных представителей"—крупных и средних собственников, не связанных никакими „императивными мандатами". Депутаты буржуазных парламентов пользуются полной независимостью от... избирателей. Часто такого рода „независимость" открывает депутатам широкий простор для „законодательной деятельности", направленной во вред интересам самих избирателей. Советская конституция, предоставляя избирателям право отзыва депутата, исключает возможность использования подобным образом депутатских полномочий.

2.

Таковы основные положения первой в мире советской конституции. К ней, к этому,—по выражению германских левых социалистов,—священному огню обращены теперь взоры западно-европейских и американских рабочих. Они в этой драгоценной сокровищнице пролетарского правотворчества будут черпать готовый материал для советского строительства на своей родине. Разрушая старые буржуазные учреждения и институты, пролетариат России в

условиях ожесточенной борьбы создал новые институты, новые учреждения, отвечающие интересам трудового населения, а в потенции—интересам всего человечества. За год пролетарской диктатуры рабочий класс Российской советской республики проделал титаническую работу в области политического и социального строительства. В октябре и ноябре 1917 г. были нанесены первые смертельные удары частной собственности. В декабре 1917 года советской властью были изъяты из частно-правового оборота дома—источник нетрудового дохода домовладельцев. Особым декретом были запрещены все сделки по продаже, залогу и передаче в частную собственность на началах дара всех недвижимостей и земель в городах. 24 августа 1918 года советской властью было отменено „право частной собственности на все застроенные и незастроенные участки в городских поселениях, а в городах с населением более 10.000 человек отменена частная собственность на все строения, которые имеют доходность свыше установленной местными советами". Огромная творческая работа проделана советской властью в области организации нашей промышленности. Еще в начале ноября 1917 года были конфискованы и объявлены собственностью Российской республики за отказ подчиниться рабочему контролю имущества акционерных обществ Богословского и Симского горных округов, Русско-Балтийского металлургического, „Общества Электрического Освещения 1886 года", Путиловских заводов, Сергинско-Уфалейского и Кыштымского горного округа. В этот же период времени „в виду дальнейшей национализации производства были прекращены платежи дивидендов по акциям и воспрещены все сделки с ценными бумагами". В первой четверти 1918 года советская власть приступила к планомерной национализации промышленных предприятий в целях „упрочения диктатуры пролетариата и решительной борьбы с хозяйственной и продовольственной разрухой". Крупнейшие предприятия всех отраслей промышленности были объявлены собственностью Российской социалистической республики. Таким образом средства производства, составляющие частную собственность буржуазии, были

изъяты из частно-правового оборота и перестали служить способом „частного обогащения и частного обеспечения". Фабрики и заводы, на которых работали рабочие, стали достоянием государства трудящихся.

Переход промышленных предприятий в руки государства заставил рабочий класс создать ряд чисто классовых пролетарских учреждений для организации производства и распределения. Среди них первое место занимает Высший Совет Народного Хозяйства—центральный орган, регулирующий экономическую жизнь страны.

„Высший Совет Народного Хозяйства, согласно положению, регулирует и организует все производство и распределение и управляет всеми предприятиями республики. Все сметы государственного бюджета предварительно рассматриваются в Высшем Совете Народного Хозяйства и по его заключению вносятся на заключение Совета Народных Комиссаров. Финансирование всех отраслей народного хозяйства производится Высшим Советом Народного Хозяйства совместно с Комиссариатом Финансов и Контроля на основании особых на этот предмет постановлений. Для руководства в пределах общеэкономической политики, установленной Советом Народных Комиссаров и Центральным Исполнительным Комитетом, деятельностью Высшего Совета Народного Хозяйства, областных и местных Советов Народного Хозяйства организуется Пленум Высшего Совета Народного Хозяйства следующего состава: а) от Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 10 представителей; б) от Всероссийских Профессиональных Производственных Объединений 30 (в том числе от Всероссийского Совета Профессиональных Союзов 1); в) от Областных Советов Народного Хозяйства 2%—10—20; г) от Совета Союзов рабочей кооперации 2; д) от Комиссариата Продовольствия 1; е) от Комиссариата Путей Сообщения 1; ж) от Комиссариата Труда 1; з) от Комиссариата Земледелия 1; и) от Комиссариата Финансов 1; к) от Комиссариата Торговли и Промышленности 1; л) от Комиссариата Внутренних Дел 1. Итого 69 представителей. Все члены Пленума Высшего Совета Народного Хозяйства получают свои полномочия на

полугодичный срок и привлекаются к регулярной работе по постановлению президиума. Пленум собирается не реже 1 раза в месяц. Руководство работою Высшего Совета Народного Хозяйства возлагается на Президиум в количестве 9 лиц, из коих восемь избираются пленумом Высшего Совета Народного Хозяйства и утверждаются Советом Народных Комиссаров, а председатель избирается Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и пользуется правами народного комиссара.

Высший Совет Народного Хозяйства распадается на отделы, управления и комитеты, ведущие работу по организации и регулированию отдельных областей народно-хозяйственной жизни.

„Среди функциональных отделов Высшего Совета Народного Хозяйства—пишет В. И. Соловьев—должен быть выделен на первое место комитет хозяйственной политики, главная задача которого—притти на помощь всем остальным отделам и их учреждениям в деле организации производства, внося планомерность в хозяйственную политику государства. В круг деятельности комитета хозяйственной политики входит разработка общих планов хозяйственного строительства, вопросы внешней торговли и внутригосударственного товарообмена. К комитету хозяйственной политики примыкает отдел организации производства, задача которого состоит в разработке планов управления национализированными государственными предприятиями и в разрешении в связи с этим ряда технических вопросов. В виду необходимости согласованного выяснения всех мероприятий, необходимых для правильного развития и подъема производительных сил России, в отделе организации производства образовалась комиссия проектов для создания новых предприятий, улучшения способов производства и производства обследований производительных сил России, исследований, опытов и составления новых проектов. Для регистрации новых изобретений, рассмотрения и испытания их создался самостоятельный отдел изобретений. В один разряд с комитетом хозяйственной политики надо поставить еще отдел снабжения и нормировки, в задачи которого входят: учет

всякого рода материалов и распределение их между отдельными отраслями производства и все вопросы, связанные с эвакуацией промышленности. С целью планомерного собирания материалов статистико-экономического характера и более углубленной обработки их, чем это возможно в процессе повседневной практической работы, возник отдел экономических исследований. Являясь по идее научно-теоретическим аппаратам В. С. Н. Х., как органа регулирования совокупной экономической жизни страны, этот отдел поставил в первую очередь ряд аналитических исследований различных отраслей народного хозяйства. Вместе с тем для получения точных данных о текущих экономических процессах отдел организовал статистику снабжения и ныне организует статистику производства. Отдел принимал также ближайшее участие в работах комитета твердых цен с целью выработки принципов установления и согласования цен на все предметы массового потребления и элементы их производства.

„Несколько особняком среди других отделов стоит кооперативный отдел, который сосредоточивает в себе сведения, касающиеся положения и развития кооперации, вырабатывает законопроекты и издает соответствующие инструкции.

Для разработки плана установления порядка выполнения и осуществления государственного строительства, а также рассмотрение всех проектов государственных сооружений и общественных работ при В. С. Н. Х. создан комитет государственных сооружений, который состоит из распределительного бюро государственных сооружений, центрального управления по оборудованию и снабжению, финансово-экономического совета, технического совета и совета общественных работ. В комитете государственных сооружений сконцентрированы все соответствующие учреждения, разбросанные до сих пор по различным ведомствам. Распределительному бюро непосредственно подчиняются следующие управления: по сооружению железных дорог, по сооружению водного хозяйства, по сооружению шоссейных, грунтовых, и узкоколейных железных дорог по вспомогательным сооружениям, по транспорту, по город-

скому и сельскому строительству, по электротехническим сооружениям и по промышленному строительству. В ведении В. С. Н. Х. находится также управление национализированным морским и речным флотом и водными сообщениями, каковую работу выполняет главное управление водного транспорта (Главод). „Главод" самостоятельно решает все вопросы текущего управления, внося на утверждение Президиума В. С. Н. Х. лишь план работ и массовых перевозок, тарифы на перевозку грузов и другие вопросы общегосударственного характера. Во главе „Главода" стоит верховная коллегия из пяти лиц, утверждаемая Президиумом В. С. Н. Х., и в нем так же, как и повсюду, руководящая роль принадлежит Всероссийскому Профессиональному Союзу работников водного транспорта. „Главод" разбивается на ряд отделов: законодательно-юридический, ликвидационный, материальный, механической инспекции, морской, страховой, транспортный (тарифы, фрахты), торговых портов, труда (оплата труда, социальное страхование), эксплоатации, административный и др.

Вопросами общей финансовой политики государства в связи с требованиями народного хозяйства ведает финансово-экономический отдел, включивший в себя комиссию смет.

В течение 1918 года в Высшем Совете Народного Хозяйства были организованы следующие существующие ныне производственные отделы: 1) металла, 2) химический, 3) волокнистых веществ, 4) обработка пищевых и вкусовых веществ, 5) топлива, 6) горный, 7) электротехнический, 8) полиграфический" [1].

Так, в процессе революции рабочие России перешли от рабочего контроля к организации и управлению производством.

Дело снабжения населения необходимыми продуктами сосредоточено в Народном Комиссариате по Продовольствию и в продовольственных отделах местных Советов. В целях устранения небывалой разрухи в деле транспорта советской

[1]) В. Соловьев — „Конструкция Высшего Совета Народного Хозяйства". „Народн. Хозяйство" № 11, за 1918 год.

властью были изданы декреты об охране дорог, об увеличении их провозоспособности, о постройке продовольственных железных дорог. Весь торговый флот и все крупнейшие предприятия по железнодорожному транспорту были объявлены собственностью Российской социалистической республики. На комитет государственных сооружений была возложена забота о расширении сети железных дорог и выработке плана широкого железнодорожного строительства. Все транспортное дело, со всеми подобными предприятиями было окончательно изъято из частноправового оборота и передано в руки государства.

23 апреля 1918 года издан декрет о национализации внешней торговли. Все торговые сделки по покупке и продаже всякого рода предметов с иностранными государствами и с заграничными фирмами отныне должны были производиться только от лица Российской республики. Постепенно принцип национализации стал применяться и в области внутренней торговли. Одним из первых был издан декрет „о монопольном распоряжении государства всеми сельскохозяйственными машинами и орудиями". Затем последовали распоряжения о „запрещении продажи мануфактуры с фабрик частным лицам", о национализации „всех предприятий по оптовой торговле рисом, кофе, перцем и пряностями". Наконец, был издан и проведен в жизнь декрет о национализации всей внутренней торговли. Частный аппарат распределения был уничтожен и все дело снабжения населения необходимыми жизненными продуктами перешло в руки соответствующих учреждений советской республики.

В области экономических преобразований одним из крупных мероприятий является, конечно, национализация банков. „Еще в декабре (1917 года) все банки были переданы государству в целях решительного искоренения банковой спекуляции и всемерного освобождения всего трудящегося населения от эксплоатации банковым капиталом" [1]). В начале 1918 года все акционерные капиталы частных банков были конфискованы в пользу советской республики и банковые

---

1). А. Гойхбарг.—„Пролетариат и право". Стр. 45.

акции уничтожены. Таким образом у буржуазии было отнято мощное орудие, при помощи которого она подчиняла своему влиянию деятельность промышленных, торговых и транспортных предприятий. Все банковое дело было затем объединено в руках Народного банка Р.С.Ф.С.Р. В связи с изменением хозяйственных отношений должны были, конечно, резко измениться и функции банка. Значительная часть кредитных банковых операций стала достоянием прошлого.

3.

В области организации, учета и распределения труда проведен ряд мероприятий, устраняющих частноправовые начала, направленных к правильному и планомерному распределению и использованию рабочей силы. С этой целью были организованы биржи труда, создана инспекция труда, ставящая своей задачей „охрану жизни, здоровья и труда всех лиц, занятых какой бы то ни было хозяйственной деятельностью". 31 декабря 1917 года издан был декрет о страховании на случай болезни „всех граждан Российской республики без различия пола, возраста, вероисповедания, национальности, расы и подданства, занятых по найму во всех отраслях труда—фабрично-заводского, горно-промышленного, ремесленного, строительного, торгово-промышленного, перевозочного, сельскохозяйственного, лесопромышленного, рыбопромышленного, домашней промышленности, личных услуг и т. п., независимо от характера и длительности работы, а также от того, у кого они работают по найму: в государственных, общественных, частных или акционерных предприятиях и учреждениях или у отдельных лиц" [1]). Центральное место в области рабочего законодательства безспорно принадлежит „Кодексу законов о труде". „В нем—пишет А. Гойхбарг—провозглашается и проводится основное начало нового строя—труд для всех, не только трудовая повинность для всех трудоспособных, но и право на применение труда, то право на труд, которое в рамках буржуазного строя являлось неосуществимой утопией" [2]).

[1]) А. Гойхбарг.—„Советское законодательство за год революции". (В сборн. „К итогам октябрьской революции"). Стр. 10.

[2]) А. Гойхбарг.—„Пролетариат и право". Стр. 74.

„Рабочий кодекс“ советской России не только закрепляет завоевания октябрьской революции в области организации и охраны труда, но открывает широкий и свободный путь для дальнейших достижений в этом направлении. „В предприятиях и хозяйствах, применяющих труд в форме организованного сотрудничества—гласит статья V Кодекса,—трудящимся должно быть предоставлено под руководством центральной советской власти самое широкое самоуправление, на котором одном может быть основано плодотворное воспитание трудящихся масс в духе социалистического и коммунистического строя“. Стоит только прочесть Кодекс законов о труде, чтобы убедиться, какая пропасть лежит между рабочим законодательством советской России и остальных стран. „Целый ряд требований рабочих всего мира, осуществление которых, каждого в отдельности, в любой стране торжественно провозглашалось бы огромнейшей победой рабочего класса, в нашем Кодексе—пишет А. Гойхбарг—зафиксированы в виде скромных, весьма мало заметных, вошедших в будничный обиход правил“ [1]). Итак, то, что составляет для рабочих всего мира лишь мечту, в советской России проведено в жизнь и закреплено законом.

4.

Творческая сила пролетариата совершила переворот в области государственного и гражданского буржуазного права. Советская конституция создала новые основы пролетарской государственности, разрушив стройное здание „всеклассового парламентаризма“ эту политическую твердыню буржуазии. Гражданское буржуазное право потерпело большую „аварию“. Особенно сильно пострадала область имущественных отношений, возникших на почве господства частной собственности. Октябрьская революция между прочим уничтожила огромный отдел буржуазного права, право наследования, а в затхлую область семейного права влила живую струю раскрепощения женщины от „сохранившихся в этой области, у нас в России, обильных следов и пережитков

---

[1]) А. Гойхбарг.—„Пролетариат и право“. Стр. 74 и 75

патриархально-феодального строя". 16 сентября 1918 г. был „принят первый Кодекс законов Р. С. Ф. С. Р. об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, которым не признается никакой особой силы за церковными и религиозными браками, уравнены в правах женщина и мужчина, с качестве мужа и жены, отца и матери, уравнены в правах все дети, без различия их происхождения, созданы весьма облегченные условия для осуществления детьми этих своих прав, опека организована не па индивидуальных (личных), а на социальных началах в качестве переходной меры к полному обобществлению попечения о детях и других нетрудоспособных [1]). Вместо начал принуждения, постоянства и подчинения женщины мужчине, пролетариат область брачных и семейных отношений строит па началах свободы соединения и расхождения, вырвав „обряд брака" и „право развода" из цепких рук церкви. Все, что сделано в этой области пролетариатом, является крупным шагом вперед к полному изменению форм современного брака и семьи. Отделение церкви от государства решило проблему свободы совести. Православная церковь перестала быть государственным учреждением и потеряла господствующее положение среди других религиозных течений. Всякому предоставлена возможность верить, как он хочет. И забота о церкви и ее служителях возложена исключительно на верующих. Крупные завоевания революции закреплены и в области народного просвещения. Вместо казенных „низших" и „средних" школ, служивших проводниками буржуазной классовой идеологии, создана единая трудовая школа, ставящая своей задачей воспитание активных и полезных членов трудового коллектива. Сообщение учащимся в школе необходимых теоретических знаний связано с приобретением ими трудовых навыков. Живой дух революции коснулся и высших учебных заведений, этой цитадели буржуазной идеологии. Университеты и высшие специальные учебные заведения стали доступны для всех, желающих учиться. Рогатки, прону-

[1]) А. Гойхбарг.—„Советское законодательство за год революции". (Сборн. К „итогам октябрьской революции").

скавшие в высшую школу только „дипломированных“ сынков буржуазии и материально обеспеченных слоев мелкой буржуазии,—уничтожены. „Аттестат зрелости“, ключ от тяжелой двери „храма науки“, был брошен в сорный ящик истории. Пролетариат открыл двери этого „храма“ настежь—для всех, ищущих знания. В высшие школы влились новые пролетарские кадры студентов рабочих. Советская власть не только отменила плату за „право учения“, но взяла на себя заботу обеспечения учащихся на время прохождения ими курса высшей школы. Декрет о социальном обеспечении студенчества дает возможность учащимся отдать все свое время научным занятиям. Советской властью предприняты также шаги и к реорганизации преподавания, особенно на юридическом и историко-филологическом факультетах университета. Упразднение целого ряда устаревших кафедр, не отвечающих ныне жизненным потребностям, привело к уничтожению юридического факультета, на развалинах которого возник факультет общественных наук с отделениями—историческим, экономическим и политико-юридическим. В затхлую атмосферу высшей школы ворвалась новая свежая струя, появился ряд новых профессоров, не оторванных от жизни, как это было раньше, а активных работников не только в области научного исследования, но и в области революционного строительства. Появились новые курсы, новые научные дисциплины. С университетской кафедры сняты железные цепи запрета и целый ряд вопросов, находившихся еще вчера „в подполье“, ныне составляют предмет свободного научного исследования. Социология... история социалистических учений... история революционных движений... марксистская политическая экономия завоевали себе право гражданства на свободной кафедре свободного университета свободной страны.

Для подготовки кадра профессоров-марксистов в Москве открыта социалистическая академия общественных наук, научные сотрудники которой пользуются материальной возможностью посвятить свои силы и время научным работам по подготовке к будущей профессорской деятельности.

Этот далеко неполный и сухой обзор революционных

достижений развертывает пред нами грандиозную картину политического и социального строительства пролетариата. Она говорит нам о том, что в рабочем классе таится неиссякаемый источник великих ценностей потенциональной духовной и материальной культуры. Год с лишним пролетарской диктатуры обнаружил в рабочем классе огромные запасы творческой энергии и силы. В огне защиты революционных завоеваний пролетариат претворил лишь ничтожные крохи таящихся в нем творческих сил в факты великих преобразований, освобождающих человечество от капиталистического гнета, освещающих рабочим всего мира путь из „царства необходимости в царство социализма".

5.

На этот путь вступили в конце 1918 года и рабочие некоторых западно-европейских стран. Вспыхнувшая в ноябре 1918 года германская революция разрушила трон Вильгельма Гогенцоллерна. Революционный вихрь снес корону с головы австрийского императора. Болгарский король, спасая свою голову, поспешил уступить „королевский головной убор" своему сыну Борису. С треском рухнули троны многочисленных германских княжеств и королевств. Рабочие и крестьяне этих стран наполовину очистили путь для дальнейшей борьбы за торжество социализма. Русская революция расширила сферу своего влияния и приобрела новую опору в революционном движении западно-европейских рабочих. Империалистическая мировая война, разрушив 2-й Интернационал, и разделив рабочих на „враждебные" лагери, бросила их друг на друга. Русская социалистическая революция объединяла международный пролетариат под красным знаменем коммунистического Интернационала. Рабочие Франции, Англии, Италии и Германии постепенно освобождались от шовинистического дурмана, навеянного отечественными социал-патриотами. Европейские рабочие начали говорить со своими классовыми врагами внутри своих стран языком международного революционного пролетариата. Этот сдвиг к объединению рабочих вокруг социалистического знамени ясно обозначился в первой четверти 1919 г. во всех капиталистических странах.

Взоры европейских рабочих ныне обращены к советской России, к свободному отечеству свободных рабочих, этому организационному и боевому центру III коммунистического Интернационала. 2 марта 1919 года в Московском Кремле состоялось первое заседание международного конгресса коммунистических и социалистических партий. В конгрессе приняли участие с решающим голосом: коммунистическая партия России, коммунистическая партия Германии, коммунистическая партия Австрии, коммунистическая партия Венгрии, шведская партия левых-социал-демократов, Норвежская социал-демократическая партия, швейцарская социал-демократическая партия, американская социалистическая рабочая партия, балканская федерация революцион. с.-д. (болгарские „тесняки"), румынская коммунистическая партия, польская коммунистическая партия, коммунистическая партия Финляндии, коммунистическая партия Украины, коммунистическая партия Латвии, коммунистическая партия Литвы и Белоруссии, коммунистическая партия Эстляндии, коммунистическая партия Армении, коммунистическая партия немецких колонистов в России и объединенная группа восточных народов в России. Кроме того в конгрессе с совещательным голосом участвовали коммунистические группы: чехов, болгар, юго-славян, англичан, французов, голландская с.-д. партия, американская лига социалистическ. пропаганды, группа швейцарских коммунистов, туркенстанская группа, турецкая, грузинская, азербейджанская, персидская, китайская рабочая группа и корейская группа.

Первый съезд III Интернационала выработал платформу для нового международного объединения революционных рабочих и опубликовал „манифест коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира", в котором дан анализ последней стадии капиталистического развития, „ввергшей человечество в пучину войны" и подчеркнута была неизбежность мировой революции, несущей человечеству освобождение от капиталистического гнета.

„Во всех странах,—говорится в заключительной части манифеста,—где трудящиеся массы живут сознательной

жизнью, строятся ныне и будут строиться Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Укреплять Советы, поднимать их авторитет, противопоставлять их государственному аппарату буржуазии—такова сейчас важнейшая задача сознательных и честных рабочих всех стран. Через посредство Советов рабочий класс способен спасти себя от разложения, которое вносят в его среду адские муки войны, голода, насилия имущих и предательство бывших вождей. „Через посредство Советов рабочий класс вернее и легче всего может притти к власти во всех тех странах, где Советы сосредоточат вокруг себя большинство трудящихся. Через посредство Советов завоевавший власть рабочий класс будет управлять всеми областями экономической и культурной жизни страны, как это уже происходит в настоящее время в России".

Крушение империалистического государства от царского до самого „демократического" идет одновременно с крушением империалистической военной системы. Многомиллионные армии, мобилизованные империализмом, могли держаться лишь дотоле, доколе пролетариат покорно шел под ярмом буржуазии. Развал национального единства означает неизбежный развал армии. Так произошло сперва в России, затем в Германии и Австрии. Того же следует ожидать и в других империалистических странах. Восстание крестьянина против помещика, рабочего против капиталиста, обоих против монархической или „демократической" бюрократии неизбежно влечет за собою восстание солдат против командиров, а в дальнейшем—острый раскол между пролетарскими и буржуазными элементами армии. Империалистическая война, противопоставлявшая нации нацию, перешла и переходит в гражданскую войну, противопоставляющую класс классу.

Вопли буржуазного мира против гражданской войны и красного террора представляют собою самое чудовищное лицемерие, какое знала история политической борьбы. Гражданской войны не было бы, если бы клики эксплоататоров, приведшие человечество на край гибели, не сопротивлялись каждому шагу трудящихся вперед, не организовывали заговоров и убийств и не призывали вооруженной помощи

извне для удержания или восстановления своих грабительских привилегий.

Гражданская война навязывается рабочему классу его смертельными врагами. Не отказываясь от себя, от своей будущности, которая есть будущность всего человечества, рабочий класс не может не отвечать на удар ударом.

Никогда не вызывая искусственно гражданской войны, коммунистические партии стремятся сократить по возможности ее длительность, когда она с железной необходимостью возникает, уменьшить число ее жертв и прежде всего обеспечить победу за пролетариатом. Отсюда вытекает необходимость своевременного разоружения буржуазии, вооружения рабочих, создания коммунистической армии, как защитницы власти пролетариата и неприкосновенности его социалистического строительства. Такова красная армия советской России, которая возникла и существует, как оплот завоевания рабочего класса от всяких нападений извнутри и извне. Советская армия неотделима от советского государства.

Сознавая мировой характер своих задач, передовые рабочие уже с первых шагов организованного социалистического движения стремились к его международному объединению. Начало ему было положено в 1864 г., в Лондоне, в первом Интернационале, Франко-Прусская война, из которой выросла Германия Гогенцоллернов, подкосила первый Интернационал, дав в то же время толчок развитию национальных рабочих партий. Уже в 1889 г. эти партии объединяются на съезде в Париже и создают организацию II Интернационала. Но центр тяжести рабочего движения лежал в этот период целиком на национальной почве, в рамках национальных государств, на основе национальной промышленности, в области национального парламентаризма. Десятилетия организационной и реформаторской работы создали целое поколение вождей, которые на словах признавали в большинстве своем программу социальной революции, но на деле отреклись от нее, погрязли в реформизме, в покорном приспособлении к буржуазному государству. Оппортунистический характер руководящих партий II Интер-

национала вскрылся до конца и привел к величайшему в мировой истории краху в момент, когда ход исторических событий потребовал от партий рабочего класса революционных методов борьбы. Если война 1870 г. нанесла удар I Интернационалу, обнаружив, что за его социально-революционной программой нет еще сплоченной силы масс, то война 1914 г. убила II Интернационал, обнаружив, что над могущественными организациями рабочих масс стоят партии, превратившиеся в подчиненные органы буржуазного государства.

Это относится не только к социал-патриотам, ныне явно и открыто перешедшим в лагерь буржуазии, ставшим ее излюбленными уполномоченными и доверенными лицами, наиболее надежными палачами рабочего класса, но и к расплывчатому, неустойчивому течению центра, которое пытается восстановить второй Интернационал, т.-е. ограниченность, оппортунизм, революционное бессилие его руководящих верхов. Независимая партия в Германии, нынешнее большинство социалистической партии Франции, группа меньшевиков России, независимая рабочая партия Англии и другие подобные им группы фактически пытаются заполнить собой то место, какое до войны занимали старые официальные партии второго Интернационала, выступая по-прежнему с идеями компромисса и соглашения, парализуя всеми способами энергию пролетариата, затягивая кризис и тем усугубляя бедствия Европы. Борьба с социалистическим центром является необходимым условием успеха борьбы с империализмом.

Отметая прочь половинчатость, ложь и гниль изживших себя официальных социалистических партий, мы, коммунисты, объединенные в третьем Интернационале, сознаем себя прямыми продолжателями героических усилий и мучиничества длинного ряда революционных поколений от Бабефа до Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Если первый Интернационал предвосхищал будущее развитие и намечал его пути, если второй Интернационал собирал и организовывал миллион пролетариев, то третий Интернационал является Интернационалом открытого массового действия, революционного осуществления.

Социалистическая критика достаточно бичевала буржуазный миропорядок. Задача международной коммунистической партии состоит в том, чтобы опрокинуть его и воздвигнуть на его месте здание социалистического строя. Мы призываем рабочих и работниц всех стран к объединению под коммунистическим знаменем, которое уже является знаменем первых великих побед.

Пролетарии всех стран! В борьбе против империалистического варварства, против монархии, привилегированных сословий, против буржуазного государства и буржуазной собственности, против всех видов и форм классового или национального гнета—объединяйтесь!

Под знаменем рабочих Советов, революционной борьбы за власть и диктатуры пролетариата, под знаменем третьего Интернационала, пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

По поводу работ I конгресса III Интернационала Н. Ленин писал: „Прочно то в революции, что завоевано массами пролетариата. Записывать стоит только то, что действительно прочно завоевано. Основание III коммунистического Интернационала в Москве 2 марта 1919 года было записью того, что завоевали не только русские, не только российские, но и германские, австрийские, венгерские, финляндские, швейцарские, одним словом, международные пролетарские массы. И именно поэтому основание III коммунистического Интернационала есть дело прочное. Всего четыре месяца тому назад нельзя еще было сказать, что советская власть, советская форма государства есть завоевание международное. В ней было нечто, и притом существенное, принадлежащее не только России, но и всем капиталистическим странам. Но нельзя еще было сказать, до проверки на деле, какие изменения, какой глубины, какой важности, принесет дальнейшее развитие мировой революции. Германская революция дала эту проверку. Передовая капиталистическая страна—после одной из самых отсталых—показала всему миру за короткий срок, за какую-нибудь сотню с небольшим дней не только те же основные силы революции, не только то же основное направление ее, но и ту же основную форму новой пролетарской демократии—Советы. А на-ряду с этим в

Англии, в стране победительнице, в стране самой богатой колониями, в стране всего дольше бывшей и слывшей образцом „социального мира", в стране самого старого капитализма мы видим широкий, неудержимый, кипучий и могучий рост Советов и новых советских форм массовой пролетарской борьбы „Shop stewards committees"—комитетов фабричных старост. В Америке, в самой сильной и самой молодой капиталистической стране—громадное сочувствие рабочих масс к Советам. Лед тронулся. Советы победили во всем мире. Они победили прежде всего и больше всего в том отношении, что завоевали себе сочувствие пролетарских масс. Это самое главное. Этого завоевания никакие зверства империалистической буржуазии, никакие преследования и убийства большевиков не в силах отнять у масс. Чем больше будет свирепствовать „демократическая" буржуазия, тем прочнее будут эти завоевания в душе пролетарских масс, в их настроении, в их сознании, в их героической готовности к борьбе. Лед тронулся" [1])...

Основание III коммунистического Интернационала Н. Ленин назвал „преддверием интернациональной республики Советов, международной победы коммунизма.

К этой победе неуклонно идут рабочие всех стран. Путь к полной победе, к социализму, лежит через Советы Рабочих Депутатов. Не только в России, но и в странах Западной Европы—Советы рабочих являются осью революции. На советский путь вступают „большие" и „малые" нации. Трудящиеся малые нации, связывавших до сих пор свою свободу и свою независимость с покровительством той или иной „великой державы", начинают понимать, что только социализм несет им полное освобождение от политического, национального и экономического гнета. В социализме спасение не только „малых", но и „больших" наций. Эта мысль проникает в сознание рабочих и крестьян капиталистических стран, и ведет их на широкую дорогу революционной борьбы за освобождение пролетариата. Идея советского строя уже владеет умами трудящихся, постепенно, но верно вступающих на путь революции, на путь завоевания политической власти.

---

[1]) Н. Ленин—„Завоеванное и записанное". „Правда" № 51 за 1919г.

Пролетарская революция в Германии показала миру, как и революция русская, пример непоколебимой стойкости революционных рабочих. Истекая кровью, испытывая поражение за поражением в борьбе с утвердившейся в Германии властью социалистов-соглашателей, немецкие рабочие не сдают, однако, своей главной позиции, они не отказываются от революционной борьбы за торжество социализма. Начав бой в условиях, благоприятных для буржуазно-социалистической коалиции, спартаковцы повели его при враждебном отношении широких трудовых масс, не изживших еще буржуазно-демократических иллюзий „социалистов милостью буржуазии". Чтобы очистить путь для открытой борьбы с капиталом, спартаковцам необходимо было освободить массы от шейдемановского гипноза. И если при первом вооруженном столкновении с буржуазно-социалистической коалицией революционные рабочие Германии потерпели поражение, то в борьбе с соглашательскими иллюзиями в массах ими одержана крупная победа. В сознании трудовых слоев немецкого народа произошел заметный „сдвиг" от соглашательства к пролетарской революции. Об этом „сдвиге" свидетельствует рост спартаковского влияния в рабочих массах.

На фоне революции резко обозначился глубокий процесс классового размежевания не только в Германии, но и в других буржуазных странах. И никакие силы не остановят этого „естественного отбора". „Процесс классового расслоения во всех странах, обостряясь и углубляясь, приведет рабочий класс к решительному бою и неизбежной победе советской власти. Диктатура пролетариата стоит сейчас в порядке дня всех капиталистических стран. На мировую арену выступает новая сила—сила революционного пролетариата, которая положит конец хозяйничанию буржуазии и освободит рабочий класс и вместе с ним все человечество от гнусной системы эксплоатации человека человеком.

К. Новицкий (К. Петровин).

Москва.

20 февраля 1918 г.

12 августа 1919 г.

50 ш
12/IV

Цена 30 рублей.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена.

Государственное издательство.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА—1920.